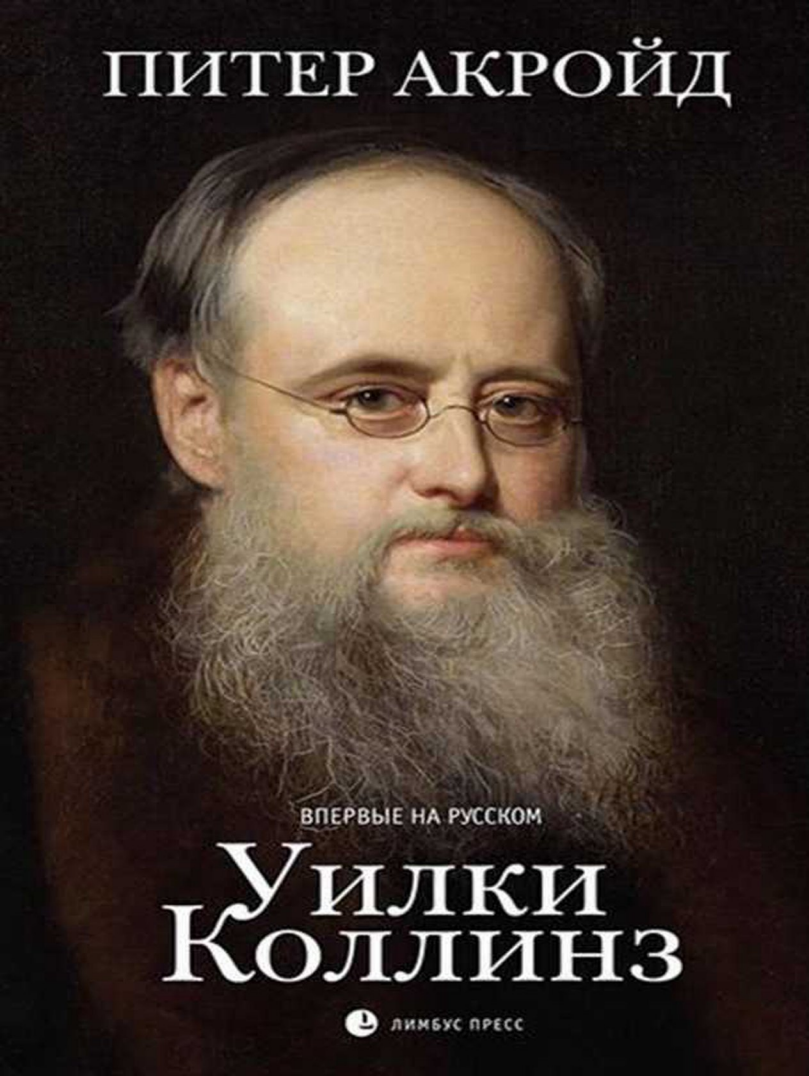
ПИТЕР АКРОЙД



ВПЕРВЫЕ НА РУССКОМ

Уилки Коллинз

ЛИМБУС ПРЕСС

Уилки Коллинз
Питер Акройд

Аннотация
Питер Акроид. Уилки Коллинз
Предисловие переводчика
Пресса о книге
1. Омни
2. Семья
3. Паломничество
4. Тираж!
5. Триумф
6. Новые времена
7. В пути
8. Тайная жизнь
9. На службе
10. Женщина
11. Подогретый разбавленный бренди
12. Цепь
13. Камень
14. Сердечная перемена
15. Кровяные мешки
16. Другая страна
17. Демонстративно
18. Боль в груди

19. Так и я
20. Постскриптум
Основные произведения Уилки Коллинза
Библиография

Аннотация

Биографические работы известного британского романиста и филолога Питера Акройда неизменно пользуются успехом у российских читателей. Что касается предмета его биографического исследования — писателя Уилки Коллинза, — то этот автор давно стал частью отечественной литературной картины мира, ведь «Лунный камень» и «Женщина в белом» еще с 1970-х годов служили украшением домашних библиотек. Акройд рассказывает о жизни Уилки Коллинза, его дружбе и сотрудничестве с Диккенсом, путешествиях, книгах — и одновременно рисует многоплановую картину жизни викторианской Англии.

На русском языке книга публикуется впервые.

Питер Акроид
Уилки Коллинз

Предисловие переводчика

Биографии британских и, шире, англоязычных литераторов и интеллектуалов разных веков, написанные филологом и романистом Питером Акройдом, давно пользуются заслуженной известностью. Их можно условно разделить на две группы по формату. Одни — большие, обстоятельные, подробные. Это изданные в России биографии Шекспира, Блейка, Диккенса. Другие — краткие, более популярные, представляющие общий абрис «героя». На русском языке выходили небольшие книги о Чосере, Эдгаре По, Ньютоне. Биография Уилки Коллинза относится ко второй категории. Однако эта книга тесно переплетается с подробной биографией Диккенса — друга и даже соавтора Коллинза, с биографией Лондона — города, определяющего все самое ужасное и увлекательное, радостное и печальное в жизни Коллинза, служившего для него источником вдохновения. Коллинз, как и Диккенс, для Питера Акройда особый автор. Акройд явно чувствует и последовательно выстраивает свою преемственность с ними как с «лондонскими

сочинителями».

Краткая и при этом достаточно подробная биография Уилки Коллинза традиционна по форме: генеалогия, семейная среда, учеба, дружеский круг, первые шаги на литературном поприще, рождение шедевров, личная жизнь, смерть. Но этим простым рядом содержание книги не исчерпывается, ведь для Питера Акройда каждое мгновение скромной и тихой жизни милого, болезненного и обаятельного Уилки, вольнодумного писателя, неутомимого рассказчика, театрала, поборника свободы женщин, остроумного и невероятно трудолюбивого, становится поводом для разговора о стране и мире, литературных жанрах, путешествиях по миру, науке и суевериях. И любая глава — это маленькое приключение, в ходе которого реальность превращается в историю, роман, пьесу, настоящую сказку.

Это веселая и обаятельная история про маленького великого человека.

Ольга Чумичева

Пресса о книге

Акройд так рассказывает про Уилки Коллинза и его книги, что хочется немедленно перечитать два главных его шедевра, а затем отыскать менее известные и еще не прочитанные. Именно в этом и состоит цель биографии литератора — направить нас к его произведениям.

The Independent

Создавая портрет обаятельного человека, окруженного друзьями из числа ведущих художников, писателей и музыкантов того времени, Акройд весьма комфортно чувствует себя в викторианской Англии и испытывает искреннюю симпатию к своему герою. Ему удается почти невозможное — вывести Коллинза из тени Диккенса.

The New York Times Book Review

Акройд говорит о Коллинзе: «Он упивался фактами и с восторгом оживлял их в своих романах», — но то же самое можно сказать и о самом Акройде.

Publishers Weekly

1. Омни

Своеобразная внешность мистера Уилки Коллинза обеспечила ему прозвище Омни из-за некоторого сходства с омнибусом. Пять футов шесть дюймов[1] — не особенно высокий рост даже для 1850-х и 1860-х. Голова выглядела слишком крупной для его тела, руки и ноги чересчур короткими, а ладони и ступни маленькими, их называли «более подходящими для женщины». С правой стороны лба выступала здоровенная шишка — результат осложнений при рождении; ее иногда определяли как «отек лобной кости».

Он всегда знал о своей странности и говорил, что в его случае природа оказалась «скверным художником»; он считал, что высоко поднятые плечи и в целом широкое тело «не соответствовали по всем пропорциям» его крупной интеллектуальной голове. Он был ужасно близорук, всегда носил очки. После тридцати отрастил бороду, чтобы придать лицу столь необходимую симметрию. В своих сочинениях он часто привлекает внимание читателей к физическим аномалиям,

---

[1] Примечания: 1

которые служат ключом к пониманию характера того или иного персонажа; он интересовался тем, что в его годы называлось наукой о физиогномике, но упоминал также эпилепсию, нарушения развития позвоночника, деформации лица и паралич конечностей.

Друг Коллинза, Холман Хант, оставил описание его манеры поведения. Приветствуя гостя, он раскачивался вперед-назад, обхватив колени, и «спрашивал с глубокой озабоченностью о том, откуда вы только что прибыли». Упоминали и характерное для него «нервное подрагивание коленей, словно он укачивал невидимого младенца». Он не мог спокойно стоять на месте. Чувствуя приближение приступа подагры, которой он был подвержен на протяжении почти всей жизни, «беспокойно шаркал ступней по полу». Однако в моменты расслабленности лицо его приобретало мечтательное и задумчивое выражение; во время разговора сверкающие глаза сквозь очки в золотой оправе буквально впивались в собеседника.

Как и многие его современники, он любил яркую одежду, словно участвуя в великой драме жизни в какой-то особой роли. Его доктор, Фрэнк Берд, отмечал, что Коллинз мог явиться к ужину «в светлом костюме из твида или верблюжьей

шерсти, свободной розовой или голубой рубашке в полоску и, скажем, с красным галстуком». На фотографии, сделанной в Нью-Йорке во время тура с чтением романов, писатель запечатлен в лохматой шубе. Есть свидетельства, что он носил «льняную рубашку, усеянную крупными красновато-бурыми квадратами, с низким вырезом, дополненную причудливо завязанным пестрым шарфом» в сочетании с ярко-голубым пиджаком и жилетом. У него был целый спектр галстуков, полосатых и в горошек. Уже перевалив за пятьдесят, он однажды отправился на прогулку по Лондону в элегантном пальто, какие обычно носили молодые люди, и услышал, как некая женщина сказала своему спутнику: «Только подумать: взрослый мужчина надевает такое пальто — в его-то годы!» Однако дома он предпочитал с комфортом работать в ночной рубашке.

Он был известен своим дружелюбием и привычно хорошим расположением духа; вероятно, обладал наилучшим характером среди всех викторианских романистов. Он не отличался жесткостью и энергией Чарлза Диккенса; у него не было задумчивого и величественного облика Джордж Элиот. Как отметил один из его приятелей, он был «меньше склонен к позерству,

чем кто-либо»; он был добрым и доступным в общении. У него не было «потаенных граней», и, кажется, женщины обожали его за лукавый юмор и непринужденное обаяние. Он располагал к себе мужчин веселостью и тем, что называли «юношеской жизнерадостностью». Он сам говорил о себе, что солидность не является частью его натуры. К немуможно применить характеристику, данную им же одному из персонажей: тот, «кому при знакомстве все пожимают руку, но никто не кланяется». Он всем был известен как Уилки — не Коллинз или мистер Коллинз.

Новое транспортное средство, омнибус, получило название от латинского «омни» (дословно — «всем»), потому что было доступно для всех, его демократичность можно считать предвестием актов о парламентской реформе 1867 и 1870 годов[2]. Коллинзу нравились поездки на омнибусе, он любил погружаться в среду, которую считал более «современной», чем «идеальной». По соседству с его домом пролегали маршруты омнибуса от паба «Йоркшир Стинго» в районе Паддингтон до Банка Англии, по Нью-роуд (сегодня Мэрилебоун-роуд), Сомерс-таун и Сити-роуд.

Это был не такой уж дешевый вид транспорта

---

[2] Примечания: 2

— шиллинг за полный билет, зато в нем бесплатно можно было читать газеты и журналы. Салон вмещал двадцать два пассажира, и Коллинз както написал, что «омнибус всегда представляет собой передвижную выставку эксцентричности человеческой натуры»; Уилки нравилось пристально изучать «совершенно разные способы забираться в экипаж и занимать в нем места, и каждый такой способ что-то сообщал о человеке». Он встречал там модную молодую даму в ярком кринолине, банкира в строгом черном костюме и цилиндре. В один из дней он замечал тучного джентльмена в белом галстуке, а в другой — человека с зеленой сумкой, потертого жизнью, но старающегося выглядеть прилично. Он мог подметить, как тучный джентльмен указывает зонтиком кэду, кондуктору, на некое нарушение правил. Он наблюдал за встревоженными, нервными, измученными и нездоровыми горожанами. В одном из его романов, «Бэзил»[3], молодой человек безнадежно влюбляется в девушку, случайно увидев ее в омни.

Кто-то из рецензентов охарактеризовал сочинения Коллинза как «битком набитые» случайными событиями, «словно омнибус пассажирами в

[3] Примечания: 3

дождливый день». Благополучно устроившись на сиденье, Уилки мог подслушать как характерные, так и довольно новые для тех лет лондонские обороты речи. «Это ошеломило меня. Я буквально измочален. Я сражен наповал. У меня ум за разум заходит. Ему хватит ума полюбить лимонад. Он с тараканами в голове. Это бы его немного встряхнуло. Уплетать за обе щеки. Пока-пока, сержант».

Он наизусть знал маршрут паддингтонского омнибуса, поскольку значительную часть жизни прожил неподалеку от Нью-роуд. Как большинство людей того времени, он держался хорошо знакомого ему района. Лондонцы обладают интуитивным чувством своей территории, они знают, где в городе сухой участок, а где сыро, где дуют ветра, а где душновато, они разбираются, в каком квартале климат здоровый, а где легко подхватить болезни.

Помимо нескольких лет в детстве, Коллинз жил на небольшом участке, ограниченном Оксфорд-стрит с юга и Риджентс-парком с севера, западная граница пролегала по Эджвер-роуд, а восточная была образована Грейт-Портленд-стрит. Во многих его произведениях можно найти сцены из жизни именно этого района по соседству с

Риджентс-парком, служившим центром притяжения для окрестных жителей. На самом деле Мэрилебоун был одной из наиболее респектабельных и в то же время самых мрачных частей Лондона. Подчеркнуто буржуазные дома из красного кирпича или со штукатурным декором вытянулись рядами вдоль строго прочерченных улиц. И все же Коллинз, как никто другой, чувствовал, что за пристойным фасадом из кирпича и штукатурки таятся причудливые преступления и темные страсти.

Среди наиболее сенсационных преступлений 1860-х были мошенничество, шантаж и отравления — преступления, совершаемые втайне или под прикрытием благопристойного облика, и именно они привлекали внимание Коллинза. Томас Харди говорил, что самые успешные сочинения того времени включали «убийство, шантаж, незаконное происхождение, подмену личности, подслушивание, многочисленные секреты, предполагаемое двоеженство, а также действия детективов — профессионалов и любителей». И это предельно точное описание сюжетных ходов Уилки Коллинза. В романе «Женщина в белом» он формулирует главный вдохновляющий принцип: «Идея, скрытая под

поверхностью». В процессе работы он создавал хрупкий мир, в котором царит нервное напряжение, кажущаяся обыденность скрывает целые скопления тайн и странных, болезненных отношений. Это был мир неопределенных, порой фальшивых идентичностей, сексуальных и социальных, мир, в котором никто не чувствовал себя в безопасности. Это был мир Лондона.

2. Семья

Он появился на свет в районе Мэрилебоун 8 января 1824 года, местом рождения был дом на Нью-Кавендиш-стрит, и тридцать пять лет спустя он вернулся на эту улицу — уже не с родителями, а с женщиной, которая стала спутницей его жизни. Его крестили в приходской церкви Сент-Мэрилебоун под именем Уильям Уилки Коллинз, и в детстве его звали Уилли. Его крестный отец, художник сэр Дэвид Уилки, заглянул в глаза младенца и поразил его родителей неожиданным восклицанием: «Он видит!» Как говорил позже сам Коллинз, сэр Дэвид Уилки чаще имел дело со щенками и котятами, чем с новорожденными людьми, и предполагал, что дети тоже рождаются слепыми.

Дом на Нью-Кавендиш-стрит семья делила с бабушкой и дядей по отцовской линии; а поскольку викторианцы были одержимы теориями по поводу наследственности и приобретенных качеств, вероятно, и нам стоит познакомиться с предками Коллинза, отыскав в них предпосылки его артистического дарования. Считается, что писатель

происходил от Сэмюэля Коллинза, анатома XVII века, из того же клана, что и некогда известный поэт XVIII века Уильям Коллинз. Больше известен дед по отцу, Уильям Коллинз — старший, уроженец графства Уиклоу, который, как многие другие молодые, исполненные надежд ирландцы, отправился в Лондон на поиски удачи; он воображал себя поэтом наподобие предполагаемого знаменитого предка, но вынужден был избрать более прозаический образ жизни реставратора и торговца картинами, обосновавшись на Болсовер-стрит в районе Мэрилебоун. Гораздо позднее на этой улице его внук, писатель Уилки Коллинз, поселит свою вторую спутницу жизни. Понемногу формировалась сеть лондонских адресов, привычных для разных поколений Коллинзов.

Согласно рассказам внука, Уильям Коллинз — старший не был обескуражен относительным недостатком успеха. Он писал «статьи в журналы, песни, проходные пьесы», проповеди и даже один политический памфлет. Однако его самым значительным произведением стало повествование о путешествиях и приключениях украденных полотен. «Мемуары картины» Уильяма Коллинза — деда — это не слишком связная авантюрная история из мира воров и изготовителей подделок,

которая явно нравилась Уилки Коллинзу. Отсюда он заимствовал описание среды фальсификаторов искусства для романа «История плута».

И все же старший Уильям Коллинз так и не смог избавиться от того, что его внук называл «материальными затруднениями», и семья Коллинз существовала, никогда не забывая о маячившем рядом призраке нищеты. Коллинз-старший умер в 1812 году, ничего не оставив жене и двум сыновьям; миссис Коллинз пришлось продавать мебель и домашние вещи, питание семьи стало «крайне скудным», а столом служил старый ящик. Это бедственное положение побудило Уильяма Коллинза — младшего (отца писателя) зарабатывать на хлеб тяжким трудом «художника на разовых заработках», не имевшего постоянного заказчика и твердого дохода. Вероятно, это послужило причиной финансовой осторожности и даже скуповатости нашего героя, Уилки Коллинза. Знакомые не раз подмечали его склонность мелочно торговаться с официантами и водителями кэбов.

На момент смерти родителя Уильяму Коллинзу — младшему, отцу Уилки Коллинза, исполнилось двадцать три года. Пятью годами ранее его приняли в школу при Королевской академии, он уже

заслужил репутацию пейзажиста, представив свои работы на летней выставке академии. Но после смерти отца вынужден был поддерживать брата и мать; благоразумие и усердие помогали ему мало-помалу прокладывать путь к финансовой стабильности и более респектабельному положению в обществе. В те годы молодой художник Коллинз записал в дневнике: «Поскольку невозможно подняться в мире без связей, я должен такие связи обрести». Он искал богатых и влиятельных покровителей; он стал образцом солидности и надежности; он был пламенным христианином, которого возмущало, что сосед в воскресный день занимается садовыми работами, например креплением к стене нектариновых деревьев. Тревога за свое общественное положение и профессиональный успех никогда не покидала его; в ту эпоху слишком легко было «сломаться» и пойти на дно. Выход был в трудолюбии, преданности делу и непрестанной тяжелой работе. По крайней мере в этом отношении его сын Уилки последовал примеру отца.

Первоначально Уильям Коллинз — младший заслужил репутацию картиной «Продажа ручного ягненка», нежной и гармоничной версией того, что в реальной жизни было весьма печальной

ситуацией, ведь ягненка продавали мяснику. Как ни странно, эту эмоциональную сцену следовало понимать не как подготовку к забою животного, а как сельскую идиллию, именно мягкого этого эффекта добивался художник, а его сын позднее называл это «простым и трогательным величием». Такое «умягчающее сердца» настроение определяло характерную тональность живописных произведений Уильяма Коллинза, в которых сочетались сентиментальность и натурализм.

Названия его картин во многом дополняют театральный и нарочито салонный эффект самой живописи, отражают удивительную способность викторианской публики скрывать и словноне замечать наименее приятные стороны английской жизни. «Погребение любимой птички», «Сельские дети», «Мыльные пузыри» и «Обманутые котята» — эти сюжеты не имеют ничего общего с реально существовавшим вокруг миром социальных проблем и массовых протестов граждан, обеспокоенных политическими неурядицами и экономическим кризисом. В воспоминаниях об отце Уилки Коллинз отмечает: он никогда не изображал «жестоких несчастий» или «грубых раздоров», составлявших часть жизни, вместо этого предпочитая писать милые картины пасто-

рального быта и виды природы, всегда «чистой» и «умиротворенной».

В 1821 году, когда доходы и репутация его упрочились, Уильям Коллинз сделал предложение Хэрриет Джеддес. Они познакомились семью годами ранее, на балу в Солсбери, но бедствующий молодой художник тогда не был готов содержать семью. Хэрриет Джеддес сама была из артистической среды. Ее сестра Маргарет была мастеровитой и популярной художницей, на протяжении жизни она представила публике сто сорок семь своих картин на традиционных выставках в Королевской академии живописи. У Хэрриет тоже были амбиции — она хотела пойти на сцену, но в те времена это, в отличие от живописи, считалось недостаточно респектабельным занятием. Вместо этого она стала гувернанткой, но затем оставила место и осенью 1822 года вышла замуж за отца нашего героя, обвенчавшись с ним в Английской епископальной капелле в Эдинбурге. Коллинзы поженились в Шотландии из-за сложностей, связанных с только что принятым так называемым Брачным актом[4], вступившим в силу в Англии; документ призван был «надежнее препятствовать тайным бракам»,

---

[4] Примечания: 4

однако текст отличался крайней неопределенностью, и через несколько лет закон был отменен. Уилки Коллинз появился на свет через шестнадцать месяцев после венчания родителей.

Позднее он писал: мать была «женщиной замечательного ума и культуры» и помогла сыну развить в полной мере «все те задатки поэзии и воображения, которые уже заключались в моей природе». В другой раз он говорил, что унаследовал материнский «дух». Без сомнения, Хэрриет была общительной и остроумной, обладала тем независимым нравом, который ее сын, ставший писателем, подарил своим любимым героиням. Жизнь гувернантки он описал в одном из романов, «Без права на наследство»: «Она производила впечатление женщины, способной поставить на место любых родителей в Англии, если бы они решились не ценить ее по достоинству»[5]. Одна из дочерей Чарлза Диккенса описывала Хэрриет в её поздние годы как «женщину великого ума и чувства юмора — но истинную дьяволицу!». Кейт Диккенс известна своими острыми и не слишком доброжелательными характеристиками людей — как-то раз она охарактеризовала самого Уилки как человека «настолько плохого, насколько это

[5] Примечания: 5

возможно», поскольку он жил с женщиной вне брака. Так что ее слова о Хэрриет могут означать всего лишь то, что миссис Коллинз могла в разговоре едко пошутить или достаточно жестко парировать неделикатное замечание собеседника.

На второй год семейной жизни Коллинзы-младшие провели лето и осень в коттедже в Хендоне, вскоре после возвращения, весной 1826 года, они переехали с Понд-стрит на Нью-Кавендиш-стрит, неподалеку от парка Хэмпстед-Грин. Это был второй в ряду небольших домов, сбегающих вниз по холму, в наши дни на этом месте расположена Королевская бесплатная больница. Хэмпстед стал для Коллинза священным местом. Именно он служит декорациями, на фоне которых впервые появляется «женщина в белом» — на пересечении Финчли-роуд с Вест-Энд-лейн и Фрогнал-лейн; во времена детства Коллинза это была деревня посреди полей. Писатель вспоминал, что его отец был «окружен одними из самых красивых и разнообразных пейзажей, которые только может предоставить Англия». В начале 1828 года семья увеличилась: родился младший сын, Чарльз Олстон Коллинз.

Сам Уилки Коллинз оценивал свое детство как

непримечательное, но счастливое. «Передай Уилли, — писал супруге его отец, — что сегодня я нашел для него две симпатичные кости каракатицы». Уильям Коллинз рисовал маленького сына, запечатлев его нервные и тонкие черты, слегка выступающий лоб. Писатель вспоминал, как сидел на коленях крестного, сэра Дэвида Уилки, наблюдая за тем, как тот рисует кошек, собак и лошадей. Мальчик катался на коньках с младшим братом, насчитывая в среднем по тридцать падений за один выход на лед.

Они по-семейному отмечали праздники. Летом 1829 года отправились на шесть недель в Булонь в надежде, что смена климата поможет восстановить здоровье захворавшей бабушки. Они сняли дом на рыночной площади, из окна Уильям Коллинз зарисовывал наиболее живописные эпизоды из повседневной жизни французских крестьян. Именно там мальчику рассказали мелодраматическую историю, которая произвела сильнейшее впечатление на его живое воображение. Годы спустя он вспоминал это предание: некий булонский рыбак спас чернокожего моряка во время кораблекрушения. Пострадавшему африканцу запретили входить в любой из домов в Булони из-за ограничений, связанных с

карантином, и рыбак-спаситель ночами ложился рядом с моряком прямо на улице, «пытаясь передать умирающему негру часть жизненного тепла своего тела». К несчастью, его усилия не имели успеха и спасенный в море умер от простуды.

В начале осени Коллинзы перебрались в Рэмсгейт. На этот курорт Уилки будет не раз возвращаться на протяжении всей своей жизни. В годы его детства там не было ничего, кроме моря, но море завораживало Коллинза своей страстью, на пыльных улицах Лондона он тосковал по нему, и редкий год обходился без поездки в Бродстэрс или Рэмсгейт — или даже дальше, в Корнуолл или на остров Мэн.

Вскоре семья переехала в дом побольше на площади Хэмпстед, но годом позже, в 1830-м, перебралась еще южнее, в Бэйсуотер, пригород столицы. Дом на Порчестер-террас находился в отдалении от Печи или Большого Жировика, как называли Лондон, но не был совершенно отрезан от оживленной жизни большого мира. Коллинз запомнил демонстрации 1832 года в связи с великим Биллем о реформе[6]. «Мой бедный отец, — писал он, — получил известие, что окна в доме разобьют, если он не обеспечит их

---

[6] Примечания: 6

освещение», то есть от него требовали поставить лампу или свечу в каждое окно, это служило бы знаком, что домовладелец или жители дома поддерживают выступление протестующих. Мальчики «обезумели от восторга», они смотрели на демонстрантов, «шедших по шестеро в ряд (в те дни люди были настроены серьезно), с запасом камней». Отец писателя был убежденным тори и не одобрял все эти шествия. Возможно, те впечатления стали источником вдохновения при описании застолья в «Лунном камне», когда один из собравшихся, «разгорячившись во время подачи сыра и салата по поводу демократии в Англии, разразился следующими словами: “Если мы однажды потеряем свои древние права, то с чем, потрудитесь ответить, мы останемся?..”».

Но у художника Уильяма Коллинза были в те дни не только политические, но и более личные причины для беспокойства. Летом 1833 года он писал жене из загородного дома одного из своих с трудом обретенных покровителей: «Мои нервы укрепились, боль в лице быстро слабеет». В дневнике он признается: «По временам ум мой туманится и тело слабеет». В этом соблазнительно увидеть некую наследственную черту. Его дети, и Уилки, и Чарльз Коллинзы, страдали от

«нервов», а Уилки в особенности был подвержен болям в области лица и глаз. Миссис Коллинз также лечила «нервы» в Брайтоне. То была эпоха тревожности, и позднее в одном из романов Коллинз описывал «дни злостного нервного истощения и исподволь распространяющейся нервной болезни». Вовсе не такие уж неистовые и уверенные в себе повелители империи, викторианцы постоянно страдали от нервного расстройства, считавшегося следствием того, что сами они называли «битвой жизни».

В начале 1835 года одиннадцатилетнего Уилки Коллинза записали в Академию Мейда-Хилл, дневную школу рядом с Эджвер-роуд. Он оказался образцовым учеником, судя по тому, что в конце первого года обучения получил первый приз в классе — двухтомник «Эссе» Саути[7]. Эта книга оставалась в его библиотеке до конца жизни. Однако в школьной среде не всегда приветствуют подобные успехи. В одном из воспоминаний Уилки писал, что «ленивые мальчики считали его предателем, усердные — соперником, а прежний победитель устроил ему настоящую взбучку». В общем, школу Уилки Коллинз не любил.

В это же время он открыл для себя радости

---

[7] Примечания: 7

приватного чтения. Он увлекся маминой коллекцией готических романов, обнаружил такие столпы детского просвещения, как «Арабские ночи»[8], «Робин Гуд» и «Дон Кихот». Он боготворил Вальтера Скотта и восхищался Байроном. Весьма логично предположить, что он предпочитал «легкое» чтение, по крайней мере, он не был зубрилой или интеллектуалом, отдавая симпатии приключениям, а не анализу.

Во время своих частых отъездов Уильям Коллинз пытался заочно руководить моральным воспитанием сыновей. «Скажи дорогим детям, — писал он жене, — что единственный способ, каким они могут услужить родителям, является послушание им во всем: пусть Чарли найдет в Писании отрывки, в которых особенно строго указано на этот долг, и пусть выпишет их для меня». Он настаивал на том, чтобы мальчики «продолжали молиться Богу, обращаясь к Нему через Иисуса Христа, чтобы посредством Духа Святого стать благословением для своих родителей».

Подобные моральные наставления, вероятно, не много значили для юного Уилки Коллинза. Позднее он высмеивал благочестие. В романе

---

[8] Примечания: 8

«Игра в прятки» отец шестилетнего мальчика говорит: «Ты продолжаешь запихивать ему в глотку церковь, а он продолжает давиться ею, как огромным куском, который невозможно переварить… Разве таким способом можно расположить его к религиозному обучению?»

И все же чувство религиозного долга, свойственное их отцу, не препятствовало активной общественной жизни семьи, глава которой не препятствовал светским удовольствиям. Естественно, глава семьи был знаком со многими выдающимися художниками своего времени, его круг общения включал и наиболее интересных поэтов. Например, Сэмюэл Тейлор Кольридж, судя по всему, был дружен с миссис Коллинз. Однажды Уилки поделился с другом воспоминанием о том, как великий поэт разрыдался, рассказывая его матери о своем пристрастии к опиуму. «Не плачьте, мистер Кольридж, — вспоминает Уилки совет матери поэту, — если опиум и вправду приносит вам хоть какую-то пользу и он вам необходим, почему бы вам не пойти и не принять его?» Поскольку сам Уилки ко времени этого рассказа пристрастился к лаудануму, его детское воспоминание можно истолковать как самооправдание.

В детстве Уилки, по его собственным словам, пострадал от несчастной первой любви. Речь шла о жене одного из соседей, которая была в три раза старше романтичного мальчика. Он был так одержим ею, что возненавидел ее мужа и убегал каждый раз, когда тот пытался заговорить с ним. Конечно, Уилки не мог позволить себе «вольности» с дамой, так что страдал молча. На протяжении всей жизни заметна его увлеченность женщинами, порой кажется, что он был влюблен в половину знакомых особ женского пола. Он нуждался в женском обществе, в его жизни были одновременно две постоянные женщины, но он явно интересовался и другими особами. Позднее он рассказывал друзьям по секрету, что его «сексуальное посвящение состоялось под иностранными небесами».

3. Паломничество

В девять часов утра, в понедельник, 19 сентября 1836 года, семья Коллинз наняла экипаж до Пиккадилли, откуда дилижансом отправилась в Дувр. Они направлялись в Италию. Путешествие обсуждали долго. Сэр Дэвид Уилки уверял Уильяма Коллинза, что изучение итальянских мастеров станет бесценным подспорьем для его искусства. Коллинз колебался, не желая прерывать обучение сыновей в слишком раннем возрасте, но сэр Дэвид Уилки и другие друзья уверяли, что мальчики получат больше от итальянского путешествия, чем от сидения за школьными учебниками. Так и оказалось. Двадцать пять лет спустя Уилки Коллинз признал, что научился в Италии большему, «полезному для меня, среди картин, пейзажей и людей, чем когда-либо узнал в школе». Италия для замкнутых, постоянно утомленных и тревожных викторианцев была мечтой. Там виделись им чувства и свобода, яркие цвета и солнечный свет, Италия воплощала душу и дух, а не деньги и материализм.

Семья Коллинз села на пароход в Дувре и напра-

вилась в Булонь, четыре дня спустя она прибыла в Париж. Родители не интересовались городом, им не нравились его запахи, и, по словам миссис Коллинз, «там не было магазинов, сопоставимых с Риджент-стрит». Уилки в город влюбился. Позднее Париж стал для него желанной целью, он восхищался красотой бульваров, оживленностью горожан. Миссис Коллинз не нравилась парижская еда: «Баранина жесткая, но всё простое неплохо приготовлено», — писала она, не оценив французские деликатесы. Ее сын, напротив, стал настоящим гурманом.

Семья медленно следовала на юг, к Средиземному морю. В Мартиге, под Арлем, была «единственная маленькая гостиница, хозяин которой никогда прежде не видел англичан. Этот странный тип имел привычку садиться за ужин вместе с постояльцами и носил кепку с поучительной независимостью», — шутливая зарисовка Уилки в воспоминаниях об отце сохраняет непринужденный дух семейного путешествия. Они доехали до Марселя, который, опять же по словам миссис Коллинз, «пах самым отвратительным образом». Вскоре пришло время перебраться в Канны и Ниццу, где они задержались на шесть недель.

Италия манила, от нее отделяла теперь лишь

одна граница. В середине декабря они наняли экипаж до Генуи, по пути Уильям Коллинз высовывался из окошка и делал наброски «бурных потоков — могучих ущелий — гор, окутанных облаками», пока они следовали вдоль Корниш[9]. Отец уверял, что эти пейзажи «почти свели его с ума…». Затем пароходом добрались до Ливорно, откуда направились во Флоренцию. Путешествие через Сиену и Апеннины привело их в Рим, где Уильям Коллинз заявил, что достиг «священной цели своего паломничества». Там семья оставалась до весны. Коллинзы нашли жилье на Виа Феличе. В стене дома, где они поселились, в нише стояла фигура Мадонны — прямо над прилавками с капустой и грудами мусора. Уильям Коллинз в арендованной студии взялся за серьезную живопись, в то время как даже из окна квартиры можно было наслаждаться видом римлян, «предающихся беззаботном отдыху, двигавшихся и сидевших с неосознанной грацией, с естественным изяществом линий и инстинктивным умением создавать удачную композицию». Уилки охотно усваивал итальянские уроки.

Семья осматривала буквально всё что можно. Они посетили Ватикан и Сикстинскую капел-

---

[9] Примечания: 9

лу, сходили на скачки, восхищались Колизеем — «вдвойне загадочным и величественным в сумерках, при угасающем свете», посещали оперу и балет, наблюдали за церемониями Святой недели, и оба мальчика торопливо сновали по собору Святого Петра, чтобы увидеть ритуал омовения ног паломников. Они прогуливались по холму Пинчо, который впоследствии сталместом действия первого опубликованного романа Коллинза «Антонина». Уилки писал: «Кто после усердного осмотра чудес этого темного, меланхоличного города не чувствовал себя обновленным благодаря его тенистым аллеям и свежему, благоухающему воздуху?»

Он вспоминал и о «великолепных римлянках… сплетничающих и нянчащих детей» прямо на улицах. Одна женщина особенно привлекла его внимание. Чарлз Диккенс пересказывает эту историю в письме свояченице. Он говорит, что Коллинз «как-то раз в экипаже… представил нам полный отчет о своем первом любовном похождении. Кажется, дело было в Риме и роман достиг, так сказать, предельного развития — он [Уилки] явился оттуда истинным языческим Юпитером». Вероятно, Уилки преувеличивал в пылу мужской бравады, но вполне возможно, что тринадцати-

летний мальчик мог соблазнить или мог быть соблазненным женщиной постарше.

На самом деле есть основания считать, что Уилки был сладострастен или, по крайней мере, что его сексуальные аппетиты пробудились весьма рано. «Думаю, вид сзади на прекрасно сформированное женское тело — наилучший, — писал он и в возрасте шестидесяти трех лет, — и бедра составляют самую драгоценную часть этого вида». Он с наслаждением описывает женских персонажей; так, у одной из его героинь фигура «стройная, но уже хорошо развившаяся в своей стройности, в изящной гибкости». Когда американский фотограф Сарони прислал ему подборку обнаженной женской натуры, Коллинз внимательно изучал снимки и особенно восхищался «Венерой», вступающей в купальню, эту фотографию он вставил в рамку и поместил у себя на рабочем столе. В романе «Антонина» богатый римлянин Ветранио просит работорговца прислать ему самых красивых женщин империи, чтобы они предстали перед ним «во всех оттенках цвета кожи, во всем своеобразии форм». Нетрудно усмотреть в этом пристрастия самого автора и его склонность к вожделению.

Он признавался Сарони, что его идеал — Венера

Каллипига, статуя, которую он мог увидеть в Национальном музее Неаполя на следующем этапе итальянского вояжа. Вид на нее сзади представляет весьма объемные ягодицы, и Коллинз говорил фотографу: «Моя жизнь прошла в поисках живой женщины, подобной ей, — и мне так и не удалось преуспеть в этом». Можно полагать, что он всегда пребывал в стремлении к идеальному образу. Вероятно, поэтому в его сочинениях женщины редко описаны с такой же подробностью, как мужчины, он скорее идеализирует женщин, чем изображает их, в то время как мужчин он описывает с поразительной точностью деталей. Не исключено, что именно увлечение женщинами, их телесностью побуждало его к сдержанности и лаконизму описаний.

В начале мая семья Коллинз выехала из Рима в Неаполь. В течение трех недель Уильям Коллинзделал зарисовки залива и береговых пейзажей, рыбаков и их лодок, он также нашел для себя свежий материал в «огромной армии нищих обоего пола, которые ели, пили и спали прямо на улицах». Он уже наметил обширные проекты и строил планы, когда семья заметила «странного вида желтые паланкины с зашторенными окнами», которые следовали по улицам, их пас-

сажиры были поражены холерой. Нависла угроза оказаться в карантине.

Так что Коллинзы поспешили перебраться в Сорренто, по другую сторону залива. Этот город должен был стать идеальным убежищем, но жара южноитальянского лета оказала на англичан слишком сильное влияние. В своем дневнике миссис Коллинз признается, что «совершенно раздавлена», а затем отмечает: «Уилли целый день ужасно докучлив. Отец вынужден был наказать его за обедом. В этом климате мы все становимся невыносимыми». В какой-то момент Уилки запер мать на крыше, неясно — было это случайностью или намеренным жестом, своего рода демонстрацией протеста. Старший Коллинз заболел ревматизмом и воспалением глаз, на те же симптомы будет со временем жаловаться и его сын. Камфора и касторка не облегчили страданий, и местные доктора рекомендовали пациенту серные бани Искьи.

В итоге семья подняла паруса и отправилась на этот островок. Там Уильям Коллинз успешно восстанавливал силы, но настроение его старшего сына заметно испортилось. «Уилли снова в опале». Когда они вернулись в Неаполь после окончания эпидемии, младший мальчик, Чарльз,

сломал руку. Стало ясно, что итальянское приключение подходит к завершению. В начале февраля они покинули Неаполь и вернулись в Рим. Оттуда неспешно двинулись домой через Венецию, Болонью, Парму, Верону и Падую. Финальный этап путешествия привел их из Роны в Кёльн и Роттердам. Они оказались в Лондоне 15 августа 1838 года, после двух лет странствий.

Нет сомнений, что молодой Уилки Коллинз сильно изменился благодаря этому опыту. Его спонтанное практическое образование оказалось успешным, и, как большинство юношей своего круга, он провел много времени в обществе, совершенно не похожем на средний класс Англии. Он научился читать по-французски и свободно болтать по-итальянски. Вероятно, ему повезло приобрести первый сексуальный опыт. Он чувствовал себя обновленным, совсем другим человеком.

И вот после этого блестящего опыта он снова вынужден был томиться в компании лондонских школьников. По возвращении семья обосновалась в знакомом ему районе Риджентс-парк, в доме 20 по Авеню-роуд, и вскоре Уилки отправили в школу-пансион в северной части Хайбери. Академия Генри Коула выходила фасадом на

Хайбери-филдс. Это не была частная школа высокого уровня, но все же считалась вполне солидным и относительно недорогим учебным заведением — пребывание там Уилки обходилось всего в девяносто фунтов в год. Директор школы, преподобный Коул, одновременно служил священником в капелле Провидения в районе Айлингтон.

Уилки и на этот раз учился неподалеку от дома и не испытывал страданий, через которые проходили многие чувствительные английские школьники. Однако префект его общежития, похоже, был тираном. По словам Уилки, он «обожал на ночь слушать истории, словно восточный деспот, литературным вкусам которого мы обязаны “Тысяче и одной ночи”». Он мог заявить несчастному школьнику: «Ты пойдешь спать, Коллинз, лишь когда расскажешь мне историю». Если Уилки успешно справлялся с требованием, получал печенье, если не смог развлечь повелителя — плетку-девятихвостку. Эта красочная байка, возможно, является приукрашенной версией реальности, однако она показывает, что повествовательный дар Коллинза уже тогда был оценен. Кроме того, Уилки отлично читал вслух. Он зачитывал отрывки из «Франкенштейна» Мэ-

ри Шелли и «Монаха» Мэтью Льюиса своей тете и ее многочисленным гостям, а те восклицали: «Боже! Ох! Ах! Вот это да!» Ему нравилось, когда у слушателей мурашки по коже ползли от страха. Один из его персонажей говорит: «В данный момент прическа у тебя прилизанная, но волосы твои встанут дыбом к концу моего рассказа».

Были и другие воспоминания об академии. Судя по всему, Уилки заслужил там репутацию ленивого и невнимательного ученика. «Если бы это был Коллинз, — выговаривал один из учителей другому ученику, — я не был бы удивлен. Никто *не ожидает* от *него* ничего особенного. Но Вы! И т. д. и т. п.». Тот факт, что на уроках Уилки блистал знанием французского, лишь отталкивал от него одноклассников. Он лучше других мальчиков знал мир, больше путешествовал, чем многие из его сверстников. Два письма к матери из школы написаны на итальянском не как упражнение, а скорее как шифр, чтобы избежать пристального взгляда учителей, неизменно просматривавших корреспонденцию учеников, — это считалось нормой. На итальянском он называл школу «тюрьмой» и «этим проклятым местом». Он, очевидно, не чувствовал себя там комфортно. Странноватость и даже некоторая

эксцентричность его поведения не располагали к нему более заурядных английских мальчиков.

Он нуждался в компенсации за это вынужденное пребывание «в тюрьме». Мать посылала ему выпечку, которую он, отвечая ей, с благодарностью называл «изумительно вкусной». Из тех же писем мы знаем, что зимой можно было кататься на замерзших прудах у школы, а один мальчик за пенни соглашался глотать пауков. Уилки заверял мать, что с глазами у него все стало лучше, что позволяет предположить: воспаление глаз уже тогда начинало мучить будущего писателя. В поздние годы болезнь станет источником его постоянных страданий. Должно быть, для него стало облегчением окончание школы в возрасте шестнадцати лет. Никакой больше латыни. Никакого греческого. Но что делать дальше? Уильям Коллинз обдумывал перспективу принятия сыном сана священника. «Мой отец, — писал Уилки, — предложил послать меня в Оксфордский университет, с тем чтобы я поступил в церковь». Однако по некотором размышлении старший Коллинз пришел к выводу, что сын совершенно не подходит для такого служения. Он был начисто лишен респектабельности и почтительности. Он был готов в любой момент бросить вызов «вос-

хваляемой морали» XIX века. Да и необходимое содержание студента университета, включавшее расходы на «поддержание должного вида», было Уильяму Коллинзу не по карману. Уилки сказал отцу: «Я подумал и решил, что мне следует писать книги», но тот счел это заявление демонстрацией юношеского своенравия, способного привести лишь к нищенскому существованию где-нибудь на чердаке. Итак, при отсутствии достойной альтернативы было решено, что семнадцатилетний юноша займется коммерцией.

После болезни в Сорренто здоровье главы семьи так всерьез и не улучшилось, доктор считал причиной ревматизм, осложненный тем, что дом на Авеню-роуд стоял на сырой глинистой почве. Летом 1840 года семья переезжает в более сухой район Оксфорд-террас к северу от Гайд-парка. Именно отсюда Уилки Коллинз ежедневно отправлялся на омнибусе в офис «Антробус и Компания», расположенный в западной части Стренда, рядом с Трафальгарской площадью.

Он стал учеником в фирме, занимавшейся импортом чая. Поскольку Эдмунд Антробус был другом Уильяма Коллинза, надо полагать, он оказал услугу художнику, приняв его сына «учеником без оплаты», но, конечно, не было и речи,

чтобы предоставить ему статус клерка с постоянным окладом. Не получая жалованья, но и не оплачивая обучение, Уилки должен был «узнать бизнес» и освоить методы коммерции. Это также должно было обеспечить его полезным занятием. Ведь праздность — это грех.

Итак, Уилки маялся тоской на офисном табурете, копируя инвойсы и счета за погрузку и разгрузку. В одном из романов, «Игра в прятки», молодой человек поступает в офис чайного брокера и через три недели работы жалуется: «Все говорят, что это для меня отличное начало, рассуждают о респектабельности коммерческой деятельности. Но я не хочу быть респектабельным, и я ненавижу коммерческую деятельность». Вероятно, здесь звучит собственный голос Уилки Коллинза. «Только представь, как я посещаю чайные склады в грязных еврейских кварталах вроде Сент-Мэри-Экс с целью взять образцы товара, при мне синяя сумка для образцов, и чумазый младший клерк, чистящий перо о свои волосы, упорно пытается научить меня, как правильно складывать упаковки с чаем!»

Возможно, Уилки выражал неудовольствие в разговорах с отцом весной 1842 года, так как вскоре Уильям Коллинз обратился к одному из своих

покровителей, сэру Роберту Пилу, с просьбой помочь с поступлением сына на гражданскую службу. Пил был на тот момент первым лордом Казначейства, и художник рассчитывал, что именно там его сын «мог бы обрести перспективу, пусть отдаленную, подняться на достойное место». Пил не поддержал прошение. Уилки остался в «Антробус и Компания» на долгих четыре года. Судя по всему, он быстро справлялся с работой, а затем посвящал свободное время сочинению стихов, пьес, рассказов, чего угодно. Позднее он признавался, что произвел на свет чудовищное количество чепухи, но это послужило необходимой подготовкой к карьере, которой он будет следовать на протяжении всей дальнейшей жизни. Вероятно, по временам он испытывал разочарование и приступы мрачного настроения.

Летом 1842 года Уильям Коллинз взял сына в поездку по Шотландии, в ходе которой планировал делать этюды. Они отправились морем до Эдинбурга, где молодой человек посетил Старый город и вскарабкался на Трон Артура, затем пароходом добрались до Уика на севере Шотландии, а потом до Лервика на Шетландских островах. Уильяму Коллинзу заказали иллюстрации к роману

сэра Вальтера Скотта «Пират», и потому он хотел сделать наброски диких и безлюдных краев. В поздних романах Уилки не раз описывает пейзажи болотистых равнин, сырой белый туман. Однажды они с отцом потерялись посреди трясин и выбрались, лишь «доверившись своим пони».

В воспоминаниях об отце Уилки рассказывает о «слабом, тусклом свечении, характерном для западного полушария» и о «ярких, чистых северных сумерках, струящихся через окна спальни в *полночь*». Он описывает «мистера Коллинза, стоящего одним коленом на земле, сопротивляющегося ветру, и его компаньона [самого Уилки Коллинза], который держит над ним зонт, чтобы дождем не залило альбом для набросков». В мемуарах он также описывает работы отца в самых возвышенных словах, и эти короткие прозаические отрывки раскрывают интерес Уилки к живописной композиции. Он пишет об одном из пейзажей: «Небо тронуто мягким светом зари, поднимающимся над клубами тумана и касающимся рваных, острых краев большого облака».

У него был взгляд художника, он многому научился, наблюдая за тем, как работал отец. Он понял, как выстраивать на полотне общие темы и детали, и нашел способ применить это в ком-

позиции романа, как использовать пропорции света и тени, выделяя одно и временно затемняя другое, как смешивать оттенки комического и пафосного. Он рассказывал одному корреспонденту, что в процессе создания романа «надо следовать примеру моего отца, когда тот писал небеса на своих знаменитых морских пейзажах, то есть работать на едином дыхании». Когда он объяснял, что Уильям Коллинз любил искусство, которое «соотносит фигуры с ландшафтом, придавая равную важность и тем, и другому», он говорил и о своем собственном методе. Вот сцена из романа «Лунный камень»: «Потом я увидел бушующее море, волны, заливающие берег, пелену дождя, дождь над водой и желтый дикий берег с одинокой черной фигурой, стоявшей на нем, — с фигурой сыщика Каффа»[10]. Его романы напоминают серию живописных картин, а не последовательность эпизодов. И все же внутренняя связь между персонажем и пейзажем во всех его сочинениях указывает, что картины эти одушевлены драматическим действием. Описывая предварительный этап создания общего сюжета и периоды проработки деталей, он естественным образом обращается к метафорам живописцев.

---

[10] Примечания: 10

Завершая «Женщину в белом», он писал другу: «Я сделал это! (остаются только *дни лакировки,* проведенные над листами верстки)»; «дни лакировки» — это время накануне открытия выставки в Королевской академии, когда художники наносили финальные мазки и тонировки на свои произведения.

После диких просторов Шетландских островов они с отцом вернулись к уединенной жизни в замкнутом пространстве Лондоне. Семья снова переехала, на этот раз на короткое расстояние, поселившись буквально за углом от прежнего жилья, на Девонпорт-стрит. Преимуществом нового дома было место для студии — первой собственной студии в жизни Уильяма Коллинза. Такую студию Уилки описывает в одном из своих романов: банки с краской и кисти, мастихины, мелки и карандаши, тряпки, пропитанные краской и маслом. Он упоминает и особый трюк отца: тот нарисовал перо и соболиную кисточку на полу так достоверно, что посетители пытались поднять их, что неизменно заставляло Уильяма Коллинза смеяться столь удачной своей шутке.

Уилки вернулся в офис «Антробус и Компания», но теперь в его жизни произошли существенные перемены. Ему предстояло приступить к учебе

совсем в ином, не формальном смысле, осваивая совершенно новую профессию. В 1843 году, в возрасте девятнадцати лет, он впервые мог назвать себя настоящим писателем, автором опубликованного сочинения.

4. Тираж!

Офис Эдмунда Антробуса располагался в одном из лондонских центров издательской деятельности. Компания «Чапмен и Холл», уже опубликовавшая «Записки Пиквикского клуба» и «Николаса Никльби», находилась по соседству; офисы редакций журналов Punch [11], *Illuminated Magazine* и *Illustrated London News* тоже были неподалеку. Уилки уже начал в то время писать заметки для журналов, но — поскольку они были анонимными — ни одна из них не найдена исследователями.

Его первое сочинение, пафосная вещь, озаглавленная «Вольпурно», известна лишь по перепечатке в нью-йоркском журнале, а первая английская публикация не сохранилась. История напоминала рассказы Эдгара По, на фоне Венеции возникала роковая любовь прекрасной англичанки и безумного астронома. Повесть не представляет особого интереса, однако уже в ней чувствуется склонность Коллинза к сентиментальности и готической мелодраме. Летом 1843

---

[11] Примечания: 11

года он опубликовал один из первых рассказов, «Последний дилижанс», в *Illuminated Magazine.* В этом случае влияние на Коллинза оказал Диккенс, а не По, история эта посвящена ностальгии по тому времени, когда дилижансы были вытеснены поездами. «Мы не были полны, но и не пустовали, — говорит анонимный кучер, — и мы будем сражаться до конца».

Рассказ был написан на пике настроений, известных как «железнодорожная одержимость», и это свидетельствует о том, что Уилки начинал писательскую карьеру в эпоху социальных и экономических перемен. Отношение кучера к появляющемуся поезду было «концентрацией ярости и смертельной вражды всех водителей дилижансов Англии к паровым железнодорожным перевозкам». Коллинз всерьез интересовался процессом развития сети железных дорог, раскинувшейся на пять тысяч миль в пределах Англии, растущими и все более эффективными фабриками, быстрым ростом городов и промышленных центров, расширением пригородов, увеличением населения, радикальными изменениями в сельскохозяйственной практике — тем, что Чарлз Диккенс описал в романе «Домби и сын» как «соревнование, соревнование — новое изобретение,

новое изобретение — изменение, изменение».

Вероятно, Уилки с гордостью демонстрировал свои первые публикации отцу, который в следующем году показал их президенту Колледжа Корпус-Кристи в надежде услышать его мнение. После этого Уильям Коллинз писал жене: «Доктор Норрис… полагает, что он [Уилки] создаст великие произведения». Отец находился под достаточно сильным впечатлением, настолько сильным, чтобы записать в дневнике: «Я думаю, вполне вероятно, что мой дорогой сын, Уильям Уилки Коллинз, соблазнится — если будет угодно Господу продлить дни сына за пределы жизни его отца — перспективой поделиться с миром воспоминаниями о моей жизни».

Уилки с готовностью бросался в любое литературное предприятие и в 1843 году приступил к работе над первым романом, «Иолани», действие которого происходило на Таити; позднее он писал: «Мое юношеское воображение породило бунт благородных дикарей». Девятнадцатилетнему автору остров Таити казался восхитительным местом еще и потому, что ассоциировался у него со свободной любовью. Он был выдумщиком. Да, он тщательно проделал «домашнюю работу», консультировался с четырьмя томами «Полине-

зийских исследований» Уильяма Эллиса, а также с «Фрагментами странствий и путешествий...» Бэзила Холла, его на протяжении всей жизни вдохновлял документальный материал, он буквально дышал фактами и насыщал ими жизнь своих героев.

Летом 1844 года он прервал труды — и в личном кабинете, и в офисе — и отправился в Париж вместе с Чарльзом Уордом. Тот ухаживал за кузиной Коллинза и, хотя был на десять лет старше Уилки, оказался отличным компаньоном в путешествии. Позднее Уорд стал солидным финансовым консультантом в «Кутте и Компания». Но в тот год в Париже они оба были молоды. Зарубежная поездка длилась пять недель, из чего можно сделать вывод, что условия контракта Уилки как ученика в компании Антробуса были не слишком жесткими. Молодые люди собирались проследовать по начальной части маршрута Йорика из романа Лоренса Стерна «Сентиментальное путешествие», но истинным пунктом назначения была столица распутной жизни. Непосредственно перед отъездом Коллинз купил сочинения Франсуа Рабле — эпатажная и сибаритская нота в подготовке поездки на Континент.

Письма к матери из Парижа рассказывают о

прогулках в парках, посещении театров, кафе и оперы, бесконечной чередой следуют описания еды и напитков, подтверждающие, что уже тогда Уилки стал верным поклонником французской кухни — пристрастие, которое он сохранил до конца жизни. Он также интересовался, не продлит ли Антробус его отпуск. Он подписывал письма «Уилки Коллинз», а не «Уилли», словно подчеркивая свою взрослую независимость. Отцу не слишком импонировал парижский оживленный досуг сына. Он писал: «Мне не нравится его легкомысленный спутник, они, кажется, не думают ни о чем, кроме абсурдных пустяков».

По возвращении Уилки завершил «Полани». Сюжет, как большинство его сюжетов, с трудом поддается краткому пересказу. Полани — верховный жрец на острове, злой и жестокий; у него рождается ребенок от сентиментальной героини по имени Идия; он решает принести свое дитя в жертву богам, так как у таитян существует древняя практика ритуального детоубийства, но Идия бежит в джунгли со своим ребенком и женщиной, которую зовут Аймата. Череда приключений включает междоусобицы, явление враждебных дикарей, колдовство. Повествование яркое, и это первое у Коллинза описание жестокой власти

мужчин над женщинами, что впоследствии было одной из его ключевых тем. Характерно, что две героини отважны и решительны, готовы дать отпор насилию. В более поздних сочинениях Коллинза мы встречаем множество независимых женщин, разрушающих стереотипы женственности, типичные для XIX века. Роман «Полани» написан сочным, хотя и несколько вычурным языком и напоминает насыщенный образами удивительный сон. В нем Коллинз одновременно демонстрирует зрелое мастерство и юность чувств. Убийство и сражение, погребальные процессии и свадебные празднества напоминают театрализованные представления, главы сменяют друг друга в прекрасной монотонности, словно волны, накатывающие на таитянский берег.

Он представил рукопись в компанию «Лонгман», которая ответила, что готова опубликовать роман, если отец Коллинза покроет расходы на издание, это Коллинза не устраивало, так что он обратился в «Чапмен и Холл», где рукопись сразу отклонили. Другие английские издатели также не проявили к ней интереса, и Уилки отправил сочинение в ящик стола. «В тот момент, — вспоминал он позже, — я был слегка разочарован. Но я пережил это и взялся за другой роман». Он

твердо верил, что его судьба — стать писателем.

Однако его мысли не были заняты исключительно работой, он был молодым человеком в большом городе. Вместе с Чарльзом Уордом и другими он исследовал прелести и опасности Лондона. Он по-прежнему служил учеником в конторе и, без сомнения, вел обычную жизнь клерка, в том числе — на улицах города. Такие будни молодых лондонских клерков составляли любимую тему эссеистов того времени. В романе «Игра в прятки», рассказывая о приключениях молодого человека, занятого в чайной торговле, Коллинз красочно представляет бесхитростные радости города: «сияние газовых фонарей», дешевые таверны, питейные заведения, где продавали джин, забегаловки, бурлескные представления — все захватывало и привлекало внимание. В том же романе он описывает беднейшие кварталы, где «завывание баллад, скрип шарманки и голоса уличных торговцев» никогда не стихали, вливаясь в общий рев Лондона. В других текстах Коллинз показывает нищенские уличные рынки, подмечая детали, которые можно было отыскать только при личном пристальном наблюдении. Там продавали «рыбу и овощи, глиняную посуду и писчую бумагу, небольшие зеркала, кастрюли

и раскрашенные гравюры». Оборванец торгует яблоками с тележки, в которую запряжен осел: «Кто скажет, что бедному не надо позаботиться о себе?» — кричит этот торговец фруктами, зазывая покупателей. На углу слепец продает шнурки для ботинок, распевая псалом, старый солдат на жестяном свистке выводит «Боже, храни королеву», а нищий расхаживает с плакатом благотворительного общества.

Повсюду собирали зрителей дешевые театры. В них давали мелодрамы и пантомимы на разный вкус, иногда представления длились до полуночи. Залы были полны, в изобилии лилось спиртное. Плата за вход — один пенс, такие шоу называли «грошовым балаганом». Начинающие актеры платили за возможность получить роль в готическом триллере, изуродованной пьесе Шекспира, сентиментальной комедии или бытовом фарсе. Это было основное развлечение того времени, мюзик-холлы еще не изобрели. В зале ставили деревянные скамьи без спинок, публика была грубая и вульгарная, как сам город. Танцы и пение часто прерывало появление на сцене женщин с детьми, которые, по словам Генри Мэйхью, «распространяли чудовищную вонь». Это оборотная сторона викторианских приличий

и респектабельности — контраст, часто подмечаемый Коллинзом-писателем.

Иногда вечерами, после закрытия театров, открывались заведения, где давали «музыкальные представления»: любители пели под аккомпанемент пианино или банджо. Но прежде всего там пили и распутничали. Там пахло бренди, зловонным дыханием и застоявшимся табачным дымом. «Комические куплеты» были грязными и непристойными. Их часто исполняли уличные девицы, к которым Уилки проявлял особый интерес. «Вы доброго нрава, сэр?» — спрашивает проститутка у предполагаемого клиента в одном из романов Коллинза; эта фраза кажется весьма реалистичной. Он нередко размышлял об участи этих женщин. Как писал один из современников, «больницы не всегда их принимали, диспансеры не могли их вылечить, даже суповые кухни для больных не всегда помогали им с едой».

Когда Чарльза Коллинза приняли в школу при Королевской академии, появился повод для достойного праздника. По этому случаю Уилки выпил так много, что цитировал Библию: «Чрево мое как вино». Есть основания полагать, что в те годы молодой Уилки частенько напивался. Как-то раз они с младшим братом возвращались домой

в четыре утра, Чарльз услышал крик петуха и прошептал, что люди, столь поздно возвращающиеся домой, «не в состоянии даже умереть по-христиански». Самый младший Коллинз был робким и нервным юношей. Он до ужаса боялся оставаться один в темноте, и его друг Милле прозвал его Старина Застенчивость.

Здоровье отца Коллинза так и не шло на поправку, он медленно двигался к смерти. Весной 1844 года начался постоянный изнурительный кашель, от которого он все больше слабел, после одного особенно мучительного приступа кашля, случившегося во время вечернего приема, Уильям Коллинз заметил: «Я в последний раз выходил из дома на ужин». Вместе с женой он отправился в поисках более сухого воздуха в Энглси, оставив сыновей дома. Однако поездка не дала устойчивого улучшения, осенью того же года художник начал кашлять кровью. Состояние нервов тоже было скверным. Так что атмосферу в доме Коллинзов в тот период счастливой не назвать.

Осенью 1845 года, через несколько месяцев после завершения «Иолани», Уилки решил в одиночестве отправиться в Париж. Ему был уже двадцать один год, и он хотел заявить о своей

независимости. Он рассказывал матери: по дороге в Руан «я познакомился буквально со всеми на корабле, от добродушного *негра,* который сообщил, что изучает *философию!* до человека с носом в кровавых прожилках, знавшего все произведения всех художников, старинных и современных, по всему миру». Поселившись в «Отеле де Тюильри» на улице Риволи, Уилки бросился наслаждаться неограниченной свободой. На завтрак он заказывал устриц и котлеты, курил сигары (привычка, которую осуждал его отец) и пил бессчетное количество чашек кофе. Он, как всегда, наслаждался красочными сценами повседневной жизни. Официант в отеле странновато хмыкал и бормотал нечто, напоминавшее англичанину бессмысленное «омебереллоу»; сырым пасмурным утром это ужасно рассмешило Коллинза, впрочем, по его словам, официант и сам вскоре рассмеялся, заметив веселье клиента.

Уилки был достаточно близок с матерью, чтобы посылать ей поток взволнованных, отчасти саркастических писем. «Передай мое нижайшее почтение повелителю (вероятно, речь идет об отце Коллинза. — *Примеч. пер.*) скажи ему, что я буду есть “простую пищу” (когда вернусь в Англию) и читать Дунканову “Логику” и Батлерову

“Аналогию” (когда совершенно нечего будет больше читать)». «Аналогия религии» Джозефа Батлера — ключевая работа апологетики англиканской церкви. Три дня спустя в другом письме Уилки замечает, что «мистер Коллинз проявляет самое нецерковнослужительное расположение духа и склонность эпатировать других людей». Поскольку миссис Коллинз читала эти письма мужу, вероятно, они оба снисходительно относились к небрежным высказываниям и шуткам сына на религиозные темы.

Он посещал Лувр и Морг, хранилище неопознанных тел, места, немало интересовавшие английских путешественников. Он купил бинокль для оперы и ходил в театры, он приобрел упаковку соды, поскольку страдал от последствий неумеренных гастрономических удовольствий. Он завелбашмаки в парижском стиле и подписался на новинки в «Библиотеке Галиньяни», английском книжном магазине в Париже.

Постепенно он стал ощущать нехватку средств, так что советовал матери попросить сто фунтов за рукопись «Полани» у «Чапмен и Холл», которые тогда еще не дали окончательного отказа. «Вы пишете в надежде, что это последний чек, высланный мне на это *путешествие,* — писал он

матери. — Его хватит до конца *путешествия*, но не на *возвращение»*. Он философски относился к перспективе попасть в долговую тюрьму, она пугала его меньше, чем заточение на Стренде, в офисе Антробуса, в который он теперь должен был вернуться. Однако, хотел он того или нет, парижское приключение подходило к концу.

5. Триумф

Вернувшись в Лондон, Уилки Коллинз всерьез взялся за роман, который стал его первой опубликованной книгой. «Антонина, или Падение Рима» — историческое, романтическое повествование, действие которого происходит в Риме в V веке н. э. Коллинз приступил к работе вечером в отцовской студии и, судя по всему, подошел к решению задачи ответственно и профессионально. После неудачи с попытками найти издателя для «Полани» он хотел быть уверенным, что тема и стиль новой работы окажутся приемлемыми для читающей публики. Он намеревался не только следовать за призванием, но и строить успешную писательскую карьеру.

Одним из главных источников для него стал труд Эдварда Гиббона «История упадка и крушения Римской империи», где Коллинз прочитал об осаде Рима «царем варваров» Аларихом. И на этот раз, как и всегда в дальнейшем, его воображение расцветало на почве документальных фактов или, по крайней мере, на основе солидных источников. Он завел читательский

билет Британского музея, чтобы продолжить изучение жизни языческого Рима, и в первом издании романа перечислил прочитанные книги в комментариях, а в предисловии заявил, что стремился к «буквальной точности в отношении времени, места и обстоятельств».

Его непосредственным предшественником был Бульвер-Литтон с «Последними днями Помпеи», потрясающе успешным романом, изданным двенадцатью годами ранее; Коллинз явно стремился добиться подобного читательского отклика, и его несколько декоративный и перегруженный стиль является откровенным подражанием Литтону. Мода на романтичные исторические романы как раз достигла расцвета. В 1837 году Дж. П. Р. Джеймс выпустил «Аттилу», два года спустя вышла «Зенобия, или Падение Пальмиры» Уильяма Уэйра. Но «Антонина» явно основана не только на книгах, но и на личных впечатлениях автора от Рима. Он возвращается на холм Пинчо, исследованный вдоль и поперек десятью годами ранее, вспоминает трещину, найденную в стене Аврелиана (она играет важную роль в развитии сюжета романа), в своем воображении он проходит по живописным, хотя и скверно пахнущим кварталам Вечного города.

Однако воплощению его исторических фантазий то и дело мешала реальность, «словно все сговорились захлопнуть перед моим носом врата царства воображения», писал он. Один из друзей предложил Уильяму Коллинзу помочь со вступлением его сына в ассоциацию барристеров, открывавшую перед молодыми юристами перспективу хорошо оплачиваемых правительственных должностей. Уилки согласился и весной 1846 года записался студентом в Линкольнс-Инн. Возможно, он вспоминал своего великого героя, литератора Вальтера Скотта, который тоже вступил некогда в ассоциацию барристеров; может быть, верил, что юридическая практика не будет совершенно несовместимой с писательским трудом; в любом случае вскоре его ждало разочарование. Он подробно знакомился с системой дарственных и должен был изучать «Комментарии к законам Англии» Блэкстоуна — крайне сухое чтение после Гиббона и Бульвер-Литтона. «Я работал усердно и сознательно, — писал он позже, — но к исходу двух месяцев пришел к убеждению, что испытываю такое отвращение к юриспруденции, что просто обязан сообщить отцу, что я не могу долее терпеть эту каторгу».

И вместо карьеры юриста он отправился в но-

вое путешествие на Континент. В начале лета он поехал в Бельгию с Чарльзом Уордом, компаньоном по поездке в Париж двумя годами ранее. Эти каникулы длились всего неделю при изнуряющей жаре, и маршрут их ограничился Антверпеном, Брюсселем и Брюгге. Вероятно, Уильям Коллинз был недоволен откровенным нежеланием сына приобрести серьезную профессию, но к тому времени его собственное здоровье было такподорвано, что он не имел сил вмешаться и воспрепятствовать тому, что считал проявлением юношеского легкомыслия. Он пытался продолжать работать над картинами, но зачастую истощение и слабость не давали ему встать, у него, судя по всему, начались водянка и сердечная недостаточность. Уилки писал: «Дыхание его прерывисто, словно на последних стадиях астмы… кашель сотрясает все его тело». Уильям Коллинз принимал опиаты, но они приносили лишь кратковременное облегчение. 17 февраля 1847 года он скончался в окружении семьи.

Уилки прервал работу над «Антониной», отметив место, на котором остановился в тот вечер, когда умер отец; в рукописи осталась пометка: «До этих пор я писал при жизни отца — эта часть главы 3-й была написана в последний

вечер, когда он был жив». Затем, почти сразу, он стал планировать «Воспоминания о жизни Уильяма Коллинза». Это был настоящий жест любви — Уилки испытывал глубокое уважение и привязанность к отцу. Мать поделилась с ним тем, что помнила и считала важным, назвала имена друзей и покровителей, у которых можно было получить дополнительную информацию. За шесть недель Уилки собрал почти все необходимые материалы и довел рассказ о жизни отца до 1815 года.

Он прервал работу летом 1847 года ради поездки во Францию — снова с Чарльзом Уордом, его отец оставил семье достаточное состояние, так что ему не приходилось искать службу. Молодые люди были художниками-любителями, а потому решили отправиться в тур по французской сельской местности с целью делать этюды. Четыре года спустя Коллинз описал это путешествие в очерке «Живописный тур в Сен-Жорж-Бошевиль» для журнала *Bentley's Magazine'*, в нем два молодых художника изнемогают от жары и москитов Нормандии. Рассказчик возит с собой увесистый этюдник «с чудесным изобилием всяческих красок, кистей, дощечек для растирания красок, мастихинов, палитр, бутылочек с маслом,

горшочков со смолой, тряпок», однако все художественные средства и инструменты мира не могут сделать предприятие успешным. Экспедиция оборачивается полной катастрофой, и рассказчик хоронит неудачные картины в неглубокой яме.

Коллинз и Уорд действительно покинули Нормандию уже через десять дней и, само собой, предпочли задержаться в Париже. Уилки писал матери: «Мы нашли провинциальные города невыносимо угнетающими для нашего меркуриального нрава», так что Коллинз вернулся в «Отель де Тюильри» на улице Риволи. Но жить в Париже было дорого. Уилки опять израсходовал деньги и просил мать прислать ему пять фунтов. Недавно овдовевшая мать, возможно, захотела преподать сыну урок. Деньги не пришли. Уорд вернулся в Лондон, а Коллинз застрял в Париже «в нужде». Минула неделя, никаких улучшений. В отчаянии, едва прикрытом остроумием, он написал Уорду с просьбойприслать ему десять фунтов, иначе придется продать часы и плащ или сесть за карточный стол в надежде на ветреную удачу. Так или иначе, Коллинз все же перебрался через канал домой, хотя неизвестно, кто помог ему с деньгами.

Он сообщил Уорду, что намерен вернуться к ра-

боте над «Воспоминаниями» об отце. Но его внимание не было целиком поглощено этой работой. Весной следующего года он активно участвовал в подготовке свадьбы Неда Уорда, младшего брата Чарльза, с очень юной дамой. Этот сценарий он не раз воспроизводил потом в своих романах, да и в жизни явно был склонен к подобной тактике. Неду Уорду было тридцать два, а его возлюбленной Генриетте Уорд четырнадцать с половиной — совпадение фамилий случайность, они не были родственниками. Родители девушки, вполне естественно, возражали против брака. Желая облегчить путь истинной любви, Уилки Коллинз взялся за тома по юриспруденции. Он выяснил, что родительское согласие требуется только до венчания, а поддельное свидетельство о таком согласии впоследствии не сделает брак недействительным. Однако подлог угрожает Неду Уорду некоторым сроком тюремного заключения. В последующие годы запутанное брачное законодательство предоставляло английским романистам богатейший материал для захватывающих сюжетов. Влюбленные сочли, что дело стоит риска, и 4 мая 1848 года венчались в церкви Всех Душ на Лэнем-плейс. Коллинзу, кажется, доставило удовольствие нарушение виктори-

анских условностей, и, по словам Генриетты, он наслаждался «большими предосторожностями и секретностью, так как планировал все с воодушевлением и радостью». Она добавила, что он упивался «духом романтики и шалости».

После церемонии юная невеста вернулась к родителям, не сказав никому ни слова. Она вступила в то, что Коллинз как-то назвал «потаенным театром домашней жизни». Три месяца спустя она сбежала с мужем в медовый месяц в Айвер, недалеко от Слоу; Уилки нашел для них комнаты и проводил в дорогу. В качестве жеста признания своей центральной роли во всей истории он стал крестным отцом их первого ребенка. Родители молодой дамы отступили перед лицом свершившегося факта замужества их слишком юной дочери, так что все закончилось благополучно, без ареста и тюремного заключения ее супруга.

В начале лета 1848 года Коллинз завершил жизнеописание отца и вернулся к отложенному надолго роману «Антонина». Он вел энергичные переговоры с издателем и иллюстратором (гравером) «Воспоминаний», компания «Лонгман» хотела получить права на эту книгу, но издавать бралась только за счет автора. Хэрриет Коллинз согласилась дать денег на публикацию, чтобы

увековечить память о муже и помочь сыну.

Семья Коллинз переехала в дом поменьше по адресу: Блэндфорд-сквер, 38, в районе Мэрилебоун, сейчас эта площадь — не более чем полузаброшенныйквартал рядом со станцией «Мэрилебоун», но в 1840-х годах она составляла часть относительно новой застройки. Коллинз всегда проявлял интерес к разрастанию Лондона с его недоделанными гравийными проулками, строительными лесами, досками и печами для обжига кирпича, тут и там появлявшимися посреди пустырей и строительных участков. В романе «Игра в прятки» Блэндфорд-сквер превратилась в Бэлгроув-сквер, примечательную лишь «мрачным однообразием линий и форм в перспективе площади». Ноябрьским утром дождь и туман окутывал сквер в центре площади, делая его серым и унылым, коротко подстриженные газоны, пустые клумбы и жалкие молодые деревца «гнили в желтой дымке под непрестанной моросью». Ставни домов из темного кирпича были закрыты, из каминных труб поднимался дым, сливавшийся с туманом. Идеальное воплощение сырой лондонской зимы.

Но именно здесь миссис Коллинз вступила в новую и весьма яркую фазу своей жизни, она стала

оживленной и общительной, вернув часть юношеской веселости. Она развлекала друзей своих сыновей из художественных и литературных кругов, приобретая репутацию хозяйки салона. Сами сыновья горячо одобряли и поддерживали ее в этом, Чарльз обращался к ней в письмах «моя дорогая», а ее смерть стала причиной самого большого горя в жизни Уилки Коллинза.

«Воспоминания о жизни Уильяма Коллинза» были опубликованы издательством «Лонгман» в ноябре 1848 года в двух томах, с посвящением сэру Роберту Пилу, одному из патронов покойного художника. Сын воздал должное отцу. Коллинз признавался, что в ходе этой работы оттачивал многотрудное искусство композиции и развивал инстинктивный дар рассказчика. Тираж книги составлял семьсот пятьдесят экземпляров, и через шесть недель после публикации более половины было продано. Хэрриет Коллинз, без сомнения, была счастлива, она испытывала облегчение, когда издание принесло небольшую прибыль. Это занимательное и интересное повествование с почти незаметным налетом педантизма в деталях. Но для молодого человека двадцати четырех лет переработка огромного числа дневников, писем и создание биографических коммента-

риев с целью создать предельно объективный портрет отца стало колоссальным достижением. Уилки Коллинз старался не вторгаться в отцовские рассказы, добавляя по большей части лишь страстные описания его картин; он и вправду *«видел»*, слова сэра Дэвида Уилки на крестинах будущего писателя оказались пророческими.

Отзывы на книгу были отличными, что еще больше укрепило автора в правильном выборе призвания. *Observer* отмечал: «За последние полстолетия не было лучшей работы, посвященной искусству и художникам». Невозможно вообразить более удачного дебюта для профессионального романиста. На титульной странице автор поставил имя «У. Уилки Коллинз», служившее знаком независимости: он больше не был Уильямом, как его отец и дед. «Мне предназначено было стать автором, и я стал автором в 1848 году», — написал он.

Следующим летом домашняя жизнь Коллинзов пришла в смятение из-за увлечения любительским театром. Такие постановки составляли одно из главных развлечений Викторианской эпохи. Единственное, что могло отвлечь публику от этого модного занятия, — игра на пианино или в карты, но главным, ради чего компания соби-

ралась, были яркие и зачастую дорогостоящие спектакли: выбирали любые театральные жанры и гости могли наслаждаться зрелищем в комфортной обстановке, без неудобств, связанных с присутствием «низкой» публики. Для организации настоящих сценических подмостков, обеспечения костюмами и реквизитом требовались немалые усилия. Коллинз явно наслаждался переодеваниями; несколькими месяцами ранее он посещал бал-маскарад и ради этого сбрил бакенбарды, надел парик, бриджи и расшитый камзол длиной до талии, выступая в роли французского повесы XVIII века.

Для самодеятельной постановки выбрал комедию Оливера Голдсмита «Добродушный человек» также из жизни XVIII века. Ее разыграли в «Задней гостиной Королевского театра» на площади Блэндфорд, а четырнадцать лет спустя Коллинз с ностальгией вспоминал об этом представлении и удовольствии от его подготовки — он был актером и продюсером, он даже написал стихотворный пролог в стиле XVIII века. В постановке участвовал и Нед Уорд, друг Чарльза Коллинза из художественных кругов. Потом они поставили «Соперников» Шеридана — в той же самой «Задней гостиной».

Среди актеров в комедии Голдсмита была и Генриетта Уорд, которая вспоминала: «Однажды, накануне премьеры, исполнительница главной роли сказала Уилки, что отказывается играть, если не заменят актера на главной мужской роли. Она объясняла это тем, что он “отвратителен”». После чего исполнитель главной роли сам отказался от участия, заявляя, что его партнерша просто «чудовище». Кажется, Коллинз использует это, описывая репетиции домашнего театра в романе 1862 года «Без права на наследство». «Домашний спектакль! — закричала Магдален… — Они будут ставить “Соперников”, папа! “Соперников” этого, знаменитого, как его там… и они хотят, чтобы я играла там роль!»; это решение стало прелюдией к тому, что «в процессе подготовки спектакля ломали мебель, портили стены, а дом наполняли странные звуки: пронзительные возгласы, хлопанье дверей, топот шагов, беготня по лестницам и коридорам».

В романе у актеров периодически случается истерика, или они заболевают в самый неподходящий момент, или отказываются от предложенной им роли. «Тишина, джентльмены, прошу вас, — упрекнул их режиссер. — Громко говорить надо на сцене, а не в зале. Стоп. Склоните голову.

Пауза. Дерзко взгляните на публику». А во время самого спектакля «раскалывается перегретое стекло лампы, возникают трудности с раскрытием занавеса». И все же Уилки Коллинз явно любил всю эту суматоху. Эпизоды романа предвосхищают и его театральные проекты более позднего времени.

В постановке «Добродушного человека» участвовали двое молодых актеров, вскоре снискавших настоящую славу. Уильям Пауэлл Фрайт и Джон Эверетт Милле, как и Чарльз Коллинз, были связаны с Королевской академией и через него познакомились с семьей Коллинз. Годом ранее Милле уже стал основателем «Братства прерафаэлитов» в родительском доме на Гауэр-стрит, и его собратья по цеху не раз получали приглашения на Блэнд форд-сквер. Хэрриет привлекала всеобщее внимание, «Джек» Милле неоднократно в шутку просил ее «назначить день свадьбы», она много лет дружила с известным художником-прерафаэлитом Холманом Хантом.

Можно представить рядом с Уилки Коллинзом круг талантливых и весьма рано созревших молодых художников. Он не всегда принимал их работы, но, без сомнения, высоко ценил их общество. На протяжении всей жизни его окружали

художники. Его самого как-то раз по ошибке даже приняли за участника «Братства прерафаэлитов», а в 1850 году Милле написал его портрет. Молодой Коллинз изображен в задумчивом, даже возвышенном настроении, маленькие кисти рук соприкасаются кончиками пальцев, словно передавая сосредоточенность на каком-то сложном предмете, большие серые глаза частично скрыты очками, губы слегка надуты, он щеголяет двумя кольцами, крупным зажимом для рубашки и цепочкой часов.

Позднее Коллинз обещал редактору журнала, что «напишет нечто забавное… о школе прерафаэлитов», но так никогда этого не сделал. Однако можно найти мягкую насмешку над ними в словесном портрете молодого художника Валентайна Блайта из романа «Игра в прятки». Коллинз возвращается к образам и идеям прерафаэлитов и в позднейшем романе «Черная ряса»: «Каждая мельчайшая веточка, каждый ее отросток, добросовестно выписаны — и результат похож на цветную фотографию. Вы не смотрите на пейзаж как на ряд отдельных частей; вы не разглядываете каждую веточку на дереве; вы видите целое в Природе, и вы хотите увидеть целое на картине».

Надо сказать, Уилки Коллинз добился определенного успеха в живописи. На летней выставке Королевской академии 1849 года в Восьмиугольном зале экспонировалась его картина «Приют контрабандистов», она была расположена почти под потолком, и это невыгодное положение могло стать причиной, почему она так и не нашла покупателя. Коллинз забрал ее домой, годы спустя она висела у него в столовой. Заметив внимание к ней гораздо более успешного художника, Уильяма Холмана Ханта, Уилки спросил о его впечатлении и услышал: «Этим произведением можно восхищаться. Оно исполнено блестящим художником Уилки Коллинзом и могло бы поставить его во главе пейзажистов, если бы он не забросил профессию ради других занятий».

Однако последовали еще более приятные новости, когда издатель Ричард Бентли решил опубликовать роман «Антонина». Коллинз завершил его к концу лета 1849 года, передав рукопись для прочтения, он уверял Бентли, что провел тщательное историческое исследование и приложил огромные усилия, чтобы добиться стиля, соответствующего вкусам современной читающей публики. В глубине сердца он вовсе не был уверен в успехе и даже обдумывал планы издать

роман за свой счет.

Диккенс называл Бентли «разбойником с Бёрлингтон-стрит» из-за его таланта заключать сделки в свою пользу, но, похоже, с Коллинзом Бентли был вполне честен. Он прочитал две первые части «Антонины» и одобрил книгу. Он готов был подписать договор. Молодой писатель просил двести фунтов, Бентли предложил ему сто сразу и еще сто после продажи пятисот экземпляров романа. При имеющихся обстоятельствах это было справедливое соглашение, и Бентли не пришлось пожалеть о своем решении. Роман был опубликован в конце февраля 1850 года, из писем ясно, что Коллинз был в крайнем волнении и нетерпении. Он даже пытался организовать благоприятные отзывы в журналах, где ранее уже публиковался. Он сообщил Бентли, что «надо написать подобающие письма» ради положительных откликов. Но тревожился он напрасно, «Антонина» получила больше хвалебных рецензий, чем любое из его последующих произведений. Коллинза даже сравнивали с Шекспиром. Некоторые критики предупреждали викторианскую публику о «сильном воздействии» и «отталкивающих подробностях», но их голоса тонули в потоке одобрения. *Morning Post*

сообщала, что роман достаточно хорош, чтобы поставить его автора «в первый ряд английских романистов». Для автора в возрасте около двадцати пяти лет это было ошеломляющей похвалой. Он получал поздравления и в ближнем кругу. Сам Коллинз писал: «Моя мама думает, что я написал самый замечательный роман всех времен!» Три месяца спустя было опубликовано второе издание.

Сегодня роман «Антонина» многие сочтут слишком надуманным и мелодраматичным, но в то время он соответствовал представлениям об историческом романе, в котором действуют прекрасные дамы и злодеи, нежные души и жадные распутники, добропорядочные граждане и жестокие воины. В этом романе было нечто от Вальтера Скотта с легкой примесью Бульвер-Литтона, автор проявил разумное уважение к хорошему вкусу и пристрастиям читающей публики.

Он выбрал время Алариха и его первой осады Рима, описал обстановку страха и угроз, показал римлян и готов как противоборствующие силы человечества. Гойсвинта, неистовая ведьма с яростным нравом, воплощает всю предполагаемую свирепость готской женщины; к несчастью, ее брат Германарих влюбляется в молодую рим-

лянку Антонину. Он встречает ее в военном лагере, куда девушка бежит в страхе перед отцом Нумерианом, мрачным религиозным фанатиком. Тем временем в Риме язычник Ульпий находит пролом в окружающей город стене Аврелиана, через который надеется провести готских воинов внутрь. Длинные речи чередуются с обильными описаниями пейзажей, всё с налетом мелодрамы, с акцентом на контрасты персонажей и мест действия. Коллинза всегда увлекали немодная в его время верность принципам и возможность показать параллелизм судеб. «Тут мелькнула молодая девушка, с трудом прокладывавшая путь между щитами. Там задыхался в грудах мехов маркитант. Вся сцена, разворачивавшаяся на фоне могучего леса, утопала в клубах дождя и тумана…» Рассказчик определяет общее впечатление от пейзажа как «мрачное сочетание угрожающего и величественного», что вполне подходит для характеристики всего романа.

Все это достаточно увлекательно, чтобы удержать внимание читателя, есть чудесные фрагменты с описаниями мест и событий, венчают которые впечатляюще жуткое Пиршество Голода и яркая апокалипсическая сцена в языческом храме, напоминающая полотна Джона Мартина.

Коллинз писал Бентли, что стремился «сделать *заключительную* часть истории ее *лучшей* частью». В этом он преуспел. И хотя «Антонина» во многом построена на дешевых эффектах, молодой автор сумел исполнить их блестяще, продемонстрировав отличные технические возможности, что необычно для романа начинающего писателя; здесь нет стилевого разнобоя, нет нелепостей или шаблонных элементов, напротив, все чисто по тону и ясно написано, и такую манеру Коллинз сохранит навсегда.

В романе был и серьезный современный оттенок. Лондон и тогда уже сравнивали с имперским Римом, склонным к распаду и разложению. Город стал одним из крупнейших в мире. Очевидно, что Коллинз инстинктивно сочувствует бедным и отверженным людям Рима. Один из римлян, измученных раздражающим поведением правящих городом аристократов, призывает готов «от имени тысяч страждущих от тех же невзгод — “войдите в наши врата! Сравняйте с землей наши дворцы! Загубите всех нас в единой бойне — жертв и тиранов!”». Коллинз вступает в дискуссию об «условиях английского вопроса», поднятого шестью годами ранее Томасом Карлейлем, который писал: «Сложилось широко

распространенное мнение, что положение и настроение рабочих классов в настоящее время являются весьма зловещими». К теме социальной справедливости Коллинз будет возвращаться и впредь.

Буквально за пару дней до выхода в свет «Антонины» он делает еще один шаг в сторону мира театра. Он переводит французскую мелодраму «Придворная дуэль» и адаптирует ее для сцены, передавая права Театру мисс Келли на Дин-стрит в Сохо. Премьера с его братом Чарльзом Коллинзом в главной роли состоялась в конце февраля 1850 года, постановку спонсировал Фонд женской эмиграции, благотворительная организация, помогавшая бедным женщинам обустроиться в колониях. Это первая попытка Коллинза создать драматическое произведение и первый опыт работы с профессиональным театром — или, по крайней мере, полупрофессиональным. В глубине сердца Коллинз всегда считал себя драматургом.

6. Новые времена

Успех «Антонины» означал, что литературная карьера Коллинза стала реальностью. Он был теперь не просто юношей, существующим на средства матери, а начинающим романистом, и перед ним простирался весь Лондон. Однако он стремился расширить границы своего творчества. А потому летом того же года отправился в пешее путешествие по Корнуоллу в поисках живописных мест. Его спутником стал молодой художник из Королевской академии Генри Брэндлинг, и намерения у них были практические, а не авантюрные. В те времена возникла мода на легкомысленные дневники путешествии — с текстом и иллюстрациями; большая часть Британских островов была уже «охвачена», а вот Корнуолл оставался не запечатленным в этом жанре. Графство казалось привлекательным еще и тем, что пока избегало свирепых челюстей железнодорожных сетей, а потому сохраняло относительно неиспорченный традиционный ландшафт. Книга, которую планировал Коллинз, должна была называться «Странствия вдали от

железных дорог».

Путешественники доехали поездом до Плимута, а затем с рюкзаками за спиной отправились дальше. Их по ошибке принимали за коробейников или за картографов, что прокладывали будущие направления для железной дороги (на самом деле картографы появились в графстве лишь годом позже), однако местные жители приветствовали путников сердечно, в тех краях не привыкли еще к «иноземцам» и «чужакам». Коллинз удивлялся и радовался тому, что видел, делая обширные записи в дневнике. «Скалы напоминают пирамиды — скалы, словно припавшие к земле львы… скалы, пронизанные могучими и теряющимися в глубине пещерами». «Сардины по пенни за дюжину». «Отдаленный глухой шум становится слабо различимым — это долгий басовитый загадочный стон, неизменный, его не только слышишь, но буквально чувствуешь всем телом…» «Никто не умирает в Корнуолле от голода, хотя 5 % населения области Пензанс мигрировало в Новую Зеландию или Австралию». «Вдали, в океане, по воде пролегает проблеск пламени». «Жители Лоо некогда избавились от нашествия крыс за счет того, что готовили и ели их с луком».

Коллинз представляется в уже знакомой роли злополучного путника, маленького человека посреди огромного графства. Когда он спускался в медную шахту в Боталлаке, за ним взялся присматривать проводник. «Позвольте мне провести вас лишь до предела, который я сам выберу, — сказал он, — и вы будете в полной безопасности».

Коллинз писал книгу в кабинете дома 17 по Ганновер-террас, рядом с Риджентс-парком, куда переехала во время его путешествия Хэрриет Коллинз. Здесь он прожил следующие шесть лет — в большом и просторном здании, в районе, где, как считалось, был здоровый воздух. О размерах дома можно судить по тому факту, что в 1852 году семья смогла устроить прием с танцами для семидесяти гостей. Коллинзы часто приглашали друзей на званые ужины. Холман Хант вспоминал: «Ничто не могло превзойти веселье этих маленьких приемов. Примечательно, что миссис Коллинз редко предпочитала покинуть нашу компанию из-за того, что мы курили после ужина. Мы все усердно трудились, а потом наслаждались обществом друг друга и вели разговоры, только если были в состоянии». Милле считал Ганновер-террас, 17, своим вторым домом. Именно сюда

Уилки Коллинз пригласил самого знаменитого романиста в мире.

Он познакомился с Чарлзом Диккенсом весной 1851 года. Они разделяли страсть к любительскому театру, и в тот год Диккенс решил поставить комедию Бульвера-Литтона «Не так плохо, как кажется» ради благотворительности. Диккенс знал Уильяма Коллинза и теперь был счастлив привлечь к своему предприятию его сына.

«Думаю, *вы* говорили *мне*, что мистер Уилки Коллинз будет рад сыграть любую роль в бульверовской комедии, — писал он их общему другу Августу Эггу. — И думаю, *я* говорил *вам*, что нахожу его весьма желательным рекрутом». Диккенс должен был стать звездой спектакля, а Коллинзу отводилась роль его камердинера.

Диккенс и Коллинз встретились в доме Джона Форстера (позднее тот стал биографом Диккенса) на Линкольнс-Инн-филдс. Диккенс был лет на двенадцать старше Коллинза, но они сразу позабавили друг друга или «произвели друг на друга приятное впечатление» — так они сами это называли; вскоре они стали настоящими друзьями. «Молодые люди» в окружении Диккенса представляли собой пеструю компанию журналистов и начинающих писателей, которые поклонялись

святилищу Неподражаемого, но Коллинз, кажется, с самого начала занял более высокое место в системе симпатий старшего коллеги. Они вместе исследовали Лондон в поисках причудливого и загадочного; они посещали театры, ужинали в хороших ресторанах и сотрудничали в работе над рассказами и пьесами. Коллинз уже был завсегдатаем лондонской ночной жизни со всеми ее социальными и сексуальными возможностями, и нет сомнения, что Диккенс был доволен компанией этого талантливого и нестандартного партнера по приключениям — Диккенс называл их странствиями Гаруна аль-Рашида по танцевальным залам и другим увеселительным заведениям. Аль-Рашид был героем «Тысячи и одной ночи», халифом Багдада, который каждую ночь проводил с новой девственницей.

Сначала «Не так плохо, как кажется» должны были играть в лондонском доме герцога Девонширского — Девоншир-хаусе. Предполагалось, что спектакль посетит королева Виктория и другие члены королевской семьи; иначе говоря, планировалось по-настоящему блистательное событие. Диккенс проводил репетиции в обычной своей беспощадной манере — два раза в неделю по пять часов кряду. Премьера состоялась в се-

редине мая 1851 года в присутствии королевы и принца-консорта, а также герцога Веллингтона. Виктория отметила в дневнике, что «все играли в целом хорошо». Диккенс сказал жене, что «Коллинз был *восхитительным* — великолепно появлялся на сцене, очень хорошо играл, ничего не пропустил». Спектакль пользовался успехом, дальнейшие представления давали на Ганновер-сквер и к концу года организовали тур по провинции, в котором Коллинз выступал в той же роли.

В начале 1851 года Ричард Бентли издал описание приключения Коллинза в Корнуолле — «Странствия вдали от железных дорог, или Записки о пешем путешествии по Корнуоллу», книга вызвала живой отклик, так что два года спустя вышло ее переиздание. Однако Коллинз по-прежнему готов был писать и для прессы. Корокий рассказ «Сестры-близнецы» появился в *Bentley's Miscellany;* он примечателен лишь тем, что стал первой попыткой Коллинза сочинить современную мелодраму — в будущем он преуспеет именно в этом жанре. Он также писал эссе и обзоры для *Leader,* еженедельной газеты радикального направления, — Коллинз был хорошо знаком с ее редактором Эдвардом Пиготтом, его

однокурсником по Линкольнс-Инн.

Первое эссе, подписанное собственным именем, «Мольба о воскресной реформе», представляло собой атаку на строгие субботнические взгляды его отца[12]; многословный текст описывал участь трудящихся и предлагал перспективу ее улучшения путем разрешения невинных развлечений по воскресеньям. Автор утверждал, что музеи предпочтительнее пабов. «Вы открываете двери церквей и указываете им ступать туда. Если рабочий отворачивается, вы немедленно оставляете его на милость питейных заведений с дешевым джином». Помимо этого, Коллинз писал книжные и театральные рецензии для журналов, сохраняя контакты в журналах на протяжении ряда последующих лет.

Тот факт, что Коллинз писал статьи для радикального журнала, часто служит аргументом для характеристики его собственных политических взглядов, если у него таковые были. На самом деле он был весьма либерален в общественно-политическом плане, испытывал отвращение к насилию и конфликтам, демонстрировал умеренное расположение к принципам социализма — как его понимали в те годы, инстинктивно всегда был

[12] Примечания: 12

на стороне притесняемых. В «Опавших листьях» (1879) он писал о них: «Люди, которые усиленно трудились во имя счастья и не получили ничего, кроме разочарования и горя, одинокие, не имеющие друзей, израненные и потерянные». В том же романе главный герой выступает против «тех, кто создает систему обмана, прикрываясь авторитетом банков и компаний», эксплуатируя дешевый труд и рассуждая «в качестве крупного коммерческого авторитета о “формах конкуренции” и оправданных методах бизнеса». И все же остаются сомнения, была ли у Коллинза целостная политическая философия или он оставался вполне обычным викторианским вольнодумцем. «Ненавижу бумажные баталии, — признавался он Пиготту, — даже больше, чем баталии в разговорах».

Религиозные взгляды Коллинза не менее туманны. Точнее всего ему подойдет определение «христианский гуманист», который принимает Христа как Спасителя, но ненавидит все формальные и внешние проявления религии. Особенный гнев вызывали у него евангелисты. Он не принадлежал ни к числу англикан, ни к нонконформистам, ни к католикам, ни к агностикам. В эпоху, когда отсутствие веры было более

обычным явлением, чем сейчас предполагают, он не был и атеистом. Он редко посещал церковь, и истинную природу его веры трудно, если вообще возможно, определить. Вероятно, ему по душе пришлась идея антиномизма[13]: для него характерно счастливое приятие разнообразия мнений и многообразия церквей. Не исключено, что он, как и Карл II, верил, что Бог не накажет его за малые грехи удовольствия.

Наступил момент, когда его можно было считать и журналистом, и писателем, из-под его пера выходил целый поток рецензий и статей. Еще один рассказ, «Касса мистера Рея», был опубликован Ричардом Бентли в «Рождественской книге»; это была синтетическая сезонная комедия в диккенсовском стиле, она понравилась рецензентам, но не читателям.

Однако Коллинз, видимо, решил, что перерабатывает, и к концу года ему понадобилась помощь доктора, который категорически запретил ему «использовать мозг». Так что Уилки «на неделю для отдыха и восстановления» уехал в сельскую местность. Это стало началом жизни во власти слабого здоровья и медицинских предписаний.

Впрочем, слабое здоровье не помешало ему

---

[13] Примечания: 13

участвовать в роскошном праздновании в ноябре в связи со вступлением в коллегию адвокатов. Уже четыре года он не занимался этой деятельностью, но исправно посещал ужины в коллегии и платил членские взносы. Тем не менее он решил вознаградить себя тем, что сам назвал «вступительной вечеринкой». Он писал: «Что за вечер! Что за цыпленок! Что за песни! Я принял на грудь много кларета… и наутро явился миру захудалым адвокатом». Он никогда не практиковал эту профессию, но позднее называл себя адвокатом с пятнадцатью годами без посещения суда. Но юридические труды играли важную роль в большинстве его последующих сочинений. В восьми из его романов среди ключевых персонажей есть юристы. Они продвигают сюжет, уточняют детали, дают поразительно яркие описания обстоятельств и раскрывают мелодраматические перспективы завещаний или брачных договоров. «Я адвокат, — признается один из таких персонажей, — и моя работа — создавать много проблем из пустяков».

Даже во время театрального тура с комедией «Не так плохо, как кажется» в первые месяцы 1852 года Коллинз глубоко и энергично погружен в написание литературных сочинений. Он опуб-

ликовал несколько рассказов и подготовился к созданию нового романа. «Из жизни мистера Перуджино Поттса» — увлекательная история о жизни и честолюбивых замыслах художника, явно напоминающего и отца, и брата самого Уилки Коллинза. «Может, я ошибаюсь, — писал Поттс, — но полагаю, однажды напишут мою биографию как исторического живописца». Коллинз высмеивал эксперименты молодого художника в разных стилях, предпринятые в поисках успеха.

Он также написал три истории в оккультной или готической манере. В «Безумном Монктоне» он обращается к теме наследственного сумасшествия; результат показался Диккенсу слишком тревожащим и мрачным, чтобы опубликовать рассказ в его еженедельнике *Household Words,* так что сочинение увидело свет в журнале *Fraser's Magazine.* «Ужасно странная кровать» вышла в диккенсовском *Household Words,* речь в этой истории идет об установленном в игровом притоне Парижа изобретении, несущем удушение и смерть тем, кто решится уснуть на нем. Тут явно чувствуется влияние Эдгара Аллана По, умершего тремя годами ранее; некоторые из коротких рассказов По были известны читателям наиболее сумрачных английских журналов. Экземпляр

«бодлеровского издания» собрания сочинений По был в библиотеке Коллинза[14]. Хорошо известно, что Уилки всю жизнь любил разные страшилки. «Девять часов» — рассказ о фатализме и ясновидении, отражающий увлечение месмеризмом, гипнозом и спиритизмом в различных формах, характерное для XIX века. Коллинз и сам сочинил целую серию писем в *Leader* на эту тему, озаглавленных «Домашние магнетические вечера». Вероятно, его привлекал феномен месмеризма из-за откровенной мелодраматичности, а вовсе не из глубокого научного интереса.

Но, даже занимаясь такими побочными сюжетами, он не оставлял работу над подготовкой нового романа. Его занимала весьма любопытная тема. Что, если молодой человек из хорошей семьи внезапно влюбится в девушку, которую случайно увидел в омнибусе? И что, если эта девушка во всех отношениях его не достойна? Что тогда? С этих вопросов началась история «Бэзила» романа о фатальной одержимости, по праву стоящего в одном ряду с великими русскими романами о любви и безумии.

Он сел за написание книги в жаркую пору, заполняя мельчайшим почерком квадратные

---

[14] Примечания: 14

листы бумаги; работа завершилась в середине сентября. Он доделывал роман в доме Диккенса и его семьи в Дувре после окончания изнурительного театрального тура, в ходе которого актеров оглушали восторженные возгласы и ослепляли газовые лампы. Морской воздух быстро восстанавливал силы Коллинза. Общество Диккенса вдохновляло на создание сенсационного повествования, и, безусловно, привычка Диккенса к построению напряженного действия служила Коллинзу отличным примером. Однажды Диккенс сказал ему: «Со времен“ Бэзила” я был уверен, что вы тот писатель, который пойдет вперед во всех сферах — единственный, кто сочетает изобретательность и энергию, юмор и патетику, а также глубочайшую убежденность, что без труда не сделать ничего достойного». И все же усердный труд в Дувре прерывался долгими прогулками и купанием в море. Один из гостей Диккенса описывал Коллинза как «приятного, забавного человечка, слишком увлеченного едой и нюхательным табаком».

Роман «Бэзил: история из современной жизни» был опубликован Ричардом Бентли в середине ноября 1852 года. История о соблазнении и предательстве, об убийственной жестокости и

фатальной увлеченности оказалась мощным впечатлением для викторианской публики. В пространном предисловии к первому изданию романа Коллинз заявлял, что писал «историю о нашем времени», и признавался, что «нашел основное событие, из которого произрастает эта история, в факте реальной жизни, о котором довелось узнать». «Факт» касался внезапной влюбленности Бэзила в молодую особу и его решения во что бы то ни стало жениться на ней. Существует предположение, что Коллинз опирался на собственный опыт. Учитывая его любвеобильность, весьма возможно. Единственный биографический очерк, опубликованный при жизни Коллинза и написанный отчасти на основе его собственных воспоминаний, упоминает некую несчастливую любовь, но подробности навсегда остались тайной.

Однако возможно, что он преувеличивал степень реализма своего романа, чтобы сделать его более «новым» и «современным», ведь он желал привлечь внимание читателей. Нет сомнения, что он искренне хотел расширить границы литературного реализма, вводя в повествование «самую обычную улицу, звуки, которые можно услышать, самые обычные события уличной

жизни». Именно это становится местом действия для драмы или мелодрамы; Коллинз считал, что «Роман и Пьеса — сестры-близнецы в семье Художественной Литературы». Так что лихорадочная деятельность разворачивалась на фоне шума «отдаленных экипажей на улицах» и в свете газовых фонарей на пустынных площадях. Это был театр современной жизни.

Бэзил следует за девушкой из омнибуса на одну из полузастроенных площадей северного Лондона, вскоре он узнает, что Маргарет Шервин — дочь драпировщика. Это первое потрясение. Сам он отпрыск благородной фамилии, и социальная пропасть между молодыми людьми огромна. Однако он настойчив, и драпировщик соглашается на брак дочери с условием, что тот не будет консумирован в течение года, этого времени должно хватить на то, чтобы успокоить отца Бэзила. Однако накануне ночи, когда молодые люди должны воссоединиться по-настоящему, Бэзил обнаруживает, что невеста отправляетсяв «низкопробный» отель (в первоначальной версии — в бордель) вместе с подмастерьем драпировщика Робертом Мэннионом. Из соседней комнаты он слышит ее соблазнение. «Я слышал и знал — осознавал свое падение в безграничный позор, свои

заблуждения во всем их невыразимом ужасе».

Это прелюдия к повести о мести и страдании, достигающих сенсационного размаха. Чего тут только нет! И нанесение увечий, и смерть, и кульминация насилия в дикой сцене на фоне корнуолльского пейзажа; Коллинз специально посетил регион, прежде чем писать роман. Болезненно-обсессивным отношениям между Бэзилом и Маргарет Шервин предшествует не менее фатальное столкновение между Бэзилом и Мэннионом. Коллинз немало знает о природе сексуальной ревности и вызванной этим ярости. Сам Мэннион — архетип позднейших злодеев Коллинза, приличный на вид, лицемерный, безжалостный; естественная жестокость его натуры находится под контролем осторожности и терпения, а точно выстроенные и продуманные речи скрывают охватывающие его бурные страсти. Лишь в один момент, в блеске молнии, является он в своем истинном обличии. «Она (молния!) озарила все таким величественным живым светом, который выдал призрачность и искаженность его черт, так что он виделся теперь скалящимся и свирепым врагом…» Хотя Коллинз на этом этапе жизни еще не зависел от лауданума, у него уже мелькают проблески причудливого воображе-

ния, характерного для опиоманов.

Это истинная мелодрама, но мелодрама высочайшего рода, в которой серия чрезвычайно запутанных обстоятельств и мотивов с удивительной легкостью сплетена в единое повествование. Говоря словами самого романа, сюжет «протекает по странным каналам, в туманных формах, мучительными, призрачными путями, постоянно меняясь по мере раскрытия». Эта мелодрама в равной мере спиритическая и материальная, безумные страсти тщательно продуманы и выстроены автором. В ней чувствуется рокот судьбы или, как говорит сам Бэзил, «сверхъестественная убежденность, что мои действия направлялись роком и ни один человек не смог бы изменить или избежать его». Роман «Бэзил» демонстрирует колоссальное развитие мастерства Коллинза. Это роман, рассказанный от первого лица, что позволяет создать определенную исповедальность; и он, несомненно, был отчасти вдохновлен Диккенсом.

Реакция критиков была, используя избитое выражение, неоднозначной. *Westminster Review* отметила, что ключевой эпизод в сомнительном, низкопробном отеле «абсолютно отвратителен». В те времена от романиста ждали демонстрации

«высоких моральных принципов». В *Athenaeum* упомянули «зловещую атмосферу, в которой разворачивается действие», но похвалили «неукротимую мощь» романа. Подзаголовок «История из современной жизни» не помешал одному из обозревателей критиковать сочинение за нереальность обстановки; Диккенс тоже указал на невероятность некоторых деталей. В 1862 году Коллинз утверждал: «Я знал, что “Бэзилу” нечего бояться искренних читателей… Медленно и уверенно моя история прокладывала путь через препоны критики, чтобы заслужить общественное одобрение, которого с тех пор никогда не теряла». И настоящие триумфы были у писателя еще впереди.

7. В пути

В возрасте двадцати девяти лет Уилки Коллинз пожинал первые плоды своих трудов. У него был широкий круг друзей, он посещал литературные приемы у Ричарда Бентли, он писал рецензии на спектакли и книги для журнала *Leader,* он был знаком с писателями и журналистами из окружения Диккенса, связанными с его еженедельником *Household Words,* он стал членом как минимум трех лондонских клубов, часто ужинал в модных ресторанах. И, конечно же, он приглашал художников и литераторов к себе на Ганновер-террас — по словам Холмана Ханта, Коллинз был исключительно гостеприимным хозяином. Позднее Хант писал, что «никто не мог превзойти его в веселье, когда он выступал в качестве организатора пира в собственном доме, где ужин готовил шеф-повар, вина лилось в изобилии, а сигары предлагали самых изысканных марок. Разговоры были шумными, и к веселью присоединялись самые степенные гости, долгий громкий смех доносился из противоположных концов комнаты, и все расходились по домам, наслушавшись

отличных историй».

Коллинза можно было бы назвать завидным холостяком, только он не имел ни малейшего намерения жениться. Он наслаждался женским обществом, и женщины любили его компанию, одна из его знакомых, Элиза Чемберс, говорила, что сидеть рядом с Коллинзом за столом во время ужина означало «блестяще проводить время». И все же он не предполагал обзаводиться семьей. Он уже написал в воспоминаниях об отце, что женитьба — «самый серьезный риск, которому может подвергнуться мужчина». И он не был готов так рисковать, вместо этого он завел то, что можно назвать двумя незаконными связями. В статье, опубликованной в *Household Words и* озаглавленной «Отважные речи холостяка», он заявлял: «Общее представление о масштабах и целях института брака является весьма узким»; иначе говоря, он не намеревался уступать условностям и давлению общественного мнения в данном вопросе. Он заявил, что уже пробовал свадебный торт, который раздают гостям, «не подвергаясь опасности стать женатым или близко столкнуться с кем-либо, оказавшимся в этом нелепом положении». В своих романах Коллинз подробно рассуждает о несправедливости и недо-

статках семейного союза. Это стало одной из его главных тем.

Однако прелести светской жизни оказались для него недоступны весной и в начале лета 1853 года. Коллинз почти завершил половину нового романа «Игра в прятки», когда его поразила болезнь, вероятно, предвещавшая ревматическую подагру или невралгию последующих лет. Подагру связывают с плотскими удовольствиями, но провоцируют ее генетические особенности, в результате которых в крови повышается уровень мочевой кислоты, ее кристаллы откладываются в суставах, вызывая острую форму артрита и сильную боль, скованность движений и отеки. Подагра может поражать кисти рук или ступни, но у Коллинза мочевая кислота скапливалась, кроме прочих частей тела, и вокруг глаз.

Его отец страдал от аналогичных симптомов, так что логично предположить, что Уилки Коллинз унаследовал предрасположенность к этой болезни, а тревожность и чрезмерное усердие в писательских трудах и светской жизни ускорили ее развитие. Каков бы ни был точный диагноз, все последующие годы Коллинз зачастую подолгу не мог работать из-за одновременной боли в глазах и в ногах. В одном из поздних романов он

осмысливал этот опыт. «В наше время медики отступают перед двумя неисцелимыми недугами — мужским и женским. Женский — это нервная депрессия. Мужской — подагра. Лекарство стоит гинею, если вы пойдете к доктору, две — если доктор придет к вам».

Почти весь май и июнь он провел в постели, способный лишь «ковылять», опираясь на трость, сознание его было настолько «спутанным», что он не мог продолжать работу над новым романом. Все же к концу июля он достаточно оправился, чтобы принять приглашение Диккенса провести месяц или два с семьей старшего товарища в Булони, там Диккенс арендовал виллу на склоне крутого холма с видом на город, это казалось идеальным местом для восстановления после затяжной болезни. Коллинз разместился в верхней части небольшого павильона на прилегающей к основному дому территории, откуда прогуливался в город, чтобы отведать на завтрак фуа-гра, паштет из утиной печени. Он ценил французские вина и французскую кухню. Диккенс упоминает в письмах их походы в местный театр, посещение разных воскресных праздников, ярмарок и рынков. И все же гость находил время для работы над незавершенной рукописью и успел на вилле

написать несколько глав «Игры в прятки».

Находясь в Булони, Коллинз замышлял долгие европейские каникулы с Диккенсом и другим гостем, Августом Эггом, осенью того же года. Эгг был мягким, тихим и добродушным человеком, составлявшим полный контраст резкому и решительному Диккенсу. Путешествие должно было выйти славное, своего рода викторианский эквивалент большого тура[15], планы включали посещение Франции, Швейцарии и Италии — от Парижа до Женевы, от Милана до Неаполя, от Рима до Венеции.

Без сомнения, лидером был Диккенс, чья энергия и целеустремленность могли бы раздражать менее покладистых спутников. Он был вдохновителем и организатором мероприятия. Сам он писал свояченице: «Я не упускаю возможности преподать товарищам урок того, что в путешествии нет никакой пользы от плохого настроения». В свою очередь Коллинз писал матери: «Мы путешествуем в состоянии безумного веселья и никогда и нигде не унываем». Нота чрезмерной веселости весьма характерна для компании Диккенса. «Мы соблюдаем деловитую пунктуальность во всех своих начинаниях, —

---

[15] Примечания: 15

сообщал он жене, — и никогда не пренебрегаем планом». Конечно же, делами заправлял именно Диккенс.

Он все время торопил товарищей. «Я настолько беспокоен в деятельности — и, полагаю, всегда таким буду, пока мне отпущена хоть толика времени, — что, если бы мне пришлось оставаться дольше недели в одном городе, думаю, что дошел бы до такого отчаяния, что взялся писать новое сочинение!» Они отправились в путь из Булони, поездом доехали до Парижа и обнаружили, что французская столица полна английскихпутешественников; из Парижа они добрались железной дорогой до Страсбурга, а затем экипажем до Швейцарии, ландшафт которой дал свежий материал пейзажному перу Коллинза. Однако он присматривался также к отелям и их владельцам; в Базеле хозяин гостиницы показался ему похожим на гробовщика — и с постояльцами он обращался с соответствующей мрачностью, подметил Коллинз. В Лозанне маленькая компания посетила школу для слабовидящих и неслышащих детей, Уилки, который в то время продумывал образ совершенно глухой героини, был крайне заинтересован в этом визите и непосредственных впечатлениях.

Из Лозанны они отправились в Женеву, оттуда в Шамони «в странной коробчонке, называемой повозкой, в которую запрягли кобылу и мула»; она тряслась и громыхала на каменистой дороге так сильно, что «мои челюсти клацали, а ноги выбивали непрестанную дробь по днищу повозки». На следующее утро после прибытия в Шамони Диккенс повел спутников на восхождение по заснеженному склону ледника Мер-де-Глас. К этому моменту Коллинз был уже в полном отчаянии, хотя и старался не показывать этого товарищам. В конце концов, он только что оправился после тяжелой болезни. Последние два дня в Швейцарии он вынужден был провести в постели.

У нас есть преимущество: письма Диккенса проливают свет на состояние и характер Коллинза. «Он легко все принимает, — рассказывал Диккенс жене, — его не сбивают с пути мелочи». Он «ест и пьет все, где угодно чувствует себя непринужденно и всегда пребывает в хорошем настроении». Он ставит Коллинзу в упрек лишь одно: «Иногда он платит людям слишком мало за их хлопоты». Иначе говоря, Коллинз был прижимист. В знак пребывания в иноземном и экзотическом окружении Диккенс предложил спутникам отрастить усы; в те времена гладко выбритое лицо служило

признаком респектабельности, и Коллинз четыре года спустя задавался вопросом, «остался бы у самого надежного банковского клерка во всей метрополии хоть малейший шанс контролировать ситуацию, если бы он прекратил гладко брить подбородок»? У Диккенса усы выросли пышные, а у Коллинза и Эгга невыразительные. Усы Коллинза Диккенс в привычной для него манере зло шутить сравнивал с бровями годовалого ребенка. Это была еще одна демонстрация превосходства старшего романиста.

Истинной целью троих путешественников была Италия, и, как только они пересекли Симплонский перевал, Коллинз наконец расслабился. Первой остановкой после границы была Домодоссола, там он наслаждался едой, которую считал более качественной, чем швейцарская. И вино стоило здесь всего восемнадцать пенсов за бутылку. Он вернулся в страну, которую посетил школьником, пятнадцать лет назад, когда он слушал слепого итальянского скрипача, исполнявшего местные песни, на него нахлынулаволна воспоминаний — Коллинз был тронут до слез. Он услышал «хаотические и бесцельные возгласы того рода, что составляют основу повседневных итальянских разговоров».

Выезжая в Милан в старинном экипаже, они получили совет привязать багаж веревкой, обмотав так, чтобы предохранить вещи от кражи. И так «мы волокли с собой три импровизированных каната всю дорогу до Милана. Словно мы все приготовились к бане и вот-вот собирались потянуть за веревку, чтобы опрокинуть на себя ушат воды». Август Эгг, значительный и серьезный живописец Викторианской эпохи, приехал в Италию отчасти для того, чтобы знакомиться с искусством, они с Коллинзом обсуждали увиденное — к нетерпению Диккенса, который не слишком интересовался «старыми мастерами», а разговоры об искусстве считал вздором. «Слушать, как Коллинз с ученым видом обращается к Эггу (которому, как художнику, *дозволено* нести немного этой чепухи), рассуждая об оттенках красного, зеленого, о том, как некоторые детали “хорошо сочетаются” с другими, о неверных и верных линиях — всё это чудовищно смешно». Диккенса несколько раздражала неряшливость Коллинза, сам он жил в идеальной чистоте и порядке, а в комнате Коллинза царил хаос случайных предметов, разбросанных по всем поверхностям.

В течение следующих шести недель они продолжали большой тур по стране с остановками

в Генуе, Неаполе, Риме и Венеции. Пароход из Генуи в Неаполь был переполнен, и три англичанина вынуждены были провести первую ночь на палубе среди других пассажиров, которые, по определению Диккенса, теснились, как «ложки в буфете». На следующую ночь Диккенсу удалось раздобыть каюту, а Коллинз и Эгг улеглись в кладовке, «точно свиньи в хлеву». В Неаполе Коллинз встретил человека, знакомого по прежнему путешествию. «Это вы сломали тогда руку? — Нет, то был мой брат. — Голуэй умер». Голуэй был мальчиком, из-за которого пострадал тогда Чарльз Коллинз. В Неаполе три компаньона нашли время, чтобы подняться к кратеру Везувия, где Коллинз увидел «кроваво-красную начинку вулкана, плохо различимую сквозь горячие испарения и серный дым».

Рим оказался точно таким, каким помнил его Коллинз. Он узнавал все старые, знакомые места на холме Пинчо. Видел тех же епископов в пурпурных чулках, тех же мужчин в островерхих шляпах и женщин в красных юбках. Нищие и уличные мальчишки были повсюду. Он отметил, что Папа выглядит встревоженным и несчастным. Когда понтифик проходил мимо людских толп, все опускались на колени — все, кроме Кол-

линза, который лишь снял шляпу; Папа мрачно кивнул ему. Это был особый римский мир.

В Венеции их ждала совсем другая картина. На вокзале их встретила гондола от отеля «Даниэли», которая несла их по темным водам Большого канала, по обеим сторонам тянулись ряды старинных домов, и Коллинзу казалось, что он вернулся в Средневековье. На время визита они наняли гондолу, посещали оперу и балет, жили в окружении картин и дворцов, но погода была настолько холодной, что Коллинз приобрел объемный венецианский плащ с капюшоном.

Они вернулись в Англию в декабре 1853 года через Лион и Париж. Когда подвели итоги общим расходам, Коллинз обнаружил, что потратил больше, чем намеревался. Трудно было экономить в компании Диккенса. И вот теперь необходимо было возвращаться к работе. Письма с Континента к друзьям и родственникам могли обеспечить его материалом для серии дорожных очерков, которые он рассчитывал опубликовать в *Bentley | Miscellany.* Так что в начале 1854 года Коллинз собрал первый вариант «Писем из Италии» и представил его мистеру Бентли. К несчастью, журнал только что закончил публикацию «Путешествия из Вестминстера к Святому

Петру», а Коллинз не удосужился это заметить, так что был крайне разочарован отказом. Он мог бы предложить сочинение в *Household Words*, но и Диккенс не пожелал его публиковать.

В довольно скверном настроении Коллинз вернулся к работе над незавершенным романом, отложенным в сторону из-за болезни и заграничного путешествия. Писал он быстро все первые месяцы года, и к весне рукопись была готова. «Игру в прятки» в июне опубликовал тот же Ричард Бентли, текст предваряло посвящение Чарлзу Диккенсу «в знак восхищения и привязанности».

Книгу приняли с энтузиазмом, поскольку сочли свободной от «тяжелого, душного, нездорового аромата» предыдущего романа «Бэзил»; анонимный рецензент в *Leader* хвалил новое произведение за «сложную ясность» сюжета, весьма удачное определение для большинства сочинений Коллинза. Диккенс сказал своячанице: «Я думаю, это самый умный роман, который я когда-либо видел у новых авторов». Дальнейшему успеху романа не способствовало то, что в конце марта разразилась Крымская война. Внимание нации было сосредоточено на боевых действиях, публика охотнее читала газеты, чем художественные произведения. Так что «Игра

в прятки» быстро отодвинулась на периферию общественного обсуждения. Первый тираж был распродан, но следующие не появились.

Посвящение было точным, поскольку роман определенно написан в диккенсовском духе. Глухонемая героиня, которую называют Мадонной, потеряла слух и способность говорить, исполняя конный трюк в цирке. Один из ключевых персонажей — Валентайн Блайт, художник «несколько умозрительного пошиба», не имеющий определенного стиля, его жена настолько тяжелый инвалид, что даже не может встать с кровати. Коллинз убедительно рисует ограниченный, замкнутый мир викторианской женщины, описывая повседневную жизнь Мадонны и миссис Блайт, но в этом романе он более озабочен социальным аспектом их жизни, а не эмоциональным парадоксом, когда «терпение и веселость [страдающих женщин] порождены их тяжкими телесными недугами». Еще один важный персонаж — Мэтт Марксман, появляющийся в черной шапочке, плотно облегающей голову, словно с него сняли скальп коренные американцы, он ищет потерянную дочь своей покойной сестры, которая, по любопытному совпадению… Романы Уилки Коллинза буквально вскипают от

густоты любопытных совпадений.

Первая часть книги посвящена тому, как прячут факты и создают тайны, и это позволяет Коллинзу обрушиться с нападками на те формы викторианских условностей, которые в прошлом оказывали влияние и на его жизнь, от субботничества до офисной работы в чайной компании. Вторая часть посвящена поиску истины, которая становится известной лишь при накоплении достаточного количества свидетельств. Такие главы, как «Находка ключа», «Надвигается буря» и «Больше открытий», определяют общий тон романа.

«Игра в прятки» — книга увлекательная и энергичная, хотя ей не хватает интенсивности и фатализма «Бэзила»; здесь больше случайностей, а задорная манера повествования не лишена легкомысленности. Однако и тут присутствует доля саспенса — особого напряжения, типичного для всех историй Коллинза. Создавать такое напряжение было его величайшим даром. Роман отлично выстроен, он концентрируется вокруг запутанной интриги. Коллинз был больше мастером сюжета, чем психологических характеров.

После завершения романа Коллинз провел шесть летних недель в Булони, в гостях у Дик-

кенса и его семьи. Диккенс написал ему с виллы Кам-де-Друат, что ненадолго приедет в Лондон, и пригласил присоединиться к нему, когда будет возвращаться во Францию. В британской столице он был готов «предаться любезной распущенности и неограниченной свободе», и Коллинз определенно был подходящим партнером для такого времяпровождения. Они выехали в Булонь в конце июля и там проводили дни за более спокойным, домашним досугом: играли в шары и запускали с детьми воздушных змеев.

Относительная неудача с продажей тиража «Игры в прятки» и неопределенность перспектив романистики на фоне продолжающейся войны побудили Коллинза заняться «экспериментами в области драмы» с целью заработка. Сотрудничество с Ричардом Бентли становилось все менее надежным, у издательства возникли финансовые затруднения, Бентли предложил Коллинзу выкупить у него авторские права на «Антонину» и «Бэзила», но Коллинз, и сам переживавший нелучшие времена, отказался. Итак, он взялся за пьесы. Но сначала он написал короткий рассказ для рождественского выпуска *Household Words,* а на праздниках играл с детьми Диккенса в пантомиме, устроенной в Тэвисток-хаусе. За

склонность ко всему итальянскому Диккенс прозвал его Уилкини Коллини.

Однако основное внимание и все свое время Коллинз уделял теперь мелодраме под названием «Маяк». Сюжет был уже готов, еще двумя годами ранее Коллинз использовал его в коротком рассказе, написанном для того же *Household Words*. Первоначальная версия, «Женитьба Гэбриела», представляла собой историю об отчуждении между отцом и сыном, вызванную тем, что сын считал своего отца убийцей; в соответствии с характерными для Коллинза внезапными поворотами истории предполагаемая жертва оказывалась живой, и это составляло одну из интриг романа. В новой версии Коллинз переносит место действия из Бретани в Англию, на маяк Эддистоун, и передвигает события во времени на столетие ранее. Рассказ послужил источником и для самого знаменитого романа Коллинза «Женщина в белом». «Женщины в белом! Женщины в белом!.. Вы увидите их яркими, словно выхваченными из мрака вспышкой молнии, могущественными, как ангелы, рыдающими, как ветер над морем, в длинных белых облачениях…» В тот же период Коллинз сочинял и другую пьесу, в пяти актах на основе «книги», но не ясно, какой именно; пред-

положительно, это была авторская инсценировка не то романа «Бэзил», не то «Игры в прятки», сделанная ради дополнительного заработка.

В феврале 1855 года Уилки Коллинз поехал с Диккенсом в Париж, но заболел вскоре по прибытии; они остановились в отеле «Мёрис», окна которого выходили на Тюильри. В письме к свояченице Диккенс упоминал, что Коллинз пребывает в «странном состоянии». «Я гуляю по всему Парижу, а инвалид сидит у очага или в кафе». Но все же они каждый вечер выходили на ужин в хорошие рестораны, посещали театры.

Природа заболевания неизвестна, а в письмах к матери Коллинз вообще не говорит на эту тему. Вероятно, у него были основания для такого умолчания. По возвращении в Англию Коллинз еще не совсем оправился, и Диккенс писал: «Надеюсь, вы вскоре сможете увидеть земли за пределами хантерианского океана». Джон Хантер — английский хирург, автор «Трактата о венерических заболеваниях», а «океан» мог быть легкомысленным указанием на чрезмерно обильное мочеиспускание, вызванное уретритом или гонореей. Коллинз вернулся к себе домой в середине марта и в письме к Неду Уорду упоминал свою болезнь как «долгую историю, которой

не буду теперь вас утомлять». Он был способен гулять не дольше получаса. Даже в середине апреля он еще не вполне выздоровел. Так что можно допустить, что на этот раз он страдал от последствий венерической инфекции, а не от привычной подагры или невралгии; известно, что некоторые половые заболевания провоцируют развитие симптомов артрита, которые сохраняются в течение нескольких месяцев и могут возникать повторно годами. Воспаление глаз также типично для таких болезней, если по неосмотрительности касаться руками сначала пениса, а потом глаз. Следовательно, одной из причин слабого здоровья Коллинза могло быть раннее проявление уретрита, вызванного венерическим заболеванием.

Всю весну он работал над пьесой «Маяк» и в мае показал рукопись Диккенсу. Старший романист заинтересовался тем, что назвал «традиционной мелодрамой в старом стиле», и даже решил сыграть главную роль Аарона Гарнока, смотрителя маяка, исполненного раскаяния в связи с его предполагаемым участием в убийстве, страдающего от того, что один из зрителей назвал «ужасным чувством кровавой вины». Диккенс построил сцену для спектакля в детской классной комнате

в Тэвисток-хаусе, там могло разместиться до двадцати пяти зрителей. Репетиции начались через две недели после того, как Диккенс прочитал пьесу, они проходили ежедневно в семь вечера, и старший сын Диккенса вспоминал позднее, как тщательно продумывал его отец различные сценические эффекты. Металлический лист использовали для раскатов грома, перекатывание пушечного ядра создавало шум моря, ударяющего об основание маяка. Кларксон Стэнфилд, известный художник-маринист, написал декорации. Был даже приглашен оркестр. Спектакли проходили в течение четырех вечеров начиная с 16 июня 1855 года, среди актеров были Август Эгг и сам Коллинз.

Это был триумф, по крайней мере, некоторые из зрителей плакали, что само по себе замечательно. Диккенс отметил, что спектакль стал «главной темой разговоров» на приеме у лорда Джона Рассела. Ожидаемого коммерческого успеха это предприятие Коллинзу не принесло, но два года спустя «Маяк» поставили в театре «Олимпик» на Уич-стрит рядом со Стрендом. Таким образом, пьеса стала первым профессиональным драматическим сочинением Коллинза и открыла для него театральную карьеру.

8. Тайная жизнь

Не имея настоящего «хита», популярного романа или пьесы, Коллинз полагался на доходы от многочисленных публикаций в периодических изданиях. Он писал обзоры и рецензии для *Leader* и короткие рассказы для *Household Words,* во втором случае он сотрудничал непосредственно с Диккенсом.

Летом 1855 года, после выступления в спектакле «Маяк», он приехал в гости к Диккенсу в Фолкстон. Считалось, что там спокойнее, чем в Бродстэрсе, прежнем излюбленном месте загородного отдыха семьи Диккенса. На Коллинза не произвели особого впечатления посетители летнего дома, он пришел к выводу, что среди гостей-женщин преобладали непривлекательные особы в больших уродливых шляпах. Диккенс по-прежнему совершал поразительно дальние прогулки и обнаружил пристрастие «карабкаться в недоступные места». Неясно, располагал ли Коллинз энергией и ловкостью, сопоставимой с теми, что демонстрировал старший товарищ.

Он взял с собой рукопись, составленную его

матерью, она рассказывала о первых годах жизни его родителей после свадьбы; Коллинз надеялся довести текст до состояния, приемлемого для публикации. В этом он не преуспел, однако использовал один из мотивов — скромный художник, которого поддерживает предприимчивая жена, — во введении к циклу коротких рассказов, которые, за одним исключением, были опубликованы в *Household Words.* Собрав их в отдельный том, он издал сборник под названием «С наступлением тьмы», получив от журнала дополнительное денежное вознаграждение.

Ранней осенью того же года он позволил себе еще одни каникулы, на этот раз в компании Эдварда Пиготта, который был страстным и опытным моряком и пригласил Коллинза прокатиться на яхте, взятой напрокат в Бристоле. В доках они наняли матросами троих братьев и в сентябре ходили вдоль корнуолльского побережья и посетили острова Силли. Коллинз хорошо переносил путешествия на корабле, никогда не страдал морской болезнью, так что любил такие странствия. Море было для него «старым добрым другом». И он был достаточно ленив, чтобы ценить, когда его с комфортом перевозят с места на место. В море его не одолевали назойливые и скучные посети-

тели, не донимала почта. Коллинз предложил закупить часть провизии в компании «Фортнам и Мейсон», гарантировавшей качество. В частности, отменным считался их консервированный мясной паштет.

Всегда готовый работать с подручным материалом, он осмыслил морские впечатления и написал первый свой документальный очерк для *Household Words* о жизни на борту небольшой яхты — «Круиз Синицы»: «Мы счастливая, ленивая, недисциплинированная, неряшливая компания. У нас нет принципов, респектабельности, нет земельной собственности, мы не водим знакомства с мистером Гранди». В те времена мистером Гранди называли человека, служившего олицетворением норм благочестия и чопорности викторианского общества. Ясно, что Коллинз наслаждался возможностью отдохнуть от условностей XIX века.

Вероятно, именно в это время он познакомился с Кэролайн Грейвз. Обстоятельства их первой встречи не вполне ясны. Одна версия принадлежит сыну Джона Милле. По его словам, братья Коллинз вместе с его отцом Милле-старшим возвращались пешком от Ганновер-террас к дому родителей Милле на Гауэр-стрит, и «внезапно их

внимание привлек пронзительный крик, доносившийся из сада соседней виллы». Железные ворота сада распахнулись, «и оттуда появилась молодая и красивая женщина в развевающихся белых одеждах»; она помедлила, увидев троих молодых людей, на лице ее отражались мольба и страх, а потом она бросилась в темноту.

«Я должен выяснить, кто она и в чем дело!» — воскликнул Уилки Коллинз и поспешил следом. Он не вернулся, а на следующий день странным образом не желал рассказывать, что произошло дальше. Однако он сообщил, что незнакомка поведала ему свою историю. Она была молодой леди «хорошего происхождения и положения в обществе», но ее удерживал на вилле рядом с Риджентс-парком некий человек, имя которого не было названо; он загипнотизировал ее и угрожал. В отчаянии она наконец смогла бежать. Неизвестно, когда это произошло. Возможно, в 1854 году.

Все это слишком похоже на сюжет романа Коллинза, так что трудно принять рассказ всерьез. Воспоминания Милле об отце были опубликованы, когда в живых не оставалось никого из участников интригующей сцены. Конечно, нельзя исключить, что историю сочинил сам Коллинз,

чтобы скрыть реальные факты, касающиеся Кэролайн Грейвз.

Ее никто не удерживал на вилле рядом с Риджентс-парком, не гипнотизировал. Она была вдовой с юной дочерью, держала «морской магазин» или мелочную лавку под своим настоящим именем Элизабет или Лиззи Грейвз. Лавка находилась на Чарлтон-стрит, рядом с Фитцрой-сквер, — действительно, на пути, по которому обычно шли Милле и братья Коллинз от Ганновер-террас до Гауэр-стрит. Можно допустить, что она и вправду выбежала на улицу в сильном расстройстве, реальные причины которого неизвестны. В течение следующих двух лет она продолжала управлять своим магазином, не отказываясь от прежнего уклада жизни и своей независимости.

Она утверждала, что ее покойный муж, Джордж Роберт Грейвз, располагал «независимыми средствами». На самом деле он был стенографистом или служил в офисе стряпчего. Она говорила, что ее отец был «джентльменом» по имени Куртене. На самом деле ее отца звали Джон Комптон, он был плотником из деревни под Челтнемом. Она также убавляла себе годы — судя по официальным документам, на несколько лет. Иначе говоря,

она вольно обращалась с фактами и склонна была преувеличивать свое положение в обществе. Тем не менее она смогла всерьез привлечь внимание Уилки Коллинза и с одним небольшим перерывом оставалась с ним до конца его жизни. Теперь они похоронены в одной могиле. Вероятно, она послужила прообразом независимых и умных героинь его зрелых романов.

Судя по всему, он жил с ней вместе в конце января и феврале 1856 года; в это время Уилки отклонил настойчивое приглашение Диккенса поехать в Париж, где находилась семья его старшего друга-писателя и дружеская компания. Он, видимо, намекнул на обстоятельства, поскольку в ответном письме от 10 февраля Диккенс писал: «Я сказал дома, что с тобой приключилось “старое знакомство” и ты снова обратился к Доктору», и это позволит избежать «каких-либо проблем с твоей матерью, с одной стороны, и с моими домашними, с другой». Диккенс и впоследствии не раз упоминал в переписке Кэролайн Грейвз как Доктора.

Приглашая Коллинза в Париж, он говорил: «Мне пришла мысль, что можно было бы сделать доброе дело для *Household Words* с этого берега» (то есть из Франции). Он решил, что они с

Коллинзом должны исследовать более яркую и сенсационную парижскую жизнь в серии статей, например, описать подробно гильотину. Коллинз, естественно, нуждался в деньгах, так что в конце февраля отправился через пролив. Однако, прежде чем покинуть Англию, он увидел опубликованным сборник своих рассказов. Издательство Смита-старшего выпустило его в виде двухтомника. Джордж Смит прежде уже публиковал «Антонину», а теперь воспользовался случаем перехватить молодого автора, определенно ступившего на путь к успеху. Ричард Бентли и его сын Джордж Бентли не издавали Коллинза в течение следующих восемнадцати лет.

В сборник «С наступлением тьмы» вошло сочинение, которое можно назвать первым английским детективом, — это рассказ «Украденное письмо», переработка «Похищенного письма» Э. А. По; был здесь и образчик готического жанра, подражание По под заглавием «Желтая маска». Близость Коллинза и По часто подмечали: оба интересовались возможностями готической литературы, оба имели вкус к макабру и сенсационности. Обоих волновала проблема поддельных или ошибочных идентичностей и людей, скрывающихся под чужими личинами.

Они были живописцами невозможного, а потому выстраивали невероятнуюправдоподобность описания, чтобы управлять дичайшими невероятностями. Как и По, Коллинз был одним из тех писателен, кто тщательно продумывает и постоянно уточняет сюжет; но в отличие от По он не эксплуатировал самые банальные, глубоко укорененные в человеческом подсознании формы страха. Было даже определенное физиогномическое сходство между писателями: у По тоже был высокий выпуклый лоб.

Один рассказ, опубликованный в конце 1855 года, не успевали включить в сборник «С наступлением тьмы». Первоначально он назывался «Конюх», а затем был переименован в «Женщину из сна»; это была яркая фантазия о жене-убийце, воплощавшая все фобии Коллинза по поводу института брака. История наводила на мысли, что, вероятно, иногда и вправду разумнее завести любовницу, чем жениться.

В Париже Коллинз застал семью Диккенса в квартире над фабрикой по производству экипажей на Елисейских Полях. Ему подобрали отдельное жилье в пределах того же участка, в павильоне, «напоминавшем по размеру, яркости и сходству с декорациями частный дом в какой-то

пантомиме»[16].

В Париже он снова заболел, страдая от «ревматических болей и изнурительной лихорадки», так что был опять прикован к постели. В окружении пилюль и настоек он наблюдал за жилищем привратника и оживленной большой улицей за воротами. «Если бы мой павильон был выстроен специально для того, чтобы болеть с наименьшим возможным дискомфортом, равных ему было бы не найти». Он следил за быстрой походкой и подвижностью жены привратника, присматривался к няне, «движения которой выдавали безнадежную стадию чахотки», наблюдал за «мрачным коричневым омнибусом местной клиники» и размышлял о методах лечения ее пациентов. Тема недугов была в этот момент для него центральной.

Однако его радовали положительные отзывы на сборник «С наступлением тьмы». Критик *Atlas* комментировал: «Немногие присланные нам за долгое время художественные произведения и наполовину так же хороши», а рецензент *Leader* утверждал, что «никто не умеет лучше рассказывать историю». Это действительно было сильной стороной Коллинза, прирожденного рассказчика.

---

[16] Примечания: 16

Наиболее детальный разбор пришел из Парижа. В конце предыдущего года французский критик Эмиль Форг, редактор *Revue des Deux Mondes*, написал длинный и вдумчивый обзор писательской карьеры Коллинза. Он хвалил автора за либеральные взгляды, ненависть к лицемерию, предрассудкам и продажности — всё это обозреватель называл типичными английскими пороками; для него было очевидно, что Коллинз презирает «ханжество» и «фальшивое пуританство». «Я прочитал эту статью, — писал Коллинз позднее, — сразу, как она появилась, испытывая искреннее удовольствие и искреннюю благодарность, и с тех пор стараюсь честно извлекать из нее пользу».

Болезнь не мешала ему работать, он закончил повесть о карьере обаятельного шарлатана. «История плута» написана веселым и нарочито оживленным стилем, словно специально обращенным к читателям *Household Words*, где она была первоначально опубликована. Это история Фрэнка Софтли, художника, занявшегося подделками, а затем ставшего фальшивомонетчиком; персонаж совершенно не способен сохранять серьезность, и Коллинз описывает его жизнерадостность в ритме галопа, переходя от одного

приключения к другому. Это еще одна атака Коллинза на викторианскую респектабельность. Диккенс был уверен, что дело того стоит, и заявил партнеру по выпуску журнала, У. Х. Уиллзу, что надо выплатить Коллинзу пятьдесят фунтов за авторские права на повесть.

Во время вынужденной малоподвижности Коллинз начал планировать сюжет следующего романа — «Тайна»[17]. Он всегда тщательно и методично прорабатывал структуру своих произведений. Он продумывал всё, вплоть до малейших деталей, а затем проходился снова, чтобы убедиться, что все элементы согласуются между собой. Ничто не случается в его романах беспричинно. Он всегда заранее решал, как история закончится. Даже если он не зафиксировал сюжет на бумаге, роман уже был написан «в голове». Он собирал материал, размышлял о нем, выстраивал невидимые линии притяжения, связывающие персонажей, «впрыгивая в чужую шкуру» — как он сам это называл, вынашивая мотивы и намерения. Его описание метода работы Бальзака — это и описание собственного труда: «Ему недостаточно было главной идеи, он прослеживал ее мысленно через все мельчайшие разветвления,

[17] Примечания: 17

посвящая этому процессу то количество спокойного усердного труда и самопожертвования, которое писателю меньшего масштаба вложить в работу не хватит ни ума, ни отваги».

Он описал сюжет в разговоре с Диккенсом, который моментально увлекся им и пришел в восторг. Диккенс не смог угадать финал, но предсказал Коллинзу, что это сочинение принесет много денег. Два романиста также обсудили новое театральное предприятие. Они размышляли о гибели одного из знакомых Хэрриет Коллинз, сэра Джона Франклина, возглавившего экспедицию в Арктику в 1845 году. В последний раз полярников видели летом предыдущего года, и в обществе бродили слухи и предположения о том, что могло с ними случиться после этого. В 1854 году другой путешественник говорил с охотниками-инуитами[18], и те сказали, что несчастные мореплаватели стали жертвами голода и каннибализма. Это сообщение вызвало на родине настоящий взрыв эмоций. Именно на таком фоне Диккенсу и Коллинзу пришла в голову мысль создать масштабную мелодраму о полярных просторах.

Коллинз медленно выздоравливал, в том чис-

---

[18] Примечания: 18

ле за счет парной бани, или ему так казалось; больше всего его радовало, что он уже мог выходить в город вместе со своим прославленным товарищем. Он встречался со многими знаменитыми французскими писателями, восхищался «улучшениями» в Париже, проводимыми под руководством Османа. Он посещал театры, художественные галереи и рестораны, отношения между полами были здесь свободнее и проще, чем в Лондоне. Он также сделал неожиданное открытие. Изучая один из бесчисленных букинистических прилавков города, он наткнулся на книгу Мориса Межана «Собрание известных дел» — компендиум сенсационных преступлений, одно из которых послужило источником вдохновения для «Женщины в белом».

Он уехал внезапно и поспешно 10 апреля, жена привратника принесла Диккенсу его торопливую записку, Коллинзу даже не хватило времени оплатить счета аптекаря. Вероятно, его вызвали срочные новости из Лондона. Хэрриет Коллинз уже съехала из дома на Ганновер-террас, передав мебель на склад в ожидании нового дома в районе Мэрилебоун; сама она отправилась за город, а Чарльз снял временное жилье на Перси-стрит. Уилки оказался между небом и землей. Впрочем,

он быстро нашел квартиру на Хоулэнд-стрит — узкой улице рядом с Тоттенхэм-Корт-роуд и в нескольких ярдах от морского магазина Кэролайн Грейвз. Следовательно, можно предположить, что он поселился вместе с ней и ее дочерью в так называемых меблированных апартаментах. Может быть, из соображений приличия он арендовал жилье не вместе, а по соседству с Кэролайн Грейвз.

Это были темные комнаты на безликой улице в одном из самых мрачных районов Лондона, резко отличавшемся от Елисейских Полей и Парижа; и тут Коллинз снова заболел. Позднее он писал: «Я смотрел в окно на грязного цвета стены и озабоченные лица, видневшиеся сквозь пропитанную дымом атмосферу, и должен признать, что меня обслуживали (а некая домашняя прислуга предполагалась) люди сумрачного вида, которые, казалось, давным-давно не видели и проблеска солнечного света». Это был истинный Лондон, который Коллинз называл «Грязная улица». Здесь он заинтересовался тяжелой участью молодой служанки, которую удивило его вежливое обращение. Для нее «жизнь означала черную работу, низкую зарплату, тяжелые дни, никаких выходных, никакого будущего. Ни один человек

не создан для такого».

Одним из плодов короткого пребывания на Хоулэнд-стрит стал страстный и впечатляющий рассказ «Дневник Энн Родуэй», в нем чувствуется глубокое погружение в жизнь бедноты. В каком-то смысле это криминальная история, в которой появляется первая женщина-детектив в английской литературе. Энн Родуэй — нищая швея, ее подругу приносят в комнаты после фатального удара по голове, женщина сжимает в руке обрывок галстука, и после ее смерти Энн Родуэй использует его как ключ к раскрытию убийства.

Но главное в этой истории не столько сюжетная интрига, сколько описание жизни отверженных и обездоленных.

«Я не могу пойти с тобой, — сказала она, глядя на свою рваную шаль, — потому что у меня нет приличной одежды для прогулки. Жаль, что я не могла дать волю слезам и оплакать ее, как оплакиваю тебя; все слезы иссякли давным-давно. Не думай о том, что надо будет разжечь очаг по возвращении. Я сделаю это сама и приготовлю немного чая, чтобы согреть тебя» — так говорит одна из бедных соседок перед похоронами. А Энн Родуэй записывает в дневнике: «Кажется, что жить намного тяжелее, чем умереть». Чуть рань-

ше она замечает: «Если бы у меня было свободное время, чтобы горевать, где бы я нашла отвагу для нового дня?» Читая этот рассказ в железнодорожном вагоне, Диккенс поразил других пассажиров тем, что внезапно расплакался. Это и вправду одно из блестящих достижений Коллинза и определенно лучший из его рассказов. Он показывает насилие, нищету и ярость, вырастающие на «жестких камнях Лондона», отважно исследует повседневные страдания бедняков. Если бы он превратил эту историю в роман, пространный и исполненный подробностей, вышел бы настоящий шедевр.

9. На службе

В июне 1856 года Коллинз снова отправился в морское путешествие с Эдвардом Пиготтом, они наняли яхту в Королевском обществе и направились в Шербур, где взяли груз отличного вина. Два месяца спустя Коллинз снова был во Франции, на этот раз вместе с Чарлзом Диккенсом. Он принял приглашение остановиться с семьей Диккенса на вилле де Мулино, они намеревались работать вдвоем над пьесой, идею которой предложил Коллинз. Она называлась «Застывшие глубины»[19] и определялась авторами как романтическая драма в трех актах. Коллинз сочинял диалоги, а Диккенс редактировал их с учетом своего более обширного театрального опыта. Они планировали провести за этой работой по меньшей мере два месяца, но внезапная вспышка холеры в Булони вынудила их быстро собраться и поспешить в Англию в конце августа. Однако они успели сделать немало, так что Диккенс по возвращении домой сразу стал посылать инструкции по изготовлению декораций.

---

[19] Примечания: 19

Коллинз приехал уже в новый дом. Его мать сняла жилье на Харли-плейс, рядом с Верхней Харли-стрит, по соседству с Нью-роуд (сейчас Мэрилебоун-роуд), не так уж далеко от прежнего их дома на Ганновер-террас. Судя по всему, Кэролайн Грейвз с дочерью остались на Хоулэнд-стрит.

Совместная работа Диккенса и Коллинза над пьесой «Застывшие глубины» стала началом периода их наиболее тесного и интенсивного сотрудничества. Диккенса взволновал и поразил «Дневник Энн Родуэй», и в начале осени того же года он предложил Коллинзу место штатного сотрудника в *Household Words* за пять гиней в неделю. «Он очень инициативен, — сообщал Диккенс своему партнеру по издательскому делу У. Х. Уиллзу, — и с замечательной быстротой принимает мои замечания. Кроме того, он трудолюбив и надежен, так что полагаю, что нам стоит потратить на него дополнительные двадцать фунтов в год». За эту зарплату Коллинз в качестве штатного сотрудника отказывался от гонораров. Диккенс был уверен, что молодой романист, «пробивающийся к успеху», усилит свои позиции за счет связи с периодическим изданием.

Сам Коллинз не был в этом так уж уверен. Регулярная обязанность писать анонимные

статьи и короткие рассказы под псевдонимом Неподражаемый — особенно при условии, что на каждой странице журнала теперь стояла строка «выпускает Чарлз Диккенс», — была не таким преимуществом, как казалось Диккенсу. Читатели могли принять сочинения Уилки за тексты, вышедшие из-под пера более знаменитого автора. Диккенс поспешно ответил Уиллзу, что «такая путаница с авторством… будет для него скорее услугой, чем потерей. Я это ясно вижу». Однако Коллинз протестовал. Он согласился поступить в штат журнала лишь при условии, что там будет выходить по частям его следующий роман — и, конечно, под его собственным именем. Это был замечательный договор, демонстрирующий отличные способности Коллинза в области ведения практических дел. Диккенс сомневался, что роман Коллинза повысит уровень продаж журнала, но дал Уиллзу указание принять требования Коллинза. Однако у него оставались некоторые опасения насчет младшего партнера. Как-то раз он сказал Уиллзу, что Коллинз порой проявляет «ненужную оскорбительность в отношении среднего класса».

Вскоре Коллинз приступил к работе в *Household Words* совместно с Диккенсом и другими стол-

пами литературы над созданием коллективного рождественского выпуска. «Крушение “Золотой Мэри” Коллинза, история о кораблекрушении, была заключительным рассказом этого номера. «Я капитан “Золотой Мэри”, - сказал Диккенс одному из друзей, — а мистер Коллинз мой помощник». В это же время Коллинз трудился над «Застывшими глубинами», еще одной историей эмоционального и физического страдания. Он советовался с Диккенсом на всех этапах построения композиции. Он приехал в Гэдсхилл-плейс, загородный дом Диккенса в Кенте, через считаные дни после его приобретения.

При энергичном поощрении со стороны Диккенса основная драматическая нагрузка в пьесе ложилась на Ричарда Уордура — персонажа, которого страстно играл сам Диккенс, стремясь передать его свирепую натуру. Уордур — ревнивый соперник положительного героя Фрэнка Олдерсли в любовной истории, и они случайно оказываются в одной полярной экспедиции, он борется с убийственными порывами в своей душе и одолевает их в высшем акте самоотречения, жертвуя собой. В кульминационной сцене Уордур спасает соперника (его играл Коллинз) из застывших глубин океана. Оба писателя отрасти-

ли бороды, чтобы больше походить на полярных исследователей, и Коллинз так привязался к этому образу, что сохранил бороду на всю оставшуюся жизнь.

Диккенс вживался в роль. Он предпринимал долгие прогулки, декламируя свой текст. «Преодолейте сегодня двадцать миль и передайте слова Ричарда, пусть ужаснутся Финчли, Нисден, Уиллесден и все прочие края», — говорил он Коллинзу, который, без сомнения, обладал менее вулканическим темпераментом и отлично подходил на роль спокойного, хотя тоже вполне героического персонажа.

Классная комната в Тэвисток-хаусе снова стала местом действия, плотники и маляры трудились наравне с актерами и музыкантами. Все это напоминало хаос или стало бы хаосом, если бы не чувствовалась повсюду твердая рука хозяина дома. Костюмированная репетиция состоялась 5 января 1857 года, за ней последовали четыре представления на публику. Конечно, Диккенс был в раскаленном и почти невменяемом состоянии. Коллинз был поражен им. «Это ужасно!» — бормотал он, падая в объятия Диккенса в финальной сцене. После чего тот произносил заключительные слова: «Вы вспомните меня

добрыми словами ради Фрэнка? Бедный Фрэнк! Почему он прячет лицо? Он плачет? Ближе, Клара, я хочу в последний раз взглянуть на вас. Сестра моя, Клара! Поцелуйте меня, сестра, поцелуйте меня прежде, чем я умру!» Публика и другие актеры заливались слезами вместе с Диккенсом.

Несколько месяцев спустя королева Виктория согласилась посетить частное представление пьесы в Галерее иллюстраций[20] в присутствии других членов королевской семьи. В газетном отчете сообщалось, что «принц Альберт горько плакал, а королева и король Леопольд рыдали молча». После этого Виктория послала с конюхом записку, что «Её Величество особо желает выразить свое высочайшее одобрение мистеру Уилки Коллинзу». Это единственный в жизни Коллинза знак королевского внимания. Ганс Христиан Андерсен также был на этом спектакле, после чего его пригласили в Гэдсхилл-хаус вместе с Коллинзом и другими гостями.

Коллинз оставил забавное воспоминание о прославленном сказочнике. Датчанин у него стал немцем, герром фон Мюффе, которого сочли собеседником «почти невыносимым, потому что одинаково неправильно употреблял все язы-

---

[20] Примечания: 20

ки (включая его собственный)», но постоянно говорил и «несколько раз за вечер проливал слезы». Поношенная одежда была украшена целой коллекцией иностранных орденов и медалей, приколотых к пиджаку, а деньги и драгоценности он носил в ботинке из страха быть ограбленным. Он пил коктейль из джина и шерри. «Он бродил по дому и саду медленно, бесцельно и беспорядочно, всегда появляясь в неподходящий момент и обращаясь не к тем людям». Развлекался он, вырезая из бумаги фигурки пастухов и пастушек, а затем дарил их дамам. Он также собирал «бесчисленные букетики цветов» и раздавал их удивленным школьникам и работникам, встречавшимся ему на пути. Эссе об Андерсене выдает тягу Коллинза к комическому нарративу.

Согласно договору с Диккенсом, Коллинз представил следующий роман в виде отдельных выпусков в журнале *Household Words.* Это была «Тайна» — история, финал которой Диккенс не смог угадать; первая часть была опубликована в январских номерах еженедельника за 1857 год. Это и вправду история о тайне, в конце концов раскрытой после многих глав, полных саспенса и интриг.

Хотя Коллинз детально проработал все поворо-

ты сюжета, он впервые писал роман в виде серии выпусков. Соответственно, ему приходилось работать в ритме еженедельника, он трудился «днями *и* ночами», чтобы успевать сдавать эпизоды в срок; он всего на две недели опережал печатников в этой выматывающей гонке. На некоторое время он уединился на Ист-Шин, неподалеку от Ричмонд-парка, чтобы никто и ничто не отвлекало его от работы. И все же этот опыт не был исключительно неприятным, так или иначе большинство последующих романов Коллинз публиковал в виде еженедельных или ежемесячных выпусков.

Этот режим работы позволял ему держать интригу, начиная с мощной сцены у постели умирающей женщины — она некогда была актрисой, да и другие персонажи романа чувствуют вкус к драме. Ее служанка преждевременно поседела. «Какое потрясение поразило ее волосы… придав им оттенок несвойственного ей пожилого возраста?» Мгновение спустя эта служанка дрожит у двери, ведущей в комнату смерти, спрашивая себя шепотом: «Могла ли она сказать ему?» Интрига нарастает, ответа нет…

Было важно держать читателя в напряжении, чтобы он в нетерпении дожидался следующего

выпуска. Каждый эпизод заканчивается недоумением или прямым вопросом. В чем тайна Миртовой комнаты? Почему служанка посещает запущенную могилу? Что написано в спрятанном письме? Постепенно напряжение нарастает, удерживая внимание читателей. И это родная стихия Уилки Коллинза. «Сара слушала, обернувшись лицом к залу, — слушала и расслышала тихий звук позади. Донесся ли он из-за двери, к которой она развернулась спиной? Или он прозвучал внутри — в Миртовой комнате?» Когда летом «Тайна» вышла наконец отдельным томом, роман имел колоссальный успех, продажи превзошли все ожидания.

Кое-кто из рецензентов счел книгу умелым набором трюков, в том числе «мастерством соединить разрозненное множество фактов в единую и вполне приемлемую форму». В *Saturday Review* писали: «История постоянно движется вперед, и мы чувствуем в конце каждой главы, что еще на шаг стали ближе к цели поисков». Однако то, что викторианским читателям казалось избитым приемом, пожалуй, может стать приятным сюрпризом для публики XXI века.

Мог бы сегодня 33-летний человек считать, что достиг «средних лет»? А именно это определение

использует автор, описывая женщину, которой было «скажем, год или два после тридцати». Однако сам Коллинз уже обретал солидность. В том же году литературный критик Эдмунд Йейтс назвал его четвертым по значимости среди современных английских романистов — после Диккенса, Теккерея и Шарлотты Бронте, — отметив: «Как рассказчик, он не имеет себе равных». «Ни один юрист или врач не трудились усерднее, не уделяли больше времени, и внимания, и усердия профессии, не гордились ей в большей мере, не предавались ей с большим жаром и искренностью…»

В начале осени Коллинз и Диккенс отправились в «пеший тур» по Камберленду. Они только что дали два представления «Застывших глубин» в Манчестере, на второй спектакль собралось три тысячи зрителей, которые, по словам Коллинза, были «наэлектризованы».

Коллинз впервые ощутил вкус успеха в публичном театре, когда «Маяк» поставили в «Олимпике» на Уич-стрит. Он рассказывал матери про «настоящий ураган» аплодисментов в финале, про то, как приветствовал публику из частной ложи. Теперь появилась возможность охладить пыл северным воздухом. Писатели также собирались

вести непринужденный дневник путешествия, чтобы опубликовать его затем в *Household Words.*

В первую неделю сентября они сели на поезд и отправились от вокзала на Юстон-сквер в Карлайл, откуда на лошадях добрались до деревушки Хескет-Ньюмаркет. У Диккенса была цель — он хотел подняться на большой холм, известный как Кэррок-Фелл. В компании с хозяином постоялого двора, где они остановились, Диккенс и не имевший охоты к восхождению Коллинз под проливным дождем отправились покорять вершину. Опустился туман, они потерялись среди валунов, осыпей и густых зарослей вереска. Коллинз поскользнулся на мокром камне и сильно повредил лодыжку, которую растянул еще шестью неделями ранее. Драма воплотилась в реальность. Как Ричард Уордур в «Застывших глубинах» нес Фрэнка Олдерсли, так Диккенс теперь нес на себе пострадавшего Коллинза до ожидавшей их у подножия холма повозки.

Несмотря на то что Коллинз едва мог идти, писатели отправились в Цигтон и дальше в Эллонби; Ланкастер, Лидс и Донкастер они посетили по пути. В книге посетителей постоялого двора «Шип-Инн» в Эллонби сохранилась запись об их расходах. К обеду 9 сентября они взяли пиво,

вино и виски, всего заплатили девять шиллингов. Лодыжка Коллинза была замотана грязным фланелевым поясом, и он регулярно смазывал пострадавшую конечность жидкой мазью, Диккенс вносил и выносил его из экипажей на каждой станции. Через несколько дней Коллинз смог передвигаться сам, с помощью двух толстых палок. Они вели дневник, работая над ним за завтраком, после чего Диккенс совершал долгие прогулки, а Коллинз отдыхал в относительном комфорте постоялых дворов и гостиниц. Через две недели после начала путешествия Диккенс вернулся в Лондон, а Коллинз отправился дальше, в Скарборо, где можно было с удобствами отдыхать и восстанавливать здоровье.

«Ленивое путешествие двух досужих подмастерьев», опубликованное в *Household Words* осенью 1857 года, интересно тем, что высвечивает отношения двух романистов. Диккенс предпринял поездку на север отчасти ради встречи с Эллен Тернан, молодой актрисой, в которую он без памяти влюбился. Она должна была выступать в Донкастере как раз в то время, когда писатели туда приехали. И часть диалога между «Томасом Айдлом / Бездельником» (Коллинз) и «Фрэнсисом Гудчайлдом / Добряком» (Диккенсом) отражает

действительность. Диккенс рассуждает, что нет беды в том, чтобы влюбиться.

Коллинз, там же: «Из этого иногда проистекают беды, когда влюбишься. Так что я предпочитаю воздерживаться. Лучше бы и тебе так поступать».

После возвращения они немедленно приступили к новому проекту для *Household Words.* «Бедствия некоторых английских заключенных» стали главным текстом рождественского выпуска 1857 года, это была яростная реакция Диккенса на восстание сипаев, случившееся в том же году. До писателя дошли известия о кровавой резне, и от него ждали прославления героизма англичан и осуждения предательства индийцев. Коллинз убеждал его, что в рассказе о восстании следует избрать местом действия некий воображаемый остров в Карибском море, а не Индию, его собственный вклад состоял в том, чтобы смягчить приступ расистского негодования своего товарища, включая в повествование элементы комические и сочувственные по отношению к повстанцам. Как позднее стало ясно из «Лунного камня», Коллинз не разделял империалистического высокомерия своих современников.

Весной 1858 года он снова заболел, доктор

посоветовал ему воздержаться от работы и восстанавливать силы в сельской местности. А потому в начале лета Уилки отправился морем в Уэльс, где встретил старого гэльского барда, исполнявшего песни хриплым фальцетом; в следующем месяце Коллинз был в Бродстэрсе. Это был его первый продолжительный визит в приморский город, ставший надолго его ежегодным фаворитом. В то время это был скорее не город, а рыбацкая деревня, построенная на крутых меловых утесах, нависавших над полукруглой бухтой с песчаным пляжем и коротким деревянным причалом. Привлекали больше всего тишина и уединенность места. Брат Коллинза и Эдвард Пиготт остановились у него в доме по Проспект-плейс, 3; весьма вероятно, что были там также Кэролайн Грейвз и ее дочь, хотя, конечно же, о них Уилки не упоминал в письмах к матери. Он наслаждался морским воздухом и даже арендовал небольшой люггер, чтобы ходить через пролив во Францию. Ко второй неделе августа он совершенно исцелился.

Плохое самочувствие не помешало ему писать рассказы и статьи для *Household Words,* за один только год их набралось около двадцати. Один из самых интересных текстов — «Неизвестная пуб-

лика»; он отражает чувство настороженности, вызываемое у Коллинза литературным рынком. Он жил во времена, когда круг читателей художественной литературы стремительно расширялся, а сами романы приобретали большое общественное значение. Троллоп[21] утверждал: «Мы стали народом, читающим романы… все, от премьер-министра до последней судомойки». Романы вмещали мечты и идеалы, фантазии и размышления нации. Отмена налога на бумагу, новые достижения в технологии печати, такие как литье матриц, привели к резкому росту издания книг. В 1850 году вышло в четыре раза больше романов, чем в 1820 году. Очень многое сошлось и работало в одном направлении.

«Циркулирующие библиотеки» требовали традиционные трехтомные романы, известные как «трехпалубники». В такой библиотеке за подписку ценой в гинею можно было взять одну часть романа единовременно, подписка за две гинеи позволяла брать до четырех книг за один раз. А книжные прилавки на вокзалах нуждались в дешевых изданиях, в которых весь роман умещался в одном томе. Такие книжки называли «желтыми обложками» или «грошовым потрясением»

---

[21] Примечания: 21

(бульварными романами). Покупатели хотели читать в поезде нечто сенсационное, захватывающее. Популярные газеты-еженедельники, такие как *London Journal и Family Herald,* также стали выпускать художественные произведения в виде серии выпусков. Коллинз отметил, что наступила «великая эпоха для авторов». Писательство стало профессией, и к концу жизни Коллинза былоосновано Авторское общество. В 1870-х годах официально утвердилась и специальность «литературный агент».

Прогуливаясь по соседним бедным районам Лондона, Коллинз заметил, что в окнах табачных лавок и мелких бакалейных магазинов появились небольшие издания формата кварто. В *Household Words* они послужили темой для эссе «Неизвестная публика». Книжки, «казалось, состояли из небольшого количества непереплетенных страниц, каждая с картинкой в верхней части лицевой стороны, с коротким текстом под ним». Во время путешествий по Англии он обнаружил тот же феномен. Кто покупал эти грошовые издания? И он понял, что действительно существует незнакомая ему, неизвестная читательская аудитория с запросом на низкопробную литературу, и публика эта составляет многие

миллионы человек». Они не вступали в книжные клубы, не были подписчиками платных библиотечных абонементов (гинея — слишком дорого!) или покупателями «желтых обложек» на вокзалах, они не читали книжные рецензии и обзоры ведущих периодических изданий. Он приводит возможный разговор такого клиента с владельцем лавки.

«Продавец. Кому-то нравится одно, кому-то другое. Все это хорошие дешевые книжки. Взглянете?

Покупатель. Да.

Продавец. Эту видели?

Покупатель. Нет.

Продавец. Гляньте, отличное чтиво!»

Коллинз вовсе не осуждает и не презирает эту внезапно выявленную читательскую аудиторию. Надо просто научить ее, как читать книги. Он глубоко верил в викторианский закон прогресса. «Когда эта публика откроет для себя потребность в большом писателе, этот большой писатель получит аудиторию, которой до сих пор никто не знавал». Едва ли можно сомневаться, что самого Коллинза вдохновляла мысль занять такое положение. Он часто упоминал «Короля-Читателя». Когда ему однажды сказали, что его романы

читают «на каждой английской кухне», он счел это комплиментом, а не оскорблением. Он всегда стремился отыскать новые способы обращения к публике, он писал, учитывая вкусы широкой аудитории. Даже в конце жизни он жаждал внимания «грошовой публики», покупающей книжки за полпенни.

А вот его представления о театре были весьма старомодны. Вдохновленный успехом «Застывших глубин» и «Маяка», он взялся сочинять пьесу специально для публичного театра. Осенью 1858 года «Красный флакон» поставили в театре «Олимпик» — там, где годом раньше шел «Маяк». Фредерик Робсон исполнял главную роль и в «Маяке», и в «Красном флаконе». Рецензенты первой постановки были скорее добры, чем полныэнтузиазма, критик из *The Times* описал спектакль «Маяк» как «драматический анекдот, а не настоящую драму». «Красный флакон» обладал тем же мелодраматизмом: дама-отравительница, полубезумный немец, спасенный из дома для умалишенных…

Едва поднялся занавес, публика начала смеяться, хотя пьеса, по словам Генри Морли, представляла собой «два часа бескомпромиссного пафоса». Когда руки «трупа» задрожали и потянулись

за звонком вызова, зрители буквально впали в истерику. Морли, один из первых профессоров английской литературы, заключил, что персонажи Коллинза «просто марионетки, выражающие банальные чувства, утомительно представленные». Пьеса сошла со сцены после нескольких представлений и никогда больше не ставилась. Коллинз записал: «Бедный Робсон сделал все, на что способен. Дальше тишина». Ужин после премьеры, состоявшийся в доме Диккенса, один из гостей описал как поминальную трапезу.

Исследуя «неизвестную публику», Коллинз высветил любопытные стороны викторианской цивилизации в стиле колонки советов из дешевой периодики. «Замужние женщины, совершившие небольшие грешки, советуются с редактором. Изменившие женам мужчины смертельно боятся, что их выведут на чистую воду, а потому советуются с редактором». Нельзя пожимать руку даме в момент знакомства. Но можно продавать лекарства без патента. Читатель хочет получить рецепт имбирного пряника, способы закрасить седину, избавиться от бородавок, нервного или пищеварительного расстройства. Другой желает узнать, что такое эсквайр или как произнести слово «живописный» или «эзотерический». А

еще кто-то интересуется точным временем дня, в которое уместно нанести визит новобрачным. А пристойно ли быть одновременно учительницей танцев и преподавательницей в воскресной школе? А можно ли продавать лимонад без лицензии? Я уже четыре года люблю одну женщину, но не решаюсь сказать ей об этом. Посоветуйте, что делать.

10. Женщина

В конце 1858 года Коллинз вместе с братом и матерью переехал в новый дом на Кларенс-террас, 2, по соседству с Риджентс-парком. Однако теперь у него появился и другой, более важный адрес. К началу 1859 года он указывает в письмах «дом 124 по Олбани-стрит». Кэролайн Грейвз в 1858 году тоже живет рядом с Риджентс-парком. Она подписывается как «миссис Грейвз».

Он определенно живет вместе с Кэролайн Грейвз, хотя формально считается обитателем дома на Кларенс-террас. Должно быть, он платит за аренду и бытовые расходы. На Олбани-стрит они принимают в гостях Эдварда Пиготта и Августа Эгга, но не каких-либо более респектабельных знакомых Коллинза. Замужние женщины в этот дом не приходят. У него, безусловно, были друзья, осуждавшие эту связь и советовавшие ему покончить с неподобающими отношениями. Некоторые считали Кэролайн Грейвз авантюристкой или и того хуже. Если Кэролайн Грейвз и Коллинз давали званые ужины, дам на них не приглашали. Родители запрещали своим детям

играть с дочерью Кэролайн Грейвз, Гарриет, которую дома звали Кэрри.

Коллинз упоминает трудности, с которыми сталкивается неженатая пара. В романе «Армадейл»[22] он размышляет: «Влияние публичного скандала — сила, которая действует вопреки обычным законам механики. Она нарастает не от концентрации усилий, а от широты распространения». В романе «Новая Магдалина» один из персонажей пишет, что «люди, которые в прежние годы обычно приходили ко мне и приглашали к себе, — или те, что в случае моего отсутствия мне писали, — теперь с поразительным единодушием воздерживаются от визитов, приглашений и даже писем». В романе «Без права на наследство» заходит речь о том же: «Я прожила достаточно долго в этом мире, чтобы знать: чувство приличия у девяти англичанок из десяти не знает снисхождения или жалости».

Возникали проблемы и со слугами, и с владельцами съемного жилья. В частности, некие конфликты вынудили Коллинза и Кэролайн Грейвз переехать в другой дом буквально по соседству — номер 2 по Нью-Кавендиш-стрит; там они снимали комнаты у местного доктора,

---

[22] Примечания: 22

вероятно, более расположенного сочувствовать паре, оказавшейся в непростом положении.

Летом 1859 года они снова на шесть недель поехали в Бродстэрс и сняли там коттедж Чёрч-Хилл на Рэме гейт-роуд. Место было тихое, с отличным видом на море; Коллинз любил наблюдать за судами, регулярно проходившими мимо. Он нанял повариху, но столкнулся с немалыми трудностями в общении с различными торговцами, норовившими содрать побольше с приезжих. К своему ужасу, Коллинз обнаружил, что овощи ему предлагали по цене в три раза выше лондонской. Некоторые гости, среди них Чарльз Уорд и Чарльз Коллинз, оставались пожить, а Диккенс снял комнаты в гостинице неподалеку.

Однако значительную часть времени Коллинз проводил за рабочим столом, обычно с десяти утра до двух часов дня. Он приступил к сочинению нового романа, также выходившего в свет в виде серии выпусков. Он сказал Уорду, что «история эта самая длинная и сложная из всех, что я писал, и в начале ее возникают невероятные сложности с построением». Как обычно, у Коллинза интенсивный интеллектуальный труд приводил к обострению физических недугов, он страдал от болезненных приступов подагры в

ногах, и местный врач вынужден был даже проводить небольшие операции. «Кажется, я обречен, помоги мне Бог! Мне никогда не будет лучше».

Он сделал множество заметок к будущему роману, продумал сюжет во всех подробностях, прежде чем приступить, собственно, к написанию текста, который следовало отправить в печать. Центральная идея, как он ее формулировал, это «злонамеренная интрига, обстоятельства которой настолько прискорбны, что лишают женщину ее личности, когда жертву подменяют другой особой, похожей на нее внешне». Он почерпнул идею из книги, купленной в Париже, «Собрание известных дел» Межана. Там был описан случай с французской вдовой, оказавшейся в Париже в заведении для умалишенных под вымышленным именем, после того как брат опоил ее наркотическим средством. Состояние вдовы, которую через некоторое время сочли умершей, поделили между собой подлые родственники. Таким образом, подлинная история послужила Коллинзу источником для вдохновения.

Первоначально он выбрал местом действия Камберленд, но потом передумал. В газете он прочитал об успешном побеге пациента из клиники для умалишенных. Перед его мысленным

взором развернулась картина Хэмпстеда и просторов почти не застроенного района Хит. «Там, посреди широкой, оживленной дороги, как будто она выросла из земли или упала с неба, возникла фигура одинокой женщины, с головы до ног одетой в белое; ее лицо обратилось ко мне словно в серьезном вопросе, рука ее указала на темное облако над Лондоном».

Нужно было еще придумать название. Во время короткой прогулки к маяку Норт-Форланд его посетило вдохновение. Маяк сиял белизной в вечернем сумраке, луч пронзал простор моря. «Резкий, бьющий в глаза, жесткий, мертвенный и странный, как моя белая женщина. Белая женщина! Женщина в белом!» Возможно, он вспомнил и «белую женщину» из рассказа «Женитьба Гэбриела», послужившего основой для пьесы «Маяк». Ассоциации и параллели теснились в голове пока без особой определенности. В то же время один из комитетов парламента начал «расследование о методах обращения с безумцами и их имуществом». Общественные события и частные впечатления слились воедино. Коллинза занимало и завораживало безумие, и в 1861 году он получил от Форбса Уинслоу экземпляр его книги «О неясных заболеваниях мозга и расстройствах

ума» с дарственной надписью; не исключено, что по определенным аспектам Коллинз советовался с Уинслоу.

Непосредственно перед началом публикации «Женщины в белом» в журнале *All the Year Round* появилось второе собрание его рассказов под названием «Королева червей». Сборник включает несколько лучших новелл Коллинза, в том числе «Дневник Энн Родуэй». В этом жанре он был непревзойденным мастером. Как говорит один из персонажей сборника, «чего мне хотелось, так это найти то, что захватит меня. Заставит забыть, что пора одеваться к ужину, — то, что заставит меня читать, читать, не переводя дыхания до самого финала». Именно такое восхищение вызывали у публики рассказы Коллинза. Иногда это удавалось ему с необыкновенной легкостью. Один из рецензентов сборника назвал его «механиком», но если он и был таким, то механиком гениальным.

Выпуски «Женщины в белом» стартовали в ноябре 1859 года в том же номере *All the Year Round,* в котором завершилась диккенсовская «Повесть о двух городах». Два великих романа-сенсации пересеклись в одной точке. *АП the Year Round* был новым издательским предприятием Диккенса.

Ему нужно было нечто яркое, способное поразить широкую публику. И в лице Коллинза он нашел идеального партнера.

Захватывающее вступление «Женщины в белом» и интригующий сюжет обеспечили серии выпусков немедленный и массовый отклик. Очереди читателей, жаждущих продолжения, выстраивались перед офисами издания по утрам четверга, чтобы приобрести новый эпизод романа. Можно довольно определенно сказать, что сочинение Коллинза обеспечило колоссальный рост продаж. *Household Words* выходил в количестве тридцати шести — сорока тысяч экземпляров, *All the Year Round* не опускался ниже уровня в сто тысяч.

«Женщина в белом» захватывала воображение публики по мере того, как разворачивалось это увлекательное повествование. Какое таинственное прошлое скрывала Анна Катерик? Почему она всегда одевалась в белое? Каковы были ее отношения с единоутробными сестрами Мэриан Холкомб и Лорой Фэрли? Почему ее держали в доме для умалишенных и почему она так пугала сэра Персиваля Глайда? Мы знаем, что на все эти вопросы в свое время будут даны ответы, но все равно нас сжигает любопытство и предвкуше-

ние. Коллинз выстраивает сотни «связующих элементов», обеспечивающих убедительность и целостность иллюзии, при каждом прочтении читатель находит новые нюансы и взаимодействия.

Работая над романом неделю за неделей, Коллинз периодически страдал от приступов заболеваний, на этот раз его терзала боль в ушах. И все же он не ослаблял напряжения, выдерживал то, что сам называл еженедельной гонкой. Лишь раз или два он по необходимости отвлекался. Весной они с Кэролайн переехали в дом 12 по Харли-стрит. Параллельно с творческими муками он вынужден был разбираться с водопроводчиками, плотниками и решать множество проблем, связанных со сменой дома. Он нанял двух слуг и заказал запас писчей бумаги с напечатанным именем в верхней части листа. Кэролайн была теперь известна миру как «миссис Коллинз». В документах переписи населения ее дочь Кэрри, Гарриет Грейвз, теперь становится Гарриет Монтегю, домашней прислугой. Эта уловка должна успокоить владельца дома, дантиста, проживающего на том же участке.

Диккенс посещал, по его словам, «красивые и комфортабельные» комнаты на Харли-стрит, но

между делом заметил, что «в этом доме присутствует “женский” скелет в шкафу». Кэролайн ему не нравилась, в разговорах с другом он обходил эту тему молчанием. Он лишь надеялся, что Коллинз не собирается на ней жениться.

В середине июля 1860 года Чарльз Коллинз женился на Кейт, дочери Диккенса, на церемонии в Гэдсхилле среди гостей были Уилки Коллинз и его мать. Но праздник был невеселым. Диккенс считал, что дочь выходит замуж лишь для того, чтобы сбежать от отца, и с подозрением смотрел на зятя — слабовольного и медлительного; возможно, он подозревал, что тот импотент или гомосексуал. Торжественных речей не произносили, и вечером Диккенс рыдал, уткнувшись в свадебное платье дочери.

Всего за девять дней до свадьбы брата Уилки Коллинз завершил последний эпизод романа и две недели спустя устроил исключительно мужской праздничный ужин на Харли-стрит. Он писал в приглашении: «Никаких вечерних костюмов, все будет по-простому». Среди гостей были Август Эгг и Холман Хант. Диккенс не пришел, он сказал одному давнему другу, что Коллинз закончил «Женщину в белом» и «если бы он покончил и с той, что во плоти, я бы непременно одобрил

это». Не слишком лестная ремарка в адрес Кэролайн Грейвз.

Сначала Коллинз получил предложение об издании книги и предоставлении авторских прав издательству Сэмпсона Лоу, но затем, соблюдая приличия, решил сперва отослать рукопись Джорджу Смиту, конкурирующей фирме, поскольку Смит уже публиковал ранее «С наступлением тьмы»[23]. По каким-то причинам Смит не следил за выпусками «Женщины в белом» и не знал о фуроре, вызванном этим романом. Так что он предложил всего пятьсот фунтов. За ужином сидевшая рядом дама спросила издателя, «читал ли он этот замечательный роман». Она добавила, что «все по нему сходят с ума. Мы с утра до вечера говорим про “Женщину в белом”!». Утром Смит поспешил в офис и узнал, что письмо Коллинзу с откровенно незначительным финансовым предложением уже отправили. В итоге роман оказался у Сэмпсона Лоу. Позднее Смит признавался, что если бы предложил сумму в десять раз большую, то не прогадал бы.

Первое издание было распродано в день появления на прилавках, следом, в течение двух месяцев, выпустили еще пять переизданий.

---

[23] Примечания: 23

Теккерей засиделся над книгой за полночь, не останавливаясь, пока не дочитал до конца, Гладстон отменил визит в театр, поскольку не смог оторваться от чтения. Это была настоящая сенсация. Продавались плащи и шляпки в стиле «женщины в белом», духи «Женщина в белом», в моду вошли кадриль и вальс с тем же названием. Из печати выходили чередой истории о женщинах в черном, сером, зеленом, синем и прочих цветах.

Возникает впечатление, что рецензии не отражали грандиозную популярность романа. *The Times* отмечала крупный изъян в построении сюжета — возможность такой ошибки всегда ужасала Коллинза; а другой критик характеризовал автора как «весьма изобретательного в построении сюжета, только изобретательное построение нельзя назвать высоким искусством, как и изготовление кабинетных шкафов». Обзор в *The Times* хотя бы написан с юмором. В оригинальном предисловии Коллинз просил рецензентов не рассказывать, чем заканчивается история. «Не выпускать кота из мешка». Критик *The Times* был поражен: «Кот в мешке! Да в этом романе сотня котов в сотне мешков, и все они вопят и мяукают, требуя, чтобы их выпустили. В каж-

дой новой главе найдется новый кот». Коллинз противопоставлял отзывы критиков энтузиазму читающей публики и приходил к выводу, что права публика. По правде говоря, он не понимал причин популярности романа и не видел в нем особых «формальных» достоинств.

На самом деле это самый продуманный и блестящий роман Коллинза, в котором череда тайн и загадок раскрывается медленно и неуклонно. Череде заговоров соответствуют и герои романа. Один противостоит другому. Словно все эти персонажи ведут друг с другом шахматные партии в некоем большом турнире интриг. Граф Фоско — замечательный злодей, Мэриан Холкомб — превосходная героиня. Она представляет типичный для книг Коллинза характер одухотворенной и умной женщины с независимым складом ума. Она обладает и весьма необычной внешностью: «Цвет лица у дамы был очень смуглый, а на верхней губе темнели усики».

«Женщина в белом» показывает читателю два сложных типа личности: самостоятельно мыслящую и несколько «мужеподобную» женщину — и вялого, «женоподобного» мужчину. Некоторые мужские персонажи, например, склонны к нервному расстройству, а граф Фоско

описан как «нервно чувствительный» и «толстая маскарадная фигура наподобие св. Цецилии, только в мужском обличии». Мужчины зачастую меланхоличны и пассивны, в то время как женщины брызжут энергией и независимостью; только женщины способны на моральную непоколебимость и вообще на проявление пыла и убежденности. В последующих его произведениях главными злодеями всегда были женщины. Таким образом Коллинз бросал вызов гендерным представлениям своего времени. В его романах непременно находится место сексуальной неопределенности. Персонаж «Лунного камня» говорит: «Физиологи утверждают, и совершенно правомерно, что некоторые мужчины рождаются с женским складом, и я один из них!»

В сочинениях Коллинза мужчины тиранят женщин и превращают их в жертв, но почти все женщины дают отпор. Вот почему в истории похищенной идентичности и несправедливого заточения Коллинз смог в яркой и запоминающейся форме показать тяжелую долю викторианских женщин; у них не было имущественных прав, их можно было лишить собственной личности, в том числе и в статусе жены, их можно было держать, по сути, взаперти в замкнутом, домаш-

нем мире. Во многом именно поэтому «Женщина в белом» вызвала такой большой интерес и волнение. Повествование напоминает судебный процесс, в ходе которого различные свидетели рассказывают только то, что знают сами, не имея ни малейшего представления о целостной общей картине и о том, какую роль в ней играют именно их показания. Коллинз говорил, что его вдохновило посещение настоящего суда, но достоинства его метода ясны и без этого. Он создает напряжение, заставляет предполагать и угадывать то, о чем по-настоящему знает лишь сам автор. Но это еще и способ подчеркнуть иллюзорность правды. Что нам видится и что происходит на самом деле? Что таится под поверхностью? Повествование наполнено смутным ощущением мрака, нарастающей беды. «Как мало я знал тогда о поворотах и изгибах лабиринта, который обманывал меня и вел ложной дорогой!» Это роман совпадений и двойной идентичности, фатальности и саспенса. Это скорее роман событий, а не персонажей, сюжета, а не характеров. Один из рассказчиков в романе упоминает «груз долгого прошлого» и «цепь» событий. Эта цепь связывает их всех воедино, удерживает их в плену. «Я чувствовал неуклонное приближение будущего, оно холо-

дило, внушало невыразимый трепет, заставляя подозревать скрытый замысел в этой длинной цепи несчастий, смыкающейся вокруг нас». Это роман особого рода, онтребовал специфического мастерства и уникального воображения.

Это была первая книга Коллинза, получившая определение «роман-сенсация», и его стали характеризовать как «романиста, который изобрел сенсацию». Это можно понимать буквально. Роман-сенсация рассчитан на то, чтобы «наэлектризовать нервы». Опыт постоянного саспенса может оказывать вредное воздействие на нервную систему, многие персонажи романа словно постоянно пребывают в истерическом состоянии, и эта лихорадочность может передаваться читателю. Тот факт, что «Женщина в белом» была первоначально опубликована в виде серии выпусков, усиливал шокирующее и возбуждающее действие романа, поскольку читателю приходилось ждать следующего номера журнала, оставаясь в напряжении и предвкушении. Но все эти тревоги отражали гораздо более глубокие страхи. Коллинз писал о тайнах, «лежащих под поверхностью», за три десятилетия до того, как Фрейд ввел в употребление понятие подсознания. Его беспокоили двойники и подмененная иден-

тичность, фальшивые и множественные личины, мономания и наваждение. Он нащупывал пути к бессознательным ассоциациям и вытесненным воспоминаниям.

Неоднократно отмечался резкий рост безумия и «умственных расстройств» в середине XIX века. Один из врачей связывал это с влиянием «фальшивой и пустой цивилизации», в то время как обозреватель *Edinburg Review* размышлял о результатах тревожности и конкуренции в общественной и коммерческой жизни. Он приходил к выводу, что сумасшествие происходит от «исключительного напряжения во всех слоях общества… которые погружены в непрестанную борьбу за место в жизни и даже за само выживание». Таким образом, роман-сенсация исследовал мир стремительных и тревожащих перемен. Нападки Коллинза на викторианскую ортодоксию были частью его обеспокоенности более крупными недугами общества.

Рецензия в *Quarterly Review* описывала роман-сенсацию 1860-х годов как «мрачный феномен литературы — показатель широко распространившегося повреждения умов… вызванный к жизни требованиями нездорового ажиотажа». Это был аппетит на мрачное и жестокое.

Романы черпали сюжеты из полицейских расследований и судебных процессов, в том числе из новых судов по бракоразводным делам, они использовали семейные тайны, соблазнение, двоеженство и двоемужество, убийства. Самого Коллинза волновала тема суицида и смерти от отравления. Романы-сенсации находили злодейства и мелодраму и в нищих пригородах, и в респектабельных городских кварталах. Они эксплуатировали темные стороны жизни викторианского мира, и, следовательно, моралисты осуждали их как дегенеративные сочинения. Согласно *Punch*, они были посвящены тому, чтобы «терзать разум, заставлять плоть содрогаться от ужаса, а волосы вставать дыбом, потрясать нервную систему, разрушать традиционную мораль, в целом они показывают неготовность публики к спокойной прозе жизни». Это вполне адекватное описание романа «Женщина в белом».

Вот уже добрых сто пятьдесят лет «Женщина в белом» остается самым популярным сочинением Коллинза, и, в конце концов, он сам знал, что это было его величайшее творение. На его надгробии на кладбище Кенсал-Грин сказано: «Автор “Женщины в белом” и других сочинений».

11. Подогретый разбавленный бренди

Завершая «Женщину в белом», он строил планы сбежать от рабочего стола. Первым делом он отправился в Гэдсхилл-плейс к Диккенсам, затем поездом к друзьям в Йоркшир. Ранней осенью 1860 года он вышел с Эдуардом Пиготтом в Бристольский канал, где два дня лил дождь и все остальное время дул свирепый ветер. Однако он любил высокие волны и утверждал, что плавание было определенно успешным.

В октябре он поехал в Париж с Кэролайн, настояв на том, чтобы «всю дорогу путешествовать первым классом, со своей гостиной в лучшем отеле, который смог там найти, и со всей возможной роскошью, которую позволяла столица цивилизованного мира». У него были средства на излишества, успех последнего романа обеспечил ему солидный достаток. С этого времени Коллинз всегда путешествовал первым классом. Он получал изрядный доход и летом того же года открыл собственный банковский счет в «Коуттс» — прежде он пользовался счетом матери, куда

поступали его деньги и с которого он оплачивал свои расходы. Конечно, он чувствовал себя вполне финансово уверенно, а потому оплатил обучение Кэрри Грейвз в частной школе, для начала ее отправили в пансион в Суррее. Он возобновил на два года договор с *All the Year Round,* что прибавило стабильности его доходам в ближайшем будущем.

Они с Кэролайн остановились в отеле «Мёрис», посещали рестораны и театры французской столицы. Вероятно, для нее это было первое заграничное путешествие, но, конечно, ее впечатления от поездки нигде не зафиксированы.

По возвращении он с крайним неудовольствием обнаружил, что в театре «Суррей» на Блэкфрайерс-роуд в районе Ламбет поставлена неавторизованная инсценировка «Женщины в белом». Однако пиратская версия недолго продержалась на подмостках, удалось добиться ее запрета. Проблема нарушения авторских прав часто становилась бичом для Коллинза, поскольку в те времена любой роман мог быть инсценирован без согласия автора, его права в театре были защищены, только если заранее заключить договор о собственной драматической версии или самому устроить любительское представление.

Пиратские постановки сами по себе свидетельствуют об огромной популярности инсценировок романов.

На следующий год Диккенс и Коллинз обнаружили, что одно из их общих творений, «Послание с моря», собираются выпустить на сцене «Салуна Британия» в Хокстоне. Авторы посетили премьерный спектакль и заявили протест директору; судя по всему, он признал их правоту, так как снял спектакль, но затем возобновил его. И Диккенс с Коллинзом ничего не могли с этим поделать.

Зимой 1860 года два романиста поехали в Девон, чтобы напитаться впечатлениями для совместной работы над «Посланием с моря». Они остановились в отеле в Байдфорде, где поужинали порченой рыбой. «Никаких приключений, — писал Диккенс. — С Уилки ничего не случилось». В качестве места действия они отдали предпочтение симпатичной, но расположенной на очень высоком обрыве деревеньке Кловли. Коллинз был необычайно замкнут и много времени проводил, просто уставившись в окно. В итоге они написали не слишком запоминающуюся историю послания в бутылке, которое произвело замешательство в рыбацкой деревне в Девоншире.

К своим тридцати шести годам Коллинз пре-

вратился в своего рода литературного и светского льва, для которого были открыты почти все артистические круги Лондона. Иногда по субботам он посещал музыкальные приемы Джордж Элиот и Дж. Г. Льюиса. Он любил Моцарта, но, кажется, не одобрял Бетховена, чью «Крейцерову сонату» описал как «музыкальное выражение разнородных и жестоких желудочных болей с перерывами на икоту». Ненавидел Шумана.

Он был коротко знаком с Ниной и Фредериком Леманн, общительной артистичной парой, приглашавшей его в свой дом на Уэстбурн-террас; они оба были превосходными музыкантами, муж играл на скрипке, жена на фортепьяно. Леманны дали праздничный ужин по случаю завершения «Женщины в белом», но Коллинз предпочитал компанию Нины Леманн, которую звал Падрона[24], обществу ее мужа.

Теперь он был достаточно видной фигурой, чтобы выступать в роли официального оратора на публичных мероприятиях. Весной 1861 года он председательствовал на ужине в Благотворительном фонде торговцев новостями, в последний момент заменив Диккенса. Публичные выступления давались ему легко и производили приятное

---

[24] Примечания: 24

впечатление, так что он намерен был использовать «это новообретенное умение». Здесь берут начало его позднейшие публичные чтения своих романов.

Но даже в повседневной суете он ни на мгновение не забывал о своем главном призвании. К весне он уже погрузился в подготовку следующего романа — сам он называл этот процесс «возведением строительных лесов для новой книги». Он знал, что будет трудно повторить успех «Женщины в белом», но надеялся привлечь внимание читателей историей совершенно другого рода.

Занимаясь предварительной работой, он получил неожиданное и привлекательное предложение. Джордж Смит, отпрыск Смита-старшего, уже просчитался, занизив цену на «Женщину в белом», и теперь был решительно настроен заполучить выдающегося молодого романиста. Он уже опоздал со следующим романом, приобретенным Сэмпсоном Лоу, но предложил пять тысяч фунтов за книгу, которая будет написана после этого. Она должна была появиться в *Cornhill,* основателем которого был Джордж Смит, а не в *All the Year Round,* прежде чем выйдет в виде отдельного тома. Это превышало любую ранее

полученную Коллинзом сумму, и, естественно, он был обрадован.

Только Чарлз Диккенс мог запрашивать такие деньги за романы. Теперь будущее представлялось Коллинзу обеспеченным, он почувствовал себя «на вершине дерева», еще не достигнув сорока лет. Даже Диккенс жизнерадостно отнесся к публикации Коллинза в журнале конкурента; в конце концов, это было взвешенное и рациональное решение приятеля и коллеги.

Но здоровье Коллинза заметно ухудшалось. Мучила печень. Он пробовал принимать пилюли, менял диету, но потом решил, что лучше сменить атмосферу. Он посетил побережье Саффолка ранней весной в компании Кэролайн Грейвз, затем вернулся в Бродстэрс, где поселился в отеле «Альбион», откуда открывались виды на гавань и залив Викинг; Кэрри приехала из школы и была с ними. Он наблюдал знакомые сцены приморскойжизни: женщины средних лет по-прежнему носили комично молодежные соломенные шляпки, мужчины по-прежнему смотрели в телескопы, не имея особой цели для обзора. Дети по-прежнему копались в песке, а молодые женщины читали дешевые романы, а над всем этим и над морем носились с криками

чайки.

Ввиду будущей книги он принял решение вместе с дамами отправиться на север, в Уитби, где снял комнаты в отеле «Ройял». Железнодорожное путешествие через болота вызвало у Коллинза «изумление и восторг». Отель был расположен на высоком западном утесе с прекрасными видами на пески и старую гавань; в гостиной были три эркера, из которых можно было наблюдать за лодочниками и рыбаками. Два боковых окна выходили на город и руины аббатства. Здесь чувствовались величие и мощь, которых не хватало ему в Бродстэрсе.

Однако они обнаружили в Уитби и недостатки. Отель был удобным, но шумным. У одной из остановившихся там семей было четырнадцать детей, и какофония раздражала нервы Коллинза, а он и до того был утомлен и напряжен. По четыре часа в день играл духовой оркестр. Коллинз пришел к выводу, что никогда больше не следует пытаться работать в отеле. Итак, компания двинулась дальше, по дороге писатель все время подмечал пейзажи, способные послужить местами действия нового романа. Они прибыли в Йорк, затем в Хантингтон, Кембридж и Ипсвич, прежде чем добрались до Олдебурга.

Здесь он обратил внимание, как море вторгается в земные границы, проглатывая территории, где ранее были улицы и рынки старого города. Сам порт пал жертвой волн, и местные жители вынуждены были отступать на узкую полосу земли между болотами и морем. Они создали там то, что в романе он назвал «причудливый маленький водораздел», обрамленный чередой вилл, выходящих на дамбу, отделявшую их от моря. За ними протянулась единственная улица города «с грузными силуэтами» коттеджей, булыжными лодочными сараями и мелочными лавками». Таким был Олдебург середины XIX века.

Они вернулись на Харли-стрит к сентябрю, и Коллинз смог наконец плотно взяться за работу над рукописью. Хотя планировалось ее издание в *All the Year Round,* он решил, что теперь зарабатывает достаточно денег, чтобы покинуть штат журнала. Диккенс принял это спокойно, понимая, что его протеже теперь заматерел и способен сам себя содержать. Следующие шесть лет они не сотрудничали.

Все же весной 1862 года новый роман начали печатать выпусками в *All the Year Round.* Название и на этот раз появилось в последний момент. У Диккенса было несколько предложений, но

ни одно из них не подходило; наконец, Коллинз определился: «Без имени»[25]. Начальные части автор уже показал Диккенсу, которому очень понравилась общая интонация, он читал с интересом и восхищением. Одна сцена вызвала сомнение, и лишь один персонаж показался ему «слишком деловитым и похожим на клерка». Примерно такое возражение возникало у него и при чтении «Женщины в белом»; он считал, что рассказчики в том и в другом романе «имели общее свойство — выпадать из общего тона». Но это был один из принципов Коллинза, и он никак не мог принять совет отказаться от него.

Роман начинается с мирной картины — портрета семьи Ванстоун: мать, отец и две дочери являют собой воплощение респектабельности. Но атмосфера вскоре мрачнеет — отец погибает в железнодорожной катастрофе, одном из ужасов новой эпохи. Известие о гибели мужа убивает миссис Ванстоун, которая преждевременно производит на свет сына, также умирающего. Сюжет стремительно набирает обороты. Выясняется, что Ванстоуны официально не были женаты, и две сестры, соответственно, являются незаконнорожденными. У них нет теперь ни имени, ни

[25] Примечания: 25

права на наследство. Они никто. Все имущество отходит к брату мистера Ванстоуна, с которым тот давно порвал отношения.

Реакция сестер различна. Нора Ванстоун выбирает участь гувернантки. Магдален Ванстоун, демонстрирующая драматические таланты, отправляется в Йорк, чтобы стать актрисой. А еще она решает отомстить. Она желает вернуть свое наследство любыми средствами, честными или нет. Она выйдет замуж за молодого кузена, сына отцовского брата. Готова завязка для драмы, в которой будет и фальшивое имя, и обман, и самоубийство.

В Бродстэрсе Коллинз решил арендовать на лето и осень Форт-хаус, чтобы работать без помех. В этом доме Диккенс останавливался летом 1850 и 1851 годов; возможно, Коллинз посещал его там во второй из этих периодов и ему там понравилось. Несомненно, он использовал в качестве кабинета ту же комнату, что и его предшественник, — ее большие окна выходили на море. Дом был для него и Кэролайн Грейвз слишком велик, но, в конце концов, Уилки теперь был солидным литератором. Товарным поездом в дом отправили десять сундуков с самым необходимым, в том числе с холодильником. Старым друзьям,

таким как Чарльз Уорд и Август Эгг, выделили особые спальни, Коллинз вновь отправился на морскую прогулку с Эдвардом Пиготтом. Однако не все шло так гладко, как кажется. Он ругался с двумя слугами, оба покинули дом — не то были уволены, не то сами захотели уйти.

Вероятно, важно отметить, что среди гостей был и врач Фрэнк Берд. К сентябрю большой палец на ноге Коллинза стал багровым и распух до размеров детского кулачка. Писатель чувствовал себя прескверно. «Кажется, он сам не замечает этого, — писал Диккенс своему партнеру по журналу У. Х. Уиллзу, — но стал очень нервным». Писать приходилось с усилием, издатели требовали завершить роман к октябрю или ноябрю, чтобы выпустить его в декабре, но он сомневался, что успеет раньше конца года, а то и конца января. Он направил серию писем друзьям в Лондоне с запросами, необходимыми для построения всех поворотов сюжета. Как долго в 1847 году могло идти письмо из Лондона в Цюрих? Сколько времени длилось морское путешествие из Лондона в Гонконг? Расскажите о пейзаже в Дамфри. Там плоская местность или холмистая? Не то чтобы он не доверял собственному воображению. Но он уже знал, что читатели будут слать ему пись-

ма, указывая, как обстоят дела, и исправляя его ошибки. Кроме того, точность в деталях помогала оправдывать его порой невероятные сюжетные ходы.

В начале октября Коллинз написал Берду с просьбой приехать в Бродстэрс. Писатель страдал от ужасной слабости, тошноты и лихорадки. Он маялся бессонницей, и его травмировал малейший шум. Возможно, причиной этих симптомов была слишком усердная работа. Он вернулся в Лондон скорее, чем планировал, опасаясь резкого ухудшения болезни и неспособности завершить книгу. Некоторое время он провел в постели, и характерное для него общее нездоровье дополнилось ревматизмом и расстройством печени. Берд рекомендовал хинин и калий, а также мощную микстуру на основе опиума и спирта, известную как лауданум. Трудно сказать, насколько серьезно он был болен, но в любом случае Коллинз жил в городе с нездоровой атмосферой — туманами, дождем, сыростью, это был промозглый и грязный город, где господствовали кашель и простуда и никто не чувствовал себя по-настоящему хорошо.

Диккенс узнал о болезни Коллинза от Фрэнка Берда, который был и его доктором, и пообещал

помочь другу; ему тоже был знаком страх оказаться неспособным успешно укладываться с работой в назначенное время, и он заверил Коллинза, что при необходимости примет участие в написании книги: «В крайнем случае я смогу сделать это так, что никто не заметит разницы между нашим стилем». Предложение было сделано с наилучшими намерениями, но, вероятно, звучало несколько оскорбительно, словно в манере письма Коллинза не было ничего уникального, такого, что нельзя имитировать и поставить на поток.

В начале ноября Коллинз сообщил матери, которая проживала вне Лондона, в Танбридж-Уэллсе, что чувствует «простуду в голове, простуду в горле, простуду в груди». Единственным средством согреться оставался разбавленный водой подогретый бренди. Однако профессионализма хватало, чтобы одолевать невзгоды и ни разу не провалить дедлайн. Он писал даже в постели, иногда диктовал строки романа доктору Берду. Он был совсем слаб в середине месяца, когда наконец закончил «Без права на наследство» в канун Рождества, в два часа ночи. С огромными усилиями, но он прорвался.

Панические атаки и общая слабость отчасти могли быть следствием прописанного ему Бердом

лауданума. Это средство снимало или ослабляло сильную боль, вызванную ревматизмом и подагрой. Его в те времена считали вполне обычным препаратом, входившим в состав патентованных «Капель Бейтли» и «Успокоительного сиропа матушки Бейли», во многих лавках такие средства можно было приобрести за три пенса. Как джин в XVIII веке, лауданум помогал справляться с убожеством жизни. Однако он создавал зависимость, и лишь немногие могли избавиться от приверженности к этому веществу. Берд прописал Коллинзу лауданум в 1861 или 1862 году, и после того писатель так никогда и не расстался с препаратом. Он употреблял его во все больших объемах, пока не дошел до того, что, по рассказам очевидцев, мог проглотить одним махом целый стакан, способный убить дюжину человек, непривычных к медикаменту.

Тут можно упомянуть де Куинси и Кольриджа, также пристрастивших к лауданому, однако Коллинз не разделял экстравагантность их поведения и их демонстративную жалость к себе. Он никогда не относил себя к «расе обреченных», он просто считал себя инвалидом, нуждающимся в облегчении страданий. Он склонен был даже восхвалять лауданум. Один из его персонажей

спрашивает: «Кто изобрел лауданум? Благодарю его от всего сердца, кем бы он ни был. Если бы все несчастные бедолаги, мучающиеся болью тела или разума, которым он даровал утешение, смогли собраться воедино, чтобы воспеть ему хвалу, какой бы получился хор!» Это чувства самого Коллинза. Он также полагал, что лауданум стимулирует и одновременно успокаивает. Очищает мозг и помогает сосредоточиться.

Но в итоге средство производило дегенеративный эффект и становилось источником серьезной зависимости, а не восстановления сил. Во время путешествия в Швейцарию он обнаружил, что аптекари этой страны предоставляют лишь ограниченное количество препарата, его спутник вынужден был посетить четыре разных заведения, чтобы купить необходимый Коллинзу объем. В последующие годы у него в результате наркотической зависимости начались нервные галлюцинации. Он видел другого Уилки Коллинза, сидящего за письменным столом и пытающегося завладеть его рукописью. Тогда «настоящий» Коллинз приходил в себя. По ночам он спускался по лестнице и видел сонм духов, которые старались столкнуть его вниз. Иногда ему являлась женщина с зелеными бивнями, а

иногда чудовище с «огненными глазами и огромными зелеными клыками».

Один из персонажей «Лунного камня», Эзра Дженнингс, сокрушается, что «даже добродетели опиума имеют пределы. Развитие заболевания постепенно вынуждает меня злоупотреблять опиумом, в итоге я чувствую, что меня постигает кара. Моя нервная система истрепана, мои ночи наполнены кошмарами». Возможно, это не совсем точное описание нервного состояния Коллинза, но оно отражает его опасения; слабость, подверженность препарату ужасали Коллинза. Это было не только физическим, но и моральным падением. Его воля и способность к суждениям подвергались опасному воздействию. Он понимал, что это вред для здоровья и унижение личности.

Первое издание «Без права на наследство» вышло тиражом четыре тысячи экземпляров, к вечеру первого дня продаж осталось лишь четыреста. *Morning Advertiser* сообщает: «Литературные слухи доносят до нас совершенно невероятную сумму, полученную сообразительным автором за эту работу». Успех породил пародию — Брет Гарт написал «Без права на титул» («Без титула»). Однако отзывы рецензентов были не столько

безусловны. В *Reader* писали, что «у нас романы превращаются в череду превратностей законной любви и навязчивых пристрастий, в то время как во Франции они основываются на любви и страсти, не всегда соответствующих правилам приличия». Коллинза относили к осуждаемой французской школе.

В конце концов, Коллинз поднимал вопрос о судьбе и правах незаконнорожденных, а его героиня выдавала себя за другого человека и использовала обман. Как могла она оказаться в центре викторианского романа? И все же она была настоящей героиней Коллинза. По его собственным словам, она была «решительной и импульсивной, умной и авторитарной, она не из тех образцовых женщин, которые хотят, чтобы мужчина присматривал за ними и защищал, ее идеал (хотя она, возможно, не думает об этом) — тот, кого можно назвать подкаблучником». Женщина изобретательная и целеустремленная совершенно не походила на викторианский стереотип «домашнего ангела».

Коллинз применил все средства своего таланта, чтобы изобразить Магдален Ванстоун хищной, мстительной и энергичной, она безжалостна в построении планов брака с врагом, в какой-то

момент обдумывает самоубийство, глядя на море в Олдебурге. Если пройдет четное число кораблей, она будет жить, если нет, умрет. Это одна из самых ярких сцен в романе, который по праву можно назвать интригующим и полным событий.

Образ Магдален и некоторых других героинь Коллинза наводил некоторых критиков на мысль, что писатель был феминистом, опередившим свое время. История молодой женщины, сражающейся и терпящей поражение в мире викторианских правил, должна была находить отклик у тех женщин (и мужчин), которые изнемогали под грузом условностей. Тот факт, что Магдален возрождается благодаря любви хорошего человека, не отменяет страсти и вероломства, с которыми она становится хозяйкой собственной судьбы. «Не имеет значения, — ответила она тихо из сумрака. — Я достаточно сильна, чтобы страдать и жить. Другие девушки на моем месте были бы счастливее, они бы страдали и умерли. Не имеет значения, то же будет и через столетие…»

Женщины часто теряются в мужском мире. Мэриан Холкомб в «Женщине в белом» взрывается протестом: «Мужчины! Они враги нашей невинности и нашего покоя… они берут наше тело и

душу себе и заявляют права на наши беспомощные жизни, словно приковывая нас, как собак к конуре. И что дают нам взамен даже лучшие из них?»

Он был твердо намерен исследовать женский разум — методом чуждым для других викторианских романистов; он создавал героинь, непохожих на тех, кого изображали мужчины-современники. Вероятно, только Джордж Элиот превосходила его в этом. Как мы видим по его собственным отношениям с Кэролайн Грейвз, его привлекала женщина со сложным и не исключено что небезупречным прошлым. Он наслаждался обществом независимых и самостоятельно мыслящих женщин, подобных его матери.

Однако его трудно считать феминистом в сегодняшнем смысле слова. Он не любил писательниц, авторов романов-сенсаций — без сомнения, потому, что они бросали ему вызов; его пугали женщины-врачи — широко распространенный предрассудок того времени. Он скорее предпочитал выступать в защиту отверженных обществом женщин, чем превозносить тех, кто действительно добился независимости. Он предпочитал преступниц профессионалкам. Но все же не стоит преуменьшать его роль в создании

женского образа в английском романе. В этом плане он был настоящим первооткрывателем.

Итак, к концу 1862 года перед ним лежал весь мир. «Женщина в белом» обеспечила ему сенсационный успех, а роман «Без права на наследство» этот успех закрепил. За следующую книгу ему предлагали пять тысяч фунтов. В тот момент он был ярчайшей фигурой среди всех английских писателей. Однако после публикации «Без права на наследство» неприятности Уилки Коллинза только начинались.

12. Цепь

Хвори предыдущего года никуда не делись и в новом. В первые месяцы 1863 года Коллинзу было так плохо, что он едва мог встать с постели, а боль исключала всякую возможность работать. Началось с того, что сам он считал подагрой в правой ноге, лишавшей его способности нормально ходить; он с трудом ковылял вниз по лестнице. Он пытался успокоить мать, уверяя ее, что боль снимают припарки из капустных листьев, «прикрытых промасленным шелком», но это не соответствовало действительности. Если это и была подагра, то она вскоре перешла и на левую ногу.

Ситуация не улучшилась, когда в то же время разболелась Кэролайн Грейвз. Она страдала каким-то нервным расстройством, одной из загадочных хвороб XIX века, которую сегодня довольно трудно адекватно диагностировать. Доктор Коллинза, Фрэнк Берд, тоже оказался прикован к постели, его поразило рожистое воспаление — остро протекающее кожное заболевание, выражающееся в язвах и лихорадке. Неудивительно,

что романы Коллинза полны больных и страдающих персонажей. В сложившемся положении Коллинз вынужден был обратиться к Джону Эллиотсону, которого описал в «Лунном камне» как «одного из величайших английских физиологов». Эллиотсон был другом Диккенса и увлекался практикой месмеризма при лечении физических и умственных расстройств.

Однако его теоретическая подготовка для Коллинза не имела практической пользы. Эллиотсон не одобрил лечение опиумом, назначенное Бердом, и, к большому неудовольствию пациента, попытался отменить препарат. Он намеревался провести месмерические сеансы, чтобы научить Коллинза засыпать без опиума, один раз ему это удалось, но в последующие вечера у Коллинза наступало нервное раздражение и подергивания, которые он сам называл «вьюнами». Попытки месмеризма в случае с болезнью Кэролайн имели еще более неприятные последствия — у нее случился нервный приступ, а потом всю ночь было усиленное сердцебиение. Коллинз сообщает: Эллиотсон «все *перепробовал и не может* сделать ничего для меня». Во время очередного визита Эллиотсона на Харли-стрит Коллинз сказал ему: «Я так слаб, во мне не осталось энергии для пи-

сательства — дайте мне тоник. Я должен обрести силы». Эллиотсон предложил настойку горькой полыни… В общем, Коллинз с нетерпением ждал выздоровления Берда.

Он был совершенно не способен работать над новым романом, уже приобретенным у него Смитом, так что вынужден был написать издателю с просьбой отложить сроки публикации. Естественно, тот согласился, предложив выпустить первый эпизод в начале декабря. Коллинз отказался и от всей другой работы. Ему предлагали редактировать новый журнал *Good Words,* но он ответил отрицательно. К началу марта ему стало полегче, он смог выезжать в экипаже, правда, только укладывая ноги на переднее сиденье.

Весной он решил, что ему необходимо водолечение на Континенте. Он уже посещал «Электрохимические ванны доктора Кэплина» на Плимут-сквер. В «Британском медицинском журнале» Кэплин рекламировал свои ванны как «вытяжку ртути и других металлов и примесей», Коллинз утверждал, что воды творят с ним настоящие чудеса.

В середине апреля они с Кэролайн отправились в курортный город Экс-ля-Шапель, где надеялись оздоравливаться медицинскими водами из

горячих источников; смесь соды, хлорида и гидрокарбоната кальция должна была эффективно способствовать исцелению от ревматических недугов. Он знал хороший отель в этом городе, а также опытного доктора, который составил для него график и определил продолжительность процедур. Вода была горячей, до девяносто восьми градусов, и пахла серой, Коллинза поливали ею из шланга, а затем заворачивали в горячую льняную тогу. Он также должен был перед утренним приемом пищи выпивать большой стакан воды из источника; она была на вкус «как наихудшее лондонское яйцо, которое только доставалось кому-либо на завтрак». Но после нескольких дней лечения он заметил улучшение и почувствовал себя намного сильнее. После водных процедур он обычно отправлялся на короткую прогулку по окрестным холмам, выбирая сухие тропы. В письме к матери он добавляет, что в отеле у него непрестанно просили автографы, причем среди поклонников были читатели не только из Англии, но из Франции, Германии и США. Он стал по-настоящему публичной персоной.

В следующем месяце они с Кэролайн поехали на источники в Бад-Вильдбад в Шварцвальде, остановились в «Отеле дель Урс», заполненном

инвалидами, ковылявшими повсюду на костылях или с палками. Тамошние воды были с примесью угольной кислоты и сильно отличались от тех, которыми лечили в Эксе. Вода здесь была прозрачной и без запаха, Коллинз наслаждался теплом источников и пузырями, поднимавшимися вокруг его тела. Ему сказали, что достаточно будет двадцати четырех сеансов, хотя он считал, что подагра непременно вернется, предприняв финальную атаку, прежде чем окончательно отступить. В этом он ошибался. Однако в Бад-Вильдбаде было еще одно преимущество. Город подарил ему место действия для следующего романа. Даже если он еще не был готов снова писать, по крайней мере, он начинал планировать сюжет.

По возвращении в Англию он обнаружил, что стало намного проще ходить, он даже смог предпринять прогулку от Харли-стрит до Серпентайна в Гайд-парке. Но Коллинз решил, что немного морского воздуха не помешает. В июле они с Пиготтом наняли яхту в Коузе с намерением пройти вдоль английского побережья до острова Мэн — там тоже должно было разворачиваться действие нового романа. Однако сырой воздух лишь спровоцировал у Коллинза ревматизм, друзья сошли

на берег в Торки после десяти дней путешествия. Но писатель был твердо намерен увидеть остров Мэн, и в конце августа он поехал с Кэролайн и Кэрри Грейвз поездом до Ливерпуля, а потом пароходом до острова. Переправа прошла спокойно, но на острове Мэн было ужасно холодно. Они сняли апартаменты в сыром отеле в Дугласе, и ревматизм Коллинза разыгрался не на шутку, причиняя тяжкие страдания, пришлось ограничиться знакомством с самыми необходимыми для работы видами и спешно уехать. В результате долгих поисков, пеших и конных прогулок он сумел найти подходящее место действия у залива Саунд, между заливом Мэн и юго-западной оконечностью острова; там было «дико и пугающе, именно так, как я хотел», отметил Коллинз. «Ни вдали, ни вблизи не слышно никаких звуков, кроме безрадостного рокота волн, разбивающихся о берег впереди, разрывающих ужасную тишину, в которой земля и океан ждут грядущего дня». Затем он вернулся в отель, день-два отдохнул и вернулся в Лондон.

Горячие источники и морской воздух мало способствовали избавлению от болей, и Коллинз решил отправиться на юг, в более теплый климат. Он с ужасом ожидал наступления сырой

английской зимы. Немного задержавшись в Лондоне, «чтобы собраться с силами», он составил план: вместе с Кэролайн и Кэрри они двинутся в солнечную Италию. Из Марселя на паруснике доберутся до порта Чивитавеккья на Тирренском море, а оттуда поездом до Рима, из Рима вся маленькая компания переедет в Неаполь.

Однако перед отъездом в Италию он позаботился о том, чтобы его имя было на слуху у публики, издав два тома под заглавием «Моя смесь». Это был сборник статей из *Household Words* и *All the Year Round* - от описания жизни в Лондоне и Париже до эссе «Неизвестная публика».

Итак, его ждала Италия. Семейство Коллинза, если можно его так назвать, неделю отдыхало в Париже, прежде чем отправиться в Марсель. Предполагалось, что они морем переедут в Геную, но помешала погода, так что они проехали дальше на «веттура», четырехколесном экипаже. Маршрут лежал вдоль побережья из Ниццы до Сан-Ремо, а потом к Генуе. Коллинз быстро ощутил приятное тепло и радовался безоблачному небу, пальмам и лимонным рощам. Теперь он мог твердым шагом гулять по холмам и чувствовал себя несравненно лучше. Из Генуи сели на пароход до Ливорно, порта в десяти милях от Пизы.

Прибыв в Пизу, они оказались во власти сирокко, мучительного для Коллинза, «боли от радикулита буквально выкручивали мне разом оба *окорока»,* писал он. Ночное морское путешествие до Чивитавеккьи для Кэролайн и Кэрри оказалось тоже тяжелым испытанием, обе всю дорогу страдали от морской болезни. Зато поезд всего за два часа доставил их в Рим, где они сняли хорошие апартаменты из пяти комнат на втором этаже. Впрочем, и тут погода была не на их стороне, Коллинза это заботило, поскольку от погоды зависело его здоровье и общее благополучие. Их встретили дождь, гроза и холодный северо-восточный ветер. Он стал буквально одержим своим самочувствием, сторонился общественных мест, считая их слишком сырыми, закрывал повсюду окна, чтобы избежать сквозняков, а затем открывал их, чтобы впустить в комнаты свежий воздух. Он не захотел надолго задерживаться в негостеприимной столице и поспешил в Неаполь, где рассчитывал найти в это время года более благоприятный климат.

Они оказались там в середине ноября. И снова их ждал дождь, настоящий тропический ливень, из-за которого не видны были ни море, ни Везувий. Коллинза пугали гроза и молнии, оглушал

гром, они едва успели избежать урагана. Когда дождь закончился, на смену ему пришел жаркий и удушливый ветер — сирокко. Совсем не идеальные условия для инвалида, страдающего от ревматизма. Он посетил заметно поредевшее местное английское общество, с которым встречался в прошлом, отметил, что Неаполь с тех пор мало изменился. Улицы были полны нищих мальчишек, уродливых попрошаек и бродяг, на каждом шагу стояли прилавки с фруктами и ледяной водой, жители Неаполя громко кричали и размахивали руками, город наполняли едкие застарелые запахи.

Теперь он решил, что местный климат слишком «расслабляющий», и даже тепло его нервировало, причиняло больше вреда, чем пользы. Аппетит ухудшился, сильно болела нога. Он чувствовал себя измученным и подавленным. Он решил переехать во Флоренцию через Рим, но когда наконец в начале декабря достиг столицы, передумал и остался там. Сухой прохладный воздух показался ему приятным. Он мог ходить часа по два кряду в этой атмосфере свежести, и северный ветер придавал ему сил. Здесь он задержался на три месяца.

В Италии воображение его разыгралось. Он пи-

тал большие надежды создать совершенно новый роман, непохожий на прежние, идеи хлынули волнами. Он записывал их, затем обдумывал в разных ракурсах, но основной сюжет уже ясно вырисовывался перед ним. Он знал, каким будет финал. В Риме 8 января 1864 года он встретил свое сорокалетие. Но как он сам сказал: «Я не *чувствую* себя старым». У него не было предрассудков респектабельного джентльмена или твердых привычек, он не спал после обеда и не избегал развлечений. Так, в Риме он постоянно посещал оперу. И все же в позднейшие годы его современники отмечали, что он выглядит старше своих лет.

Они вернулись в Лондон в марте, после четырех месяцев отсутствия. Только теперь Коллинз смог плотно сесть за новый роман. Сначала прогресс был медленным и неуверенным, за полтора года он отвык от литературной работы, и, как писал матери, «ничего замечательного в том, что приходится снова расчехлять руку». Но, по крайней мере, начало было положено. Весной и в начале лета он неплохо продвинулся, набирая силы и уверенность по мере писания. Ежемесячные выпуски *Cornhill* предлагали более спокойную альтернативу еженедельным дедлайнам *All the*

Year Round, но Коллинз по-прежнему стремился хотя бы на три месяца опережать печатный станок. Он с удовольствием обнаружил, что может писать меньше, один месячный выпуск был равен по объему лишь двум еженедельным. Таким образом, он мог писать половину от прежнего количества страниц в течение месяца.

Его несколько отвлекал от работы постоянный шум Харли-стрит. Как и многие другие лондонские улицы, она была заполнена музыкантами, разнообразными развлечениями, в том числе актерами, игравшими на волынке и духовых инструментах. Он стал задумываться о переезде в более спокойное и уединенное место в районе Темпла, но удачный вариант не подворачивался. В июне он смог сдать первую часть рукописи Джорджу Смиту; первая глава, «Путешественники», начиналась в Бад-Вильдбаде, который Коллинз не так давно посещал. Так открывался роман «Армадейл», одно из самых напряженных и запутанных сочинений Коллинза.

Он хотел перенести действие в Норфолк, а потому в августе сел на поезд до Грейт-Ярмут, компанию ему составили Эдвард Пиготт и Чарльз Уорд, планировалась и короткая прогулка на паруснике вдоль побережья Норфолка. Он посе-

тил и Норфолк-Бродс, где «берег лежал чистый и пологий в солнечном сиянии, окаймленный кое-где темными рядами карликовых деревьев и усеянный тут и там, на более открытых участках, мельницами и глинобитными коттеджами, крытыми тростником… к востоку длинная, мягко изгибающаяся линия камыша следовала поворотам Броде и скрывала лежащие позади водные просторы». Это был Хорси-Мир (Конский пруд), широкий, продуваемый ветрами берег Северного моря, который в романе назван Хёрл-Мир (Заброшенный пруд).

И тут снова заявила о себе болезнь. Коллинз, кажется, был уверен, что это «подагра мозга». В сентябре он писал Пиготту: «Мой разум совершенно ясен, но нервное страдание, от которого я мучаюсь, неописуемо». Он не знал, сможет ли продолжать роман, и задержка сама по себе представлялась катастрофой. Доктор Берд тоже не мог сказать, когда Коллинз сумеет приступить к исполнению своих обязанностей. Но никакой подагры мозга не существует, можно предположить, что речь шла о серьезном умственном истощении и тревожности. «Страдание» нервов могло быть и следствием чрезмерного употребления опиума. И все же полной беды удалось

избежать, и в следующем месяце нервное напряжение пошло на спад. Настроение тоже улучшалось, по мере того как удачно получались первые главы. Невестка Диккенса, Джорджина Хогарт, не могла уснуть, не дочитав их, и Коллинз сообщал Чарльзу Уорду, что «печатники весьма заинтересовались этой историей… а не так-то легко удовлетворить печатников».

«Армадейл» начал свое явление публике в ноябрьском выпуске *Cornhill, и* по мере работы над чередой выпусков Коллинз все сильнее тревожился, а специалист по нервным заболеваниям Чарльз Рэдклиф определил его проблему как «раздражение, вызванное подагрой», порекомендовав физические упражнения и легкую диету. Как большинство докторов, он хотел поддержать пациента, придать ему уверенности: «С вами ничего серьезного. Нет причин беспокоиться о своей работе».

Чарльз Коллинз поставил, вероятно, самый точный диагноз, назвав недуг Уилки унаследованными «коллинзовскими нервами». Описывая состояние старшего брата, он основывался на собственном опыте: «Когда ты ничем не занят, чувствуешь себя хорошо, но стоит приступить к работе… начинаются страдания». Он добавил:

«Мысли о работе как таковой, особенно в моменты вынужденного бездействия, например когда ты прикован к постели, весьма опасны». Итак, возможно, братья Коллинз были жертвами ночных кошмаров. Берд давал им сердечный препарат на основе хинина, кислоты и ромашки — вроде бы это помогало.

Общая нервозность не могла ослабеть в ситуации переезда в новый дом. За несколько дней до Рождества Коллинз с Кэролайн поселились по адресу Мелкомб-плейс, 9, площадь Дорсет, примерно в четверти мили от Харли-стрит, по другую сторону от Нью-роуд. Какие бы то ни было надежды на брак окончательно рухнули, и Кэролайн Грейвз появляется в домовых книгах и прочих лондонских документах о жителях города под своим именем. Ее имя значится теперь и в банковских счетах Коллинза в «Коуттсе».

Работа над «Армадейлом» неумолимо продвигалась, и Коллинз мог позволить себе лишь краткие передышки. В конце февраля 1865 года он на неделю ездил в Париж, много времени провел там в театрах. Посетил мать в Танбридж-Уэллсе. Съездил с Эвардом Пиготтом в Грейт-Ярмут, чтобы вновь выйти в море под парусом. Заседал на праздновании двадцатой годовщины Королев-

ского Генерального театрального фонда, в конце каждой фразы его речи гремели аплодисменты.

Он посетил Диккенса в Гэдсхилл-плейс, и один из гостей описал его так: «Бедный Уилки Коллинз так нуждается в отдыхе, что привык ускользать в библиотеку, чтобы подремать там с сигарой. Диккенс вытащил его оттуда со словами: “Это недопустимо. Никакого курения в библиотеке посреди дня — необходимо над чем-нибудь работать”». Во время игры в шарады Диккенс предстал с черным платком на голове и печным совком в руке, изображая обезглавливание Карла I, Коллинз играл роль короля-жертвы.

Любопытный отчет о вечернем собрании в Лондоне той поры оставил Фредерик Леманн. Он отметил, что «фракция Диккенса и Коллинза» устроилась на противоположном конце комнаты от «Общества». Причина была вполне ясна. Коллинз открыто жил на Мелкомб-плейс с любовницей. А Диккенс разводился с женой ради союза с актрисой. Несмотря на славу и успех, оба романиста не считались достаточно почтенными.

Весной 1866 года Коллинз наконец закончил «Армадейл» и написал матери, что никогда прежде не был так растроган и взволнован финалом собственного романа. Он отметил завершение ра-

боты поездкой в Париж на неделю с Фредериком Леманном, погода была теплой, и он наслаждался ничегонеделаньем. Он освободился от «тяжкой ответственности» перед лицом более серьезных трудностей, он преодолел темную полосу.

Смит-старший издал роман в мае в виде двухтомника. Это самое длинное сочинение Коллинза, и сюжет его слишком переполнен подробностями, чтобы автору удалось соблюсти идеальную точность. Невозможно развернуть лабиринт, превратив его в прямую тропу. Повествование перемещается из Норфолк-Бродса на Боро-Хай-стрит, из Германии на остров Мэн, с Мадейры в Неаполь, из клиники по абортам в Пимлико в загородный дом в Сомерсете; среди событий — убийство на море и попытка удушения газом. История начинается с признания умирающего в совершенном им убийстве и заканчивается самоубийством. Автор представляет читателю двух молодых людей с одинаковым именем, сюжет включает и повторяющийся кошмарный сон о роковом исходе, и детективную тайну. Вероятно, роман слишком перенасыщен событиями, чтобы приносить настоящее удовлетворение читателю, который к концу успевает устать от сенсаций. И все же Т. С. Элиот отмечал, что «у него нет до-

стоинств, выходящих за рамки мелодрамы, и есть все достоинства, которыми может обладать мелодрама».

Роман примечателен прежде всего фигурой главной героини, мисс Гвилт, одержимой интриганки и авантюристки, которая уловками завладевает сердцем молодого человека. «Могу ли я ошибаться… если выскажу предположения, что вы нечто замышляете — нечто такое, что ни мой чай, ни моя беседа не способны развеять? Мужчины так же любопытны, как женщины? И у вас в мыслях я?» Она оказывается фалыпивомонетчицей, убийцей, воровкой и двоемужницей. Одна из ее союзниц, миссис Олдершоу, с торговли шарлатанскими снадобьями переключается на содержание Дамского дома отдыха, фактически тайной клиники, где делают аборты. Эта второстепенная героиня предоставляет автору возможности создавать комические ситуации, и Коллинз активно пользуется этим беспроигрышным приемом. Вот ее совет Лидии Гвилт: «Завтра вам надо принять снотворные пилюли. А я тем временем скажу в итоге то, что говорила в начале: никакой беспечности. Не поощряйте поэтических чувств, разглядывая звезды, не рассуждайте о том, как невероятно тиха и прекрасна

ночь. Есть специальные люди (в обсерваториях) которые за вас отлично смогут пялиться на звезды, оставьте им это занятие».

Кульминационная сцена разворачивается в санатории в Хэмпстед-Хит, где миссис Мидвинтер (то есть та же мисс Гвилт, но под еще одним именем) намерена использовать отравляющий газ, чтобы убить ближайшего друга своего мужа, таким образом довершая живую и почти истерическую атмосферу мелодрамы сложным сюжетным ходом, с помощью которого автор предоставляет персонажам шансы подслушивать чужие секреты или таиться под открытыми окнами. Весь сюжет представляет собой огромное приключение, нити которого находятся в руках Коллинза, и он умело оперирует ими: тут отпускает напряжение, тут натягивает, а где-то позволяет расслабиться. Он действует как беспристрастный наблюдатель, расставляет декорации, тщательно описывает комнаты, в которых происходят события, одного за другим представляет нам персонажей.

В какой-то момент в его сочинении появляется предшественник лейтенанта Коломбо[26]. Это происходит в так называемом «Постскриптуме

[26] Примечания: 26

Педгрифта», когда «адвокат быстро проверил, нет ли кого за приоткрытой дверью, затем мягко устроился в кресле, взял понюшку табака из шкатулки и поднес к носу, сказав: “Кстати, вот что мне тут в голову пришло”».

Используя слова самого Коллинза, сказанные в другой ситуации, роман «удерживается воедино таинственными связями и стремится к невообразимому финалу». Один из персонажей говорит: «Я вот размышляю, существует ли такая вещь, как случайность». Но мир управляется не случайностями, им правит рок. Обитатели этого мира появляются в одиночку или парами, сходятся с самых разных сторон, медленно собираясь в сфере, «которая вскоре обречена объединить их всех, поставив в первый и последний раз лицом к лицу». Так в романе «Бэзил» злодей становится «носителем проклятия, преследующего вас» и «инструментом роковой судьбы, назначенной для вас еще до нашей встречи».

Критики «Армадейла» не всегда были единодушно уважительны к автору. *Spectator* характеризует антигероиню романа, мисс Гвилт, как «более гнусную, чем уличные отбросы». Мир Коллинза «населен ассортиментом негодяев, которые действуют среди ассортимента дураков,

и за ними наблюдает карающая юстиция в лице присяжных поверенных и шпионов». Рецензент *Athenaeum* жалуется, что персонажи «могут жить и дышать в “сточных канавах” общества», но таких нельзя выставлять на всеобщее обозрение в романах.

Более уклончиво высказывается критик *Saturday Review,* отмечающий «гальваническую энергию» коллинзовского повествования и признающий, что персонажи приводятся в движение «исключительно силой авторской воли». Во времена увлечения месмеризмом, животным магнетизмом и прочей мистикой упоминание такой авторской воли, особой энергии, выглядит весьма не случайным. Вспоминая «Без права на наследство», рецензент указывает, что «с самого начала первой главы этого сочинения автор не упускает из вида финал. И стоит вам открыть эту книгу, вы оказываетесь во власти ее очарования… книга околдовывает, буквально оковывает вас цепями, но эти цепи не кажутся тягостными». Как мы уже упоминали, «цепь» является одной из ключевых метафор прозы Коллинза — цепь событий, цепь соответствий, цепь, приковывающая читателя к истории. Авторская воля, приковывающая читателя к тексту, может рифмоваться

с интересом самого Коллинза к ясновидению, животному магнетизму и другим потаенным возможностями мозга. Действие Судьбы проявляется в различных формах.

13. Камень

Джордж Смит так и не смог вернуть пять тысяч фунтов, выплаченных автору за рукопись «Армадейла», после первоначального энтузиазма продажи вскоре пошли на спад. Но Коллинз не унывал и позднее писал одному из своих корреспондентов, что считает «Армадейл» лучшим из своих романов. Он снова отправился на яхте с Эдвардом Пиготтом, и на этот раз устойчивый бриз и спокойное море благоприятствовали прогулке.

Вероятно, именно во время этих коротких каникул они с Пиготтом решили совершить продолжительную поездку в Италию. Однако, прежде чем отправиться в путь, Коллинз принял предложение восстановить «Застывшие глубины» в постановке профессиональной труппы театра «Олимпик». Поскольку дата отъезда в Италию была твердо назначена, Коллинзу пришлось трудиться над спектаклем в невероятном темпе, причем в состоянии сильной простуды. Сначала премьеру планировали на рождественский сезон, но провал других планов вынудил театр передвинуть ее на октябрь, раньше намеченного

срока. Коллинз прочитал пьесу актерам и даже наблюдал за первыми репетициями. Он надеялся использовать прежние декорации, но они были разобраны и разрезаны на части. Он посетил мать в Танбридж-Уэллсе, а затем поспешил снова в театр, чтобы набросать эскиз афиши и обсудить с директором практические детали.

А затем он отправился в Италию. Один день провел в Париже, чтобы встретиться с директором «Комеди Франсез» Франсуа Ренье и обсудить постановку «Армадейла». Затем они с Пиготтом проехали через Швейцарию в Милан и Рим; Пиготт был теперь ведущим репортером по международным делам в *Daily News* и хотел познакомиться подробнее с хитросплетениями современной итальянской политики — в это время Венецианская республика была на грани поглощения только что созданным Королевством Италия. Но Коллинзу пришлось сократить поездку, когда он получил письмо от французского партнера по поводу постановки «Армадейла», требовавшей его срочной консультации. В тот же день пришло письмо из Лондона с неприятными известиями, что «Застывшие глубины» в «Олимпике» не пользуются успехом, в день премьеры публика приняла спектакль с энтузиазмом, но

продажа билетов шла не слишком активно. Новая публика нашла пьесу «медленной» и несколько старомодной. *London Review* характеризовала персонажей как «схематичных», костюмы назвала «неестественными и странными». Итак, Коллинзу пришлось спешно ехать в Париж, чтобы решать проблемы, а потом двигаться дальше в Лондон для обсуждения ситуации в «Олимпике» с Хорасом Уиганом. На самом деле «Застывшие глубины» так и не добились истинного успеха, спектакль был снят со сцены после шести недель. По слухам, его даже несколько раз освистывали. Коллинз сказал одной из актрис, что весь проект был «катастрофой». Несколько месяцев спустя Ренье сообщил Коллинзу, что «Армадейл» не удастся поставить на французской сцене. Коллинз еще питал надежды на то, что роман будет показан в лондонском театре, но эта мечта тоже не осуществилась.

Коллинз многого ждал от театра. Он верил, что может заработать там достойные деньги в Лондоне и Париже, он всегда говорил, что его творческий дар имеет театральную природу. Он планировал прозаические произведения с намерением впоследствии инсценировать их, по сути, создавая театральные романы. На личном,

а не профессиональном уровне его круг общения составляли актеры, ему нравились закулисные сплетни, он наслаждался обществом мужчин и женщин, безразличных ко многим викторианским святыням. Он даже лелеял надежду когда-нибудь стать директором театра.

Его вкусы в области драматургии были весьма широки, но особенно ему нравился французский театр Дюма и Скриба. К английскому театру он относился без особого пиетета, полагая многое в нем третьеразрядным, а английскую публику и вовсе считал безмозглой. Тем не менее он снова и снова пытался добиться у нее благодарного отклика, и на определенном этапе три его пьесы одновременно шли на сценах Вест-Энда, в пределах восемнадцати месяцев. Он отдавал предпочтение мелодраме в эпоху, когда, по словам одного обозревателя, театральный успех зависел от «самых чудовищных потрясений, ужасных катастроф, мучительных ситуаций». Собственный опыт Коллинза отразился в его речи в честь актера Чарльза Фехтера:

«Публика не способна прийти в восторг, пока не испытает ужас. Ее невозможно привести в ужас, не заставив переживать…»

В начале 1867 года, не сокрушенный относи-

тельным финансовым провалом «Армадейла», Коллинз нашел свежий источник оптимизма. Он хотел завоевать новую аудиторию, а потому взялся писать для «грошовых журналов». Он буквально фонтанировал идеями книг и пьес. Он даже вынашивал мысль объединить сюжеты «Маяка», «Застывших глубин» и «Красного флакона» в одном романе для дешевых изданий; вероятно, хорошо, что он так никогда и не осуществил этот замысел.

Но вскоре его захватил совершенно новый и абсолютно оригинальный роман. К весне он уже вел переговоры с *All the Year Round* о его публикации в еженедельнике. Он пришел к выводу, что «грошовая публика» пока не готова к его творчеству, и вернулся к привычной аудитории. Первые три части он взял с собой в Гэдсхилл-плейс летом, и когда читал их вслух, Диккенс увлекся этим сюжетом. Диккенс сообщил Уиллзу, что «это очень любопытная история, дикая и в то же время вполне салонная», он полагал, «она во многих отношениях намного лучше всего, что он прежде делал». Две недели спустя Коллинз написал матери, что находится «в круговерти работы». Он планировал, что новый роман будет значительно короче «Армадейла», и хотя

результат оказался длиннее первоначально задуманного, объем его и вправду составляет лишь три четверти предыдущего романа. Основную часть исследований для новой книги Коллинз провел в библиотеке «Атенеума», одного из лондонских клубов, в которых он был завсегдатаем. Там он консультировался по поводу индуизма и индийских законов. Он прочитал монографию К. У. Кинга «Естественная история драгоценных камней и драгоценных металлов» и отчеты об Индии Тэлбота Уиллера. Он встречался с англичанами, которые путешествовали в Индию и жили там. Он собирался назвать новый роман «Глаз Змеи», но потом внезапно придумал более эффектное название — «Лунный камень».

Летом Коллинз снова сменил жилье, переехав в дом 90 по Глостер-плейс, на площади Портман. Его донимали трудности с рабочими и общий беспорядок ремонта и переделок, в какой-то момент он сбежал от этого к Леманнам в Хайгейт, чтобы спокойно поработать над книгой. Он подписал договор об аренде на двадцать лет, что означало твердое намерение пустить корни; на самом деле он прожил в этом доме вместе с Кэролайн Грейвз большую часть остававшейся жизни. Пятиэтажный дом составлял часть блочной застройки,

соприкасаясь двумя стенами с другими аналогичными строениями, его возвели в начале XIX века; на первом этаже была столовая и гостиная, а кабинет Коллинза размещался на втором, с видом на улицу. Изначально это была двойная семейная гостиная, весьма просторная, для него она стала сердцем дома. У Кэролайн была своя спальня. Спальня Коллинза находилась на самом верху — возможно, он хотел избежать уличного шума. В целом комнаты были большие и светлые, но главным преимуществом для Коллинза было то, что Глостер-плейс находился в сухом районе. Здесь удалось наконец спастись от сырости.

Он сдавал в аренду конюшню на лугу позади Глостер-плейс, но с нанимателем возникли осложнения. Хозяйство включало теперь трех слуг: двух женщин и мужчину или мальчика, появилась в доме и собака. Томми был скотчтерьером с чудовищным аппетитом и добрым нравом. В общем, это был большой и комфортабельный лондонский дом, единственной странностью которого было отсутствие газового освещения — Коллинз категорически отказывался его установить. Сейчас это дом 65 по Глостер-плейс, сбоку от входной двери есть голубая табличка с упоминанием, что здесь жил Уилки Коллинз. Автор

этой книги провел там немало приятных вечеров в компании друга, снимавшего квартиру на четвертом этаже: в наши дни это дом с несколькими квартирами, а не особняк.

Напряжение, связанное с работой над книгой, усиливалось из-за дополнительной нагрузки: они снова сотрудничали с Диккенсом. Пьесу «Проезд закрыт» писали в швейцарском шале, возведенном Диккенсом в саду при доме на Гэдсхилл-плейс. Два романиста планировали и пьесу, и рассказ, но в результате разделили сочинение на «Увертюру» и четыре «Акта». В центре действия был подкидыш, записанный в документах под неверным именем, осыпанный всевозможными несчастьями, какие только могли быть вызваны ошибочной идентичностью; была там и попытка убийства на Симплонском перевале, и гибель злодея при сходе лавины. Но главную роль играла верная любовь. История включала все ингредиенты, приходившиеся по вкусу Диккенсу, в том числе «интерес к привидениям, живописи, захватывающий дух интерес ко времени и обстоятельствам». Все это отвечало запросам викторианской публики. Писатели заканчивали четвертый акт в спальне Диккенса, неуклонно продвигаясь к кульминационной

сцене природной катастрофы. Финал третьего акта задавал тон всему последующему действию.

Обенрайзер. Я вор и мошенник. Еще мгновение — и я заберу доказательства с вашего трупа!

Вендейл *(растерянно; под действиемлауданума)*. Вы злодей! Что я вам сделал?

Диккенс уже энергично готовился к туру по Америке с чтением своих романов, так что оставил последний этап доработки драматической версии этой истории на Коллинза. Пьеса вышла длинная, почти на четыре часа, но публика принимала ее восторженно; спектакль шел в «Адельфи» на Стренде, в зале на сто пятьдесят одно место, а потом был перенесен в театр «Стандарт» в районе Шордитч, где представления продолжались до 1868 года. Это был первый настоящий успех Коллинза на лондонской сцене. Диккенс считал пьесу слишком длинной и затянутой. У Коллинза была манера все подробно объяснять, иногда неоднократно, и такие остановки, безусловно, мешали развитию драматического действия.

Спектакль украшало участие Чарльза Фештера, французского актера, доброго друга Диккенса и Коллинза. Он помогал в инсценировке и, по словам Коллинза, «безумно влюбился в эту

историю». Для него была приготовлена роль Обенрайзера, злодея, и, по свидетельству Коллинза, актер прорабатывал роль целыми днями. Он был Обенрайзером с утра и Обенрайзером за ужином. Актер был последователем школы французского натурализма — говорил естественно, а не декламировал строки пьесы.

После совместной работы Коллинз и Фештер стали близкими друзьями. Позднее Коллинз вспоминал:

«Живой ум Фештера был, по его собственному выражению, “полон замыслов”. Он рассказывал мне столько историй, что хватило бы на всю оставшуюся жизнь писать будущие романы и пьесы. Его изобретательность была, бесспорно, замечательной, но метод изложения отличался такой запутанностью, что непросто было следовать его рассказу, а его трепет перед ужасными препятствиями, якобы лежащими на пути свободного воображения, то есть необходимостью описывать события достоверно, по крайней мере, нуждался в некотором смягчении».

Фештер всегда был в долгах и имел привычку просить взаймы у одного друга, чтобы рассчитаться с другим.

Коллинз и Фештер разделяли страсть к хоро-

шей еде. У актера была собственная повариха, которую Коллинз описывал как «одного из самых утонченных художников, когда-либо управлявшихся с кастрюлей». Однажды Фештер убедил ее приготовить ужин из шести блюд из картофеля и другой ужин — восемь блюд из яиц. Вкусы Коллинза были вполне радикальными. Он не любил унылую викторианскую кухню, включавшую вареную свинину и гороховый пудинг, баранину и тушеную говядину с пастернаком и морковью. В «Истории плута» он с ужасом описывает ужин, состоявший из супа-пюре, палтуса под соусом из лобстера, бараньего окорока, вареной птицы и языка, чуть теплого устричного паштета и липкого карри на закуску, дикой утки, рисового пудинга с изюмом, желе, сливок и тарталеток. Сегодня все это звучит экзотично, но Коллинз справедливо замечал, что такое не станешь есть каждый день. В позднем его романе «Слепая любовь» хозяйка дома предлагает гостям еду, «приготовленную до стадии несовершенства, доступного только английской кухне».

Напротив, совершенством была для Коллинза французская кулинария, и как-то раз он заявил, что мясо — это всего лишь «материал для соусов». Он обожал черный перец и чеснок, однажды

добавил в пирог так много чеснока, что слег с желудочным приступом. Иногда он баловал себя фуа-гра, испытывал настоящую страсть к приготовленной на пару спарже — холодной, с салатным маслом. Во Франции он ужинал устрицами и шабли, а к омлету любил редис. Однако он ненавидел суету формальных ужинов. В своих приглашениях мог добавить «как обычно, без церемоний», или «без спутниц», или «никакого особого костюма».

Он был также знатоком вина. Предпочитал максимально сухое шампанское. Одной из его типичных фраз была: «Разве пинта шампанского не отличный напиток для такой жары? Охладить льдом… и налить, пенящееся, в серебряный сосуд. Боже, изумительно!» Он, как и многие, был убежден, что шампанское полезно для здоровья, однако пил и бургундское, и хок[27], и мозельское. Он придерживался мнения о способности табака восстанавливать силы и успокаивать нервы. Он курил сигары и жалел тех, кто не выносил запаха дыма. Не отказывался и от нюхательного табака.

Проводив Диккенса в американский тур — на прощание был дан большой банкет в масонском зале, где присутствовали Кэролайн и Кэрри

---

[27] Примечания: 27

Грейвз, — Коллинз вернулся к рабочему столу на Глостер-плейс, чтобы продолжить «Лунный камень». Первый выпуск романа появился в *All the Year Round* в начале 1868 года, и сразу стали видны признаки ошеломительного успеха. Вскоре толпы читателей собирались перед офисами журнала в день выхода очередного номера.

Однако через две недели после первого выпуска Уилки получил неприятное известие, что тяжело заболела Хэрриет Коллинз. Она привычно жаловалась на нервное расстройство, но на этот раз оно приняло опасную форму паралича. Коллинз поспешил в деревню к матери, но появившиеся внезапно симптомы собственной нервной болезни вынудили его вернуться в Лондон и обратиться за помощью к Фрэнку Берду. Пациент заявил, что не может двигаться, что у него «сводит судорогами все члены», но главной проблемой стало воспаление глаз, столь значительное, что он не мог ни читать, ни писать.

Он признавался, что вынужден был диктовать роман, лежа в постели, «прерываясь на приступы горя и приливы боли». Он, конечно, слегка преувеличивал, так как в рукописи всего пять страниц написаны рукой Кэрри Грейвз, но нет сомнения, что это был один из тяжелейших периодов в его

жизни. Он всегда был близок с матерью, и когда в середине февраля она умерла, его так сразило горе, что он не смог прийти на ее похороны. Воспаление глаз могло стать непосредственной причиной, но сильнее всего было эмоциональное страдание. Он говорил: ее смерть была «самым горьким потрясением в моей жизни», и пятнадцать лет спустя заявил: «Когда я думаю о ней, я все еще чувствую сердечную боль».

И все же в предисловии к исправленной версии романа он написал, что мучительный труд над «Лунным камнем» был для него «благословенным облегчением» от эмоциональной агонии. «Сомневаюсь, что я бы выжил и смог написать книгу, если бы обязанность еженедельно сдавать очередной выпуск истории не вынуждала меня собирать остатки угасающей энергии тела и ума — иссушать бесполезные слезы и побеждать безжалостную боль».

Количество лауданума, которое он принимал в этой стрессовой ситуации, было весьма значительным. Он говорил, что смутно помнил многие повороты сюжета. «Я был не просто рад и удивлен тем, как сложился финал, но даже с трудом признаю его своим собственным». Вероятно, это ироническое замечание, но сюжет романа

строится вокруг потери памяти в результате использования опиума. Однако лауданум не повредил другим способностям Коллинза, и роман получился ярким и подробным.

Смерть Хэрриет Коллинз теоретически могла означать, что Кэролайн Грейвз выйдет из тени. Однако вовсе не материнское недовольство препятствовало нежеланию Коллинза заключать брак и вело к последовательному сохранению секретности и неофициальности отношений. Более или менее деликатно он описывает ситуацию в последнем своем романе «Злой гений»:

«“Вы свободны вступать в брак, если захотите?” — настаивала она.

Он еще раз сказал: “Да”, упорно глядя в другую сторону. Она немного подождала. Он не двигался и не говорил.

Мало-помалу переживая медленную гибель всех ее иллюзий, она удерживала в сердце последнюю надежду. Но и та была убита суровым видом, с которым он смотрел на улицу.

“Я постараюсь придумать, куда нам поехать на взморье”. Сказав это, он медленно вышел за дверь».

Это, конечно, разговор вымышленных героев, возможно, не имевший отношения к какой-либо

реальной сцене из жизни самого автора. И все же он наводит на мысли. В любом случае между Коллинзом и Кэролайн Грейвз вскоре возникло новое препятствие в лице другой женщины.

В год смерти Хэрриет Коллинз рядом с Уилки появилась Марта Радд. Раньше считалось, что, будучи уроженцем Норфолка, Коллинз встретил ее во время одной из поездок в этот регион. Она была дочерью пастуха. Однако весьма информированный автор некролога, появившегося сразу после смерти Коллинза, утверждал, что Марта Радд была одной из служанок в доме Хэрриет Коллинз. Она «была горничной у матери Уилки Коллинза, очень преданной ей, пока та была жива». Следовательно, время ее появления в жизни Коллинза вполне логично. Не исключено, что он соблазнил ее, когда девушка еще состояла на службе у его матери, или воспользовался смертью Хэрриет, чтобы привезти Марту в Лондон.

Под именем миссис Доусон Марта Радд поселилась в доме 33 по Болсовер-стрит, в десяти — пятнадцати минутах ходьбы от Глостер-плейс. Когда-то на этой улице находился офис дедушки Коллинза, торговца картинами. Марте было двадцать три года, а Коллинзу сорок четыре. И хотя она родила ему троих детей, она лишь

мельком упомянута в переписке Коллинза с его поверенным. Для его друзей и близких знакомых она выступала в качестве «морганатической супруги», что подразумевает связь между лицами заведомо неравного социального положения. Вероятно, он никогда не представлял ее Кэролайн Грейвз и едва ли знакомил со своими друзьями. Не исключено, что он ее слегка стыдился. Но он нуждался в общении с ней и в ее постели, и она оставалась с ним до конца его жизни.

Другой викторианец, Артур Манби, любил преодолевать сословные барьеры викторианского общества, испытывая буквально одержимость женщинами из рабочего класса. Он влюбился, например, в «грубоватую, тяжело работавшую крестьянскую девицу со следами труда и услужения во всем облике», а потом и во многих других. Возможно, у Коллинза был сходный вкус.

«Лунный камень» состоял из тридцати двух эпизодов и публиковался в *All the Year Round* в течение восьми месяцев. За месяц до финального выпуска роман вышел целиком, в одном томе, в издательстве братьев Тинсли. Один из их сотрудников в офисе на Кэтрин-стрит позднее вспоминал, что «адвокаты Уилки прислали черновик невероятного размера, листами можно

было бы спокойно покрыть фронтон дома среднего размера».

«Лунный камень» стал самым успешным и популярным романом Коллинза. В ходе повествования сменяются одиннадцать рассказчиков, которые сообщают о краже поразительного драгоценного камня из загородного особняка. В определенном смысле книгу можно считать детективной историей. Собственно, детектив, сержант Кафф, эксцентрик, главная страсть которого — разведение роз; он один из первых персонажей художественной литературы, использующий лупу. Появляются в романе и другие черты традиционного детективного жанра. Все участники собрания в загородном доме могут обоснованно считаться подозреваемыми. Совершил преступление тот, кто меньше всего похож на злоумышленника. Проницательный детектив резко отличается от неумелой и неэффективной местной полиции, но в конце концов раскрывает тайну преступления любитель, посрамивший всех профессионалов. Обвинение переходит с одного персонажа на другого в бесконечной игре, словно передача мяча, в то время как целая, сложная картина возникает внезапно в ходе драматической реконструкции событий фаталь-

ной ночи. В этом отношении «Лунный камень» можно рассматривать как истинный источник и корень английской детективной литературы.

Криминалистика едва зарождалась, когда Коллинз писал «Лунный камень», но образ детектива уже захватывал воображение публики, полагавшей, что размах преступности нарастает. Коллинз изобрел определение «детективная *лихорадка».* Детективом считалось официальное лицо, призванное восстановить порядок в хаотичном мире, он был тайным полицейским, способным внедриться в группы или сообщества, порождавшие ужас, царивший на улицах. Статья 1843 года в *Chamber's Journal сообщает.* «Временами полицейский детектив одевается как обычный человек». Детектив стал символом городской анонимности, симптомом новой профессиональной квалификации. В «Лунном камне» предполагается, что он может разобраться в случившемся и избавить вовлеченных в дело людей от страха и невроза, его роль состоит в том, чтобы вернуть старый, привычный уклад повседневной жизни.

Множественность рассказчиков в романе помогает автору поддерживать неослабевающее напряжение. Как говорит один из персонажей,

«насколько я вижу, одна интерпретация выглядит такой же верной, как и другая». Ничто не является тем, чем кажется. «Я сам видел упряжь пони. Я прямо скажу: в инфернальной сети загадок и неопределенностей, которые теперь окружали нас, было настоящим облегчением наблюдать, как хорошо подходили друг к другу пряжки и ремни!» Коллинз советует нам подождать, пока все пряжки и ремни сюжета не сойдутся к концу и не окажутся прочно и надежно закреплены.

И все же этот сюжет больше, чем криминальная тайна. Сам лунный камень — часть священного индийского ритуала, и группа индусов прибывает в Англию, чтобы вернуть его. После «Индийской резни» индийцев представляли обычно как кровожадных дикарей, но Коллинз со всей серьезностью подходит к их религии. Индусы тоже могут ошибаться, на самом деле камень украденанглийским солдатом, опьяненным насилием и бунтом, именно он привез похищенное сокровище к себе домой. Это часть имперского наследия.

Когда камень позднее украден ночью из спальни девушки, кража становится символом насилия, ассоциирующимся с насилием в Индии. Дворецкий, мистер Беттеридж, формулирует то

потрясение, которое переживают «здравомыслящие» англичане: «В наш тихий английский дом внезапно вторгается дьявольский индийский алмаз, он приносит с собой интриги живых негодяев и вызывает мщение мертвеца… Слыханное ли дело в XIX веке, в эпоху прогресса, в стране, наслаждающейся благословенной британской конституцией?» В конце романа камень возвращается на свое законное место в городе Сомнатхе.

Коллинз не только описывает горе индусов, вызванное утратой реликвии, он привлекает внимание и к тяжелому положению низших классов. Одна бедная девушка говорит: «Ха, мистер Беттеридж, недалек тот день, когда бедные восстанут против богатых. Молю Небеса, чтобы они начали с *него».* Сам Беттеридж размышляет о разнице между возвышенной и низменной жизнью: «Нужда, которая щадит лучших людей, не имеет жалости к *нам».* Коллинз всегда отдавал себе отчет в существовании теневой стороны викторианской цивилизации, и во многих его романах так или иначе он привлекает внимание к бедным и отверженным.

Коллинз с трепетом ждал отклика. Позднее он писал: «Я ждал реакции публики с нетерпением

и тревогой, которых никогда прежде не испытывал». Он верил, что «Лунный камень» — лучший его роман, который должен стать «популярнее» любой из его книг, написанных после «Женщины в белом». И это мнение оказалось верным. Уильям Тинсли отметил, что на Веллингтон-стрит разыгрывались сцены, без сомнения, тешившие сердца автора и издателей. Особенно когда серия выпусков подходила к концу, в дни выхода очередного номера перед зданием редакции собирались толпы взволнованных читателей, спешивших приобрести экземпляры. Даже разносчики и мальчишки-продавцы интересовались историей, они читали прямо на углу, порой с грузом товара за спиной.

Делали ставки на то, как и где будет найден алмаз. Ничего подобного не происходило со времен публикации «Женщины в белом». Первое издание романа в полторы тысячи экземпляров было вскоре полностью распродано, второе состояло из пятисот экземпляров. Семнадцатилетний Роберт Льюис Стивенсон написал матери: «“Лунный камень” ужасно интересен, разве это не лучший детектив?» Несмотря на первоначальный энтузиазм в отношении книги, Диккенс недолго ею восхищался. «Совершенно согласен

с тобой насчет “Лунного камня”, - писал он У. Х. Уиллзу. — Конструкция невыносимо утомительная, в романе есть некая настырность, которая настраивает читателей враждебно». Однако недовольство не помешало ему заимствовать одну из сюжетных схем в своей «Тайне Эдвина Друда».

Рецензенты энтузиазма не проявляли. Хвалили только изобретательность построения. Один современный критик заметил, что «ни одно открытое окно, запертая дверь, разбитый нос не появляется тут случайно, так, чтобы это не было как-то связано с финалом книги». Однако некоторые рецензенты считали, что ничего, кроме изобретательности, в романе нет. Критик из *Pall Mall Gazette* писал, что «по части раздвижных панелей, дверей-ловушек и фальшивых бород мистер Коллинз не менее ловок, чем любой, кто пытается “жарить блины в шляпе”[28]». Рецензенты довольно справедливо указывали, что Коллинз не умеет создавать «характеры» в привычном смысле слова. Например, его персонажи не брызжут энергией и живостью, свойственными даже второстепенным героям Диккенса. Они действуют, словно находятся на невидимой театральной сцене, каждый из них — собрание

[28] Примечания: 28

ярких черт или репертуар приемов, не более. Они не слишком реальны, они не живут и не растут в общении с другими. И все же они идеально подходят для романа, который пишет Коллинз. Не стоит ожидать от писателя, что он будет сочинять вопреки своему природному дару.

Считалось, что «детективный элемент» лишает этот роман права относиться к произведениям искусства, хотя на самом деле он прокладывал путь целому новому направлению в английской литературе. В этом жанре работали и раньше, но все прежние примеры меркнут на фоне мощи и яркости «Лунного камня». С момента публикации в 1868 году этот роман Коллинза никогда не прекращали переиздавать.

14. Сердечная перемена

К концу мучительных трудов над «Лунным камнем» Коллинз стал планировать поездку в Швейцарию в компании Фредерика Леманна. Коллинз остановился у него в июле 1868 года в Хайгейте, и они решили вместе ехать в Сент-Мориц. «Я должен уехать», — заявил Коллинз. Итак, они отправились пароходом в Антверпен в начале августа, и в Сент-Морице Коллинз восхищался чарующим пейзажем, его бодрил горный воздух, ему казалось, что он буквально чувствует дыхание ледников и запах сосновых лесов. Затем он посетил Баден-Баден и вернулся домой в начале сентября.

Однако дома было не как прежде, поскольку появление в его жизни Марты Радд спровоцировало новые осложнения. В какой-то момент в том же году Кэролайн Грейвз покинула Глостер-плейс и 29 октября вышла замуж за Джозефа Чарльза Клоу, венчание состоялось в приходской церкви района Мэрилебоун. Можно предположить, что появление на Болсовер-стрит Марты Радд и отказ Коллинза жениться толкнул Кэролайн на поиски

иного союза.

В день ее свадьбы Диккенс написал свояченице: «Как всем известно, это матримониальное представление может быть ложью со стороны этой женщины в попытке женить его на себе». Таким образом, можно, по крайней мере, допустить, что Коллинз находился под сильным давлением. Для Кэролайн Грейвз вполне разумно было искать официального и общественно приемлемого статуса замужней дамы. Не исключено, что расставание было не слишком дружественным, но обе стороны на него согласились. Коллинз присутствовал на церемонии, а одним из свидетелей был Фрэнк Берд. Завещание матери укрепило финансовую безопасность Коллинза, и он даже смог выделить Кэролайн деньги.

Про самого Клоу известно крайне мало. В брачном сертификате он назвал себя «джентльменом». Ему было двадцать семь лет, его отец занимался винокурней, другой родственник торговал элем, так что, вероятно, и сам Клоу участвовал в торговле алкоголем. Неизвестно, где жили новобрачные. Может быть, они переехали в дом его родителей на Авеню-роуд с видом на Риджентс-парк. Кэрри Грейвз осталась с Коллинзом на Глостер-плейс, как и свекровь Кэролайн, Фр-

энсис Клоу. Кэрри только что окончила школу и следующие десять лет была личным секретарем и компаньонкой Коллинза, пока сама не вышла замуж. Но впереди ждали и другие перемены. К концу осени того же года Марта Радд уже знала, что ждет первого ребенка от Коллинза.

Весной 1869 года он говорил об атакующих его «тревогах» и «неприятностях». Нет сомнения, его беспокоили домашние дела, он всегда подчеркивал, что самые тревожные и удручающие состояния связаны с расстройством «дома». Могло ли его тревожить неминуемое рождение незаконного ребенка? Мог ли он допускать мысль исправить это положение, женившись на Марте?

Но тревоги могли быть связаны отчасти и с ухудшением здоровья. Он начал новый курс лечения подагры, не доверяясь исключительно лаудануму; в это время он как-то сказал сестре Фредерика Леманна, что «вечерами, часов в десять, его тело пронзает острый шприц, вводящий под кожу морфий». Была надежда постепенно снизить дозу, а потом и совсем отказаться от опиума, однако это лечение не дало ожидаемого результата. В течение следующего месяца он мучился от ужасных болей и мог писать, лишь

перекладывая перо из левой руки в правую.

Состояние его не стало лучше от провала новой пьесы «Черное и белое», премьера которой состоялась в театре «Адельфи» в конце марта. Идея любовной истории в трех актах принадлежала Чарльзу Фештеру. Действие происходило в 1830 году на Тринидаде, и история вращалась вокруг судьбы молодого человека «смешанной расы», добивающегося руки белой женщины; сперва его покупали и продавали как раба, затем он снова получал свободу. Заканчивалось все для влюбленных счастливой развязкой.

«Мисс М. Я снова живу. Ты свободен! *(Берет Лейрака за руку.)*

Лейрак. Нет! *(Целует ее руку.) Я* твой раб!»

Предзнаменования не были благоприятными. В период репетиций заболел Фештер, сам Коллинз простудился из-за сквозняков на сцене. Однако премьера прошла достаточно успешно, и Коллинз вышел к публике на аплодисменты. Пьеса не блистала особыми достоинствами, но продержалась в «Адельфи» шестьдесят вечеров, хотя зачастую шла при полупустом зале, провинциальные гастроли оказались не более удачными. В одной из рецензий упоминали «торопливость до одышки, с которой самые напряженные события

сменяли друг друга», но это типично для стиля Коллинза. Сам он винил в провале переизбыток постановок «Хижины дяди Тома» Г. Бичер-Стоу, истории совсем не похожи, но общая тема рабства была для публики несколько чрезмерной.

И все же Коллинз был не из тех писателей, которые позволяли себе стать жертвой разочарования, вскоре он уже «взял курс» на новый роман. Во времена, когда брак или возможность брака занимали почти все умы, он решил углубиться в изучение нюансов брачного законодательства. Он был возмущен тем, что женщины лишены права контролировать свое имущество после вступления в брак; по словам Блэкстоуна, «сам факт существования женщины перед лицом закона остается сомнительным». Итак, он начал «Мужа и жену». Одной из героинь романа говорят: «Ваш случай самый обычный. При современном законодательстве я ничего не могу для вас сделать… вы замужем. Закон не позволяет замужней женщине хоть что-то называть своей собственностью… Ваш муж, если пожелает, вправе продать мебель. Мне вас жаль, но я не могу помешать ему». По сути дела, жена сама была своего рода собственностью мужа. В то время как Коллинз писал этот роман, в парламенте обсуж-

дали вопрос, который лег в основу первого Акта об имуществе замужних женщин от 1870 года, который гарантировал пострадавшей женщине лишь ограниченное возмещение ущерба. В 1868 году во *Fraser | Magazine* появилась статья, озаглавленная «Преступники, идиоты, женщины и меньшинства: обоснованна ли классификация?».

Коллинз обратился среди прочего к шотландскому законодательству о браке. Оно включало понятие «нерегулярного брака», когда мужчину и женщину объявляли мужем и женой без официальной церемонии или предварительного объявления. Например, если они провели ночь в отеле или на постоялом дворе, считалось, что они обязаны признать это основанием для факта брака. Письмо о намерении вступить в брак от одного из потенциальных супругов давало все основания другому заявить о совершении легального бракосочетания. Коллинз приводил современные суждения: «Согласие формирует брак. Никакая форма церемонии, гражданской или религиозной, никакое предварительное объявление или публикация новости о браке после, никакое совместное проживание под одной крышей, никакое письмо, никакое свидетельство не являются сами по себе достаточным основанием,

самое важное — согласие двух людей вступить в брак». Это и было центральной осью, вокруг которой вращался его новый роман.

Он проводил исследования и в других областях, расспрашивал одного из друзей о спорте, намеревался осудить культ физической маскулинности, который захватил, в частности, университетскую мужскую среду того времени. Он выяснял, как долго тренируются юноши для участия в лодочных гонках или спортивных забегах. Обращаются ли они за помощью к профессиональным инструкторам «низкого происхождения», способствуя тем самым «деградации общественных отношений»? Какой спортивный сленг могут они использовать на загородном приеме, оказавшись в компании леди и джентльменов? Ему не нравился культ так называемого мускулистого христианства с его страстью к спорту и бесконечным безразличием ко всему остальному. Короче говоря, он нападал на устоявшийся английский образ жизни, как сам он формулировал, «на полном скаку атакуя распространенные чувства и настроения». Сначала онсобирался сочинить пьесу на эту тему и даже написал первый акт, но потом передумал; поскольку речь шла о весьма деликатных материях, он решил, что будет

увереннее ощущать себя на почве романа, а не пьесы. Кроме того, он сомневался в том, какова была бы реакция театральной публики.

Ребенок, рожденный вне официального брака, сам по себе создавал проблемы. Первенцем Марты Радд и Уилки Коллинза стала Мэриан Доусон, которой помог появиться на свет 4 июля 1869 года на Болсовер-стрит Фрэнк Берд; рождение не было зарегистрировано. Для придания видимости приличий Коллинз превратился в Уильяма Доусона, адвоката. С этого момента он платил ежемесячно примерно по двадцать фунтов «миссис Доусон» и впервые в жизни написал завещание. Он обрел все атрибуты семейной жизни, кроме официального статуса. Это отражало двойственное положение Коллинза в мире: традиционное и нетрадиционное одновременно.

Он целиком сосредоточился на новой истории, исключив из своей жизни все постороннее, посетителям и корреспондентам отвечали, что его «нет в городе». Рождение ребенка нарушило ритм сочинительства и сбора материалов, и, вероятно, лишь с осени 1869 года он сбежал к Леманнам в особняк Вудландс в районе Хайгейт. Они старались передвигаться мимо его комнаты на цыпочках, чтобы не мешать работе. Один

из детей, Рудольф Леманн, позднее вспоминал Коллинза как «аккуратного, с симпатичной полнотой… совсем не того рода, каким рисуется человек, живущий воображением, творец графа Фоско и изобретатель ужасов “Армадейла” и захватывающей тайны “Лунного камня”».

Он был приятным и легким собеседником. Рассказывал детям Леманнов истории про знаменитого чемпиона по боксу Тома Сойера, с которым Коллинз не раз встречался. На самом деле боксерские метафоры в его письмах позволяют предположить определенный интерес к этому виду спорта. «У него не было выпирающих мускулов, — рассказывал он детям, — невозможно было заметить бицепсы, но когда я упомянул об этом, он привлек мое внимание к трицепсам и мускулам под плечами, тогда я понял, как все устроено». Еще Уилки помогал детям Леманнов с домашними заданиями.

Дети отмечали, что в доме в Хайгейте Коллинз был «очень усердным и целеустремленным тружеником» — описание, сочетающееся с его собственным замечанием «я измотан почти до смерти». Чтобы восстановить силы, он поехал в Антверпен с Фрэнком Бердом, путешествие необходимо было ему как средство восстановить

жизненные силы. Перед отъездом он сообщил Леманнам, что посвятил им роман «Муж и жена», и заметил: «Я совершенно выдохся». «Я так слаб, что едва могу сделать краткую запись». В начале 1870 года «глазная подагра» вернулась, и он едва не ослеп, так что вынужден был сидеть беспомощным в затемненной комнате. Письма того периода продиктованы им Кэрри Грейвз. Впрочем, к концу февраля он поправился.

В день окончания романа, 9 июня, он упал без сил и заснул. Его разбудили, чтобы сообщить: умер Чарлз Диккенс. Он был «потрясен и переполнен горем» от этой новости, однако не мог не чувствовать заранее, что старый друг движется навстречу неминуемой кончине. На самом деле в последнее время они не часто виделись. Возможно, Коллинза задело то, что Диккенс открыто демонстрировал антипатию к его брату: Диккенс считал зятя обузой и хроническим инвалидом. Его собственная энергичная и жизнелюбивая натура никак не могла быть расположена к тому, кто непрестанно хворает. Фештер подмечал за ужином его взгляды на Чарльза Коллинза, которые можно было понять так: «Удивительно, как ты смог здесь сегодня оказаться, но уж завтра ты будешь сидеть в своей комнате и никогда больше

оттуда не выйдешь».

Коллинз сказал, что день похорон Диккенса был «потерянным днем» в том смысле, что сам он не мог заняться никакой работой. Едва ли эта фраза означает глубокое и продолжительное горе. Он встретил поезд с телом Диккенса на вокзале Чаринг-Кросс, проехал с ним вниз по Уайтхоллу до Вестминстерского аббатства — в последнем из трех экипажей, следовавших за катафалком. С ним сидели его брат Чарльз и Фрэнк Берд. Великие годы надежд и свершений подошли к концу.

15. Кровяные мешки

В начале лета 1870 года роман «Муж и жена» был опубликован в трех томах издательством Ф. С. Эллиса. Эллис не был опытным издателем, и Коллинз думал, что он наносит ущерб книге, не обеспечив ей достаточную рекламу. Его также беспокоило, что разразившаяся летом Франко-прусская война может ударить по продажам книги. Тревожился он напрасно. С начала 1870 года и до осени роман выходил в виде серии выпусков в *Cassel's Magazine*, что повысило тираж этого журнала до семидесяти с лишним тысяч экземпляров. Книга в виде отдельных томов также оказалась популярной — во многом благодаря актуальности темы, и в том же году вышли еще два издания романа.

Как обычно, детальный и запутанный сюжет, на каких специализировался Коллинз, начинался с драматической сцены. Знаменитый спортсмен Джеффри Деламейн ухаживал за скромной гувернанткой Анной Сильвестр и в письме обещал на ней жениться, но потом отдал предпочтение более состоятельной и родовитой девушке, воз-

любленной его друга Арнольда Бринкуортера. Чтобы избавиться разом от нежеланной невесты и соперника, он устраивает дела так, что они остаются на ночлег на шотландском постоялом дворе. Коварство в том, что — согласно нелепому шотландскому закону о браке, который Коллинз подвергает желчной критике, — ночлег пары под одной крышей автоматически приравнивается к заключению брака. Ни Анна, ни Арнольд не знают об этом, и Арнольд преспокойно женится на своей возлюбленной, прежде чем Джеффри успевает этому помешать. Тогда спортсмен-негодяй, воплощение мужского шовинизма, требует расторжения брака Арнольда, якобы ранее связавшего себя с Анной. Все в ужасе, но в дело вмешивается грамотный и благородный адвокат. Всплывает на свет и письмо самого Джеффри к Анне с обещанием жениться. Возникает юридическая коллизия и житейская драма. Они оба видеть друг друга не желают, но в глазах общества Анна будет обесчещена, а потому требует законного брака с ненавидящим ее негодяем. Далее следует попытка убийства навязанной жены, чудесное спасение и счастливый для всех пострадавших финал.

Злодей в этом романе, конечно же, является

воплощением спортивной маскулинности, Коллинз по ходу дела энергично нападает на тех, кто предпочитает развивать бицепсы, а не мозги. Один из персонажей объясняет: «Мы как никогда готовы практиковать все самое грубое, что существует в нашей национальной традиции, находя оправдания всем жестокостям и зверствам действий нашей нации». Коллинз увязывает увлечение спортом и показной мужественностью с политическими и военными проблемами империи и стремится сокрушить условности викторианского мужского общества. Но главным объектом критики становится брачное законодательство, чрезмерно ориентированное на мужчин, в ущерб интересам женщин, которые легко могут стать жертвами произвола негодяев и в то же время подвергаться несправедливому осуждению общества.

Английские рецензенты молниеносно бросились бичевать Коллинза за его менее чем благоприятный портрет отечественного спортсмена. Но французский критик Луи Дейре написал: «Никогда не видел книги, в которой с такой отвагой был бы представлен истинный облик английской молодежи». Немецкий рецензент отметил, что книга «точно описывает великое множество

англичан, которые дискредитируют Англию своими грубыми, бесстыдными манерами». Враги на поле боя объединились в осуждении тех английских «джентльменов», которых высмеивал Коллинз.

Он писал инсценировку «Мужа и жены» параллельно с подготовкой выпусков романа, да и сам роман больше напоминает последовательность театральных сцен-эпизодов. В основу он положилдиалоги и принцип внезапного, открытого завершения частей, важный для журнальной публикации, но по мере развития его литературной карьеры становилось ясно, что он не был настоящим драматургом, все успешные пьесы Коллинза были адаптациями прозаических сочинений.

Затем он взял отпуск — нечто вроде каникул после публикации романа — и отправился в круиз вдоль восточного побережья. Он посетил Лоустофт и провел много времени с Леманнами в Хайгейте. Он хотел любой ценой отсрочить начало новой работы и даже поместил под замок бумагу, на которой обычно писал. Осенью он поехал в Рэмсгейт, где бывал у моря еще ребенком, с семьей, а недавно останавливался с Кэролайн Грейвз. Остается неизвестным, брал ли он с собой

на этот раз Марту Радд с маленькой дочерью, но, кажется, так и было.

В следующем романе он описывает развлечения этого города с его «обезьянами, шарманками, девушками на ходулях, фокусником и труппой певцов-негров». В следующем романе, одним из мест действия которого стал Рэмсгейт, он упоминает «возгласы играющих детей, крики мальчиков, погоняющих несчастных ослов, отдаленные звуки медных инструментов, играющих вальс, и мягкую мелодию мелких волн, разбивающихся о песчаный берег». Рэмсгейт захватил его воображение. Он мог прогуляться до гавани и нанять лодку или мог бродить в толпе отдыхающих и восхищаться вместе с ними сверканием моря.

И все же он был не из тех, кто способен долго отдыхать. Зимой того же года он сказал другу, что хотел бы «наткнуться на некий новый метод привлечения читателя». Он интересовался, например, способами писать более короткие романы. Это сократило бы расходы на публикацию и в то же время облегчило финансовое бремя читателей. В начале 1871 года у него появилась свежая идея. На первый взгляд она казалось парадоксальной, ведь речь шла о любви между слепой девушкой и юношей, который стал совершенно

синего цвета[29] из-за приема нитрата серебра как средства от эпилепсии. Но одна из характеристик творчества Коллинза — выстраивать сюжет, преодолевая препятствия. Он достал стопку бумаги и взялся за работу.

Однако некоторые домашние заботы отвлекали его от главного дела. К весне 1871 года — не позже, Кэролайн Грейвз оставила мужа и вернулась на Глостер-плейс, где отсутствовала почти два года. Ее отношения с Джозефом Клоу расстроились по причине или причинам, которые остаются неизвестными, но, конечно, она могла скучать по Коллинзу и своей дочери. В переписи населения 1871 года она обозначена как «вдова» и «домоправительница и домашняя прислуга». Она жила с Коллинзом до конца его жизни, выполняя роль его компаньонки. Кэролайн и ее дочь часто появлялись с ним на публике, посещали театры и выставки. Эти две женщины ездили с ним за границу. Один из его знакомых, встретившийся с ним у Леманнов вскоре после возвращения Кэролайн, отметил, что состояние здоровья и духа писателя заметно улучшилось, он выглядит «очень бодрым и располагающим к себе».

Марта Радд остается на заднем плане, неразли-

---

[29] Примечания: 29

чимой, хотя той же весной она родила Коллинзу еще одну дочь, названную Хэрриет Доусон. Даже если сама Марта Радд никогда не посещала дом на Глостер-плейс, ее детей там всегда охотно принимали. Семья Коллинза, называй мы ее морганатической или как-то иначе, понемногу росла. Содержать двух любовниц, даже по стандартам XIX века, было рискованным положением, но Коллинз, кажется, приспособился к нему совершенно естественно и жизнерадостно. В сочинениях он исследует запутанные или конфликтные отношения, а в жизни остается непроницаемым и невозмутимым. В письме к адвокату по поводу завещания он упоминает «К» и «М», но это одно из редких упоминаний Марты в его переписке. Однако там можно найти немало аллюзий: «дамы» на Глостер-плейс и «две Кэролайн». Не очень ясно, обижало ли такое положение Марту Радд, она могла принять свою роль с благодарностью за предоставленную стабильность. Коллинз всегда заботился о том, чтобы обеспечивать ее и детей, и нет сомнения, что его природная доброта и приветливость щедро проявлялись по отношению к молодой женщине.

Осенью 1871 года новый роман «Бедная мисс Финч» начал печататься в *Cassel's Magazine* в

виде серии выпусков. Он был короче предыдущих, как и планировал автор, и уже через шесть месяцев вышел и в едином томе в издательстве Джорджа Бентли. Более чем двадцатью годами ранее Бентли представлял публике первую работу Коллинза, и теперь издатель возобновил с ним деловые отношения, предложив семьсот пятьдесят фунтов за право публикации.

В то же время наконец обрела сценическую жизнь «Женщина в белом». Пиратская версия была поставлена еще десятью годами ранее, во время выхода первого издания романа, но теперь появилась инсценировка, сделанная самим Коллинзом. Это было сложное предприятие с бесконечной чередой репетиций, длившихся целыми днями, а иногда затягивавшимися до глубокой ночи. Поскольку исполнитель роли графа Фоско был одновременно режиссером, между членами труппы возникало немало разногласий. Один из актеров записал о Коллинзе: «Я восхищался им, потому что авторам обычно… не хватаеттерпения, когда они посещают репетиции написанной ими пьесы». Коллинз оставался «джентльменом, спокойным и сдержанным, всегда готовым улыбнуться, если появлялся шанс, или сказать доброе слово, мягко предлагая свой

вариант, когда этого от него ожидали».

Премьерный спектакль 9 октября 1871 года в театре «Олимпик» длился четыре часа. Тем не менее это был грандиозный успех. Критик *The Times* отметил, что Коллинз «твердо ухватил редко признаваемую истину, что ситуации, кажущиеся драматическими читателю, не всегда остаются драматическими, когда их выносят на свет рампы». Коллинз достаточно хорошо знал, что популярность романа означает, что тайны сюжета уже раскрыты. Он пропустил встречу на Хэмпстед-Хит, разработал подробнее сцены, лишь мельком упоминавшиеся в романе, а основной упор сделала на личность персонажей, а не на сюжетную загадку. Публике это понравилось. Коллинз оставался за кулисами в состоянии нервической дрожи, но его вызвали на сцену, где он оказался в атмосфере всеобщего восторга. Казалось, «весь Лондон» или, по крайней мере, та его часть, что была предана литературно-художественным интересам, присутствовала на премьере. Спектакль шел в «Олимпике» шесть месяцев, в проходах ставили дополнительные кресла, многие жаждущие попасть тщетно толпились у дверей театра. Все это был, по словам самого Коллинза, «огромный успех». Во всяком

случае, он осуществил амбиции и достиг цели — получить деньги от театрального представления.

Краткое улучшение здоровья вскоре пошло на спад. В начале лета приступ подагры приковал его к постели, снова пострадали глаза, так что он почти ослеп. Один из друзей сказал, что они были «буквально *огромными кровяными мешками*». «Знаешь, какого цвета у нее глаза?» — спрашивает персонаж его следующего романа «Мой ответ: нет». «Красного, у бедненькой! Красные, как вареный лобстер». Коллинз принимал «электрические ванны» и катался в коляске на свежем воздухе, летом попробовал целебные процедуры Верхнего Норвуда, принимал хинин наряду с лауданумом. Но все это не было настоящим лечением. На самом деле ему никогда не удавалось полностью восстановить здоровье, от одной болезни он переходил к другой почти без перерывов. Он выглядел рано постаревшим и знал, что впереди его ждет жизнь полуинвалида, все больше и больше зависимого от опиума. Поскольку он провел много дней с повязкой на глазах, его симпатия к бедной слепой мисс Финч из романа, опубликованного в 1872 году, выглядит вполне естественно.

Подзаголовок у него был «Домашняя история», и для кое-кого она была даже слишком домашней; один из рецензентов описал книгу как «роман-сенсацию для воскресного чтения». Сюжет в кратком пересказе сам по себе кажется нелепым. Слепая девушка влюбляется в молодого человека, у которого есть идентичный брат-близнец; к несчастью, кожа юноши посинела из-за приема нитрата серебра, служившего лекарством от эпилепсии. Немецкий хирург возвращает мисс Финч зрение, а брат молодого человека, чья кожа совершенно бела, занимает его место. Чтобы разобраться в деталях последовавшей затем путаницы, проще прочитать роман целиком, чем рассчитывать на краткое изложение. И, конечно же, читателя ждет счастливая развязка, естественный финал всех сочинений Коллинза.

И все же в романе есть странная притягательность, типичная для всех произведений Коллинза. Действует сила любопытства, читатель нетерпеливо следует дальше, чтобы узнать, *что же случится потом.* Коллинз работает тщательно и методично, оставляет ключи и подсказки в подходящих местах, постоянно намекает на «грядущие события» или «свет позднейших событий», которые навсегда изменят жизнь главных героев.

Он непрестанно упоминает что-то «лежащее под поверхностью», некий «скрытый мотив» или «ужасную тайну», и это еще больше провоцирует неутолимое любопытство. Читатель все время находится в предвкушении, едва разрешается один кризис, автор готовит другой. Это подобно долгой прогулке в пейзаже, где вокруг расставлены дорожные знаки и указатели, и вы просто следуете по ним.

«Бедная мисс Финч» не имела поразительного успеха, и Бентли потерял деньги на этом предприятии. История слепой девушки и синего юноши не отвечала общественным вкусам. Иногда говорят, что «Бедная мисс Финч» знаменует начало спада в творчестве Коллинза. Он стал романистом, стремящимся «донести послание», более озабоченным полемикой и аргументами, чем стилем и изобретательностью сюжета. Суинберн[30] заметил по этому поводу:

Что обрекло добрейшего Уилки на заклание?

Злой демон, что шептал: Уилки!

Неси миру послание!

Хлестко, но не вполне точно. Коллинз никогда не терял привычки, впервые проявленной еще в «Иолани», приправлять текст авторскими от-

---

[30] Примечания: 30

ступлениями, некоторые были мудрыми, иные остроумными, кое-какие мудрыми и остроумными, но встречаются и скучнонравоучительные.

Он не пытался читать проповедь, но дидактический элемент всегда присутствует в его сочинениях. У Коллинза не было «миссии», он не жаждал «нести послание», но он обладал *видением*, пониманием человеческих отношений, которые ему хотелось распространять. Это особенно заметно во вступлениях. Однако он никогда не позволял этим «посланиям» подминать под себя сюжет, хотя отвращение к различным конкретным практикам, например к вивисекции, придавало энергию и целеустремленность его прозе. Он считал, что развлекает и рассказывает истории, а не читает лекции.

По правде говоря, все его произведения, от «Бэзила» до финальных незаконченных текстов, составляют единое целое. Прежде всего он был гением построения сюжета. Он превратил процесс рассказывания истории в великолепное искусство. В его руках роман-сенсация и детектив стали предметами красоты именно потому, что он придал им атмосферу реальности. Ясность стиля, богатство выражения были для него самым важным в написании текста. Да, у него не

было гениального проникновения в глубины человеческой натуры, но это еще не дает оснований дисквалифицировать его как художника. Просто его интересовало другое. Его сюжеты являют собой идеально отлаженные механизмы.

«Женщина в белом» и «Лунный камень», вероятно, стали вершинами его творчества, но романистов зачастую несправедливо осуждают за то, что они не могли все сочинения выдержать на уровне главных шедевров. Все его произведения остаются впечатляющими и талантливыми, поразительными и убедительными. Да, его поздние романы сегодня читаются меньше, но современный вкус далеко не безупречен. Темы и предметы, волновавшие викторианцев, могут сегодня выпасть из круга читательских интересов, условности того времени, на которые решительно нападал Коллинз, уже не составляют часть нашего бытия. И все же и сейчас ощущается его живое присутствие в английской литературе.

Можно предоставить заключительное слово на эту тему графу Фоско из «Женщины в белом»: «Приемы литературной композиции мне прекрасно знакомы. Одно из редчайших интеллектуальных достижений, которым может обладать человек, — это великий дар упорядочи-

вать и формулировать свои идеи. Колоссальная привилегия! Я ею владею. А вы?»

16. Другая страна

В начале 1872 года он сказал, что, по крайней мере, еще год не намерен начинать очередную длинную историю. Ему нужен был отдых. Он хотел уехать из страны, но сначала в марте вернулся в Рэмсгейт. Два-три месяца спустя он предпринял привычную поездку в Париж. Его спутники в этих двух путешествиях неизвестны, хотя, должно быть, в одной из них его сопровождали Кэролайн и Кэрри Грейвз. Примерно в то же время Марта Радд переехала с двумя маленькими дочками на Мэрилебоун-роуд; они с Коллинзом посетили мебельный магазин «Хьютсон и Текстон» на Тоттенхэм-Корт-роуд и приобрели там обеденный стол, сервировочный столик, пять столовых стульев, бюро из каштана, кушетку и легкое кресло. Марта жила далеко не в стесненных условиях. Коллинзу было очень плохо. «О боже, теперь прошла подагра, так вернулся ревматизм», — писал он Леманну летом. В семье тоже было неспокойно: трехлетняя дочь Мэриан Доусон сломала ногу. Срочно вызвали Берда, который помог девочке.

Осенью того же года Коллинз впервые остано-

вился по адресу Нельсон-Крессент в Рэмсгейте. На этот раз с ним была Кэролайн Грейвз. В приморском городке он установил любопытную симметрию жизненных условий. Когда приезжал туда с Мартой Радд и их детьми, останавливался на Веллингтон-Крессент, буквально напротив Нельсон-Крессент, но по другую сторону бухты. Соответственно, его двойное семейство благопристойно обслуживали два разных домовладельца или домовладелицы.

Но даже здесь он был погружен в работу, несмотря на необычную для времени года теплую и душную погоду. Он не последовал своему решению воздержаться от написания нового романа. Уже осенью первый выпуск «Новой Магдалины» открыл серию в журнале *Temple Bar,* издании Джорджа Бентли, заменившем прежний *Bentley's Magazine.* История была задумана и как пьеса, и как роман, и с самого начала в ней чувствовалась бодрая сценическая тональность.

Еще в период публикации журнальных выпусков почтенный Чарльз Эдвард Муди, основатель крупнейшей передвижной или «циркулирующей» библиотеки, потребовал изменить название. «Магдалина» означало обратившуюся к исправлению проститутку. Естественно,

Коллинз отказался, сообщив Бентли: «Ничто не заставит меня переменить заглавие… Но серьезная сторона этого дела состоит в том, что невежественный фанатик держит в своих благочестивых руках мой тираж». Возможно, Коллинз сознательно выбрал историю о проститутке как способ увеличить продажи; вероятно, он хотел вернуть публику, которая не оценила «Бедную мисс Финч». Похоже, эта стратегия оказалась успешной, так как продажи *Temple Bar* значительно возросли. Коллинз сказал Бентли, что рад слышать, как первый номер «поднял планку», но самые сильные эпизоды еще впереди. К весне следующего года *Temple Bar* был объявлен «самым продаваемым ежемесячником 1873 года».

А пока печатались выпуски нового романа, состоялась премьера спектакля «Муж и жена» на сцене Театра принца Уэльского. После успеха «Женщины в белом» ожидания Коллинза были весьма высоки. В конце концов, эта история была весьма драматичной и театральной. Ее поставили Сквайр и Мэри Бэнкрофт, пара очень популярных викторианских актеров, которые прежде специализировались на легких комедиях — такие называли «комедиями гостиной» или «драмой чайной пары». Так что пьеса «Муж и

жена» для этих актеров была своего рода отклонением от привычного курса. И вновь Коллинз гальванизировал театральный мир Лондона, билеты вскоре остались лишь на «черном рынке». Газета *Daily Telegraph* сообщала, что на премьере публика «практически полностью состояла из тех, кто в том или другом роде обладал социальным статусом самого почтенного уровня».

Коллинз в очередной раз был на грани нервного срыва и весь спектакль провел в гримерке Бэнкрофта. Но его тревоги оказались беспочвенными. Как он позднее написал другу, «это был определенно исключительный успех. Амфитеатр встал и изо всех сил приветствовал, когда я показался перед занавесом». Бэнкрофты были известны реализмом декораций, что могло способствовать иллюзии подлинности, и впервые на лондонской сцене они стали использовать электрическое освещение в эпизоде бури. Театр был постоянно полон. Принц Уэльский дважды смотрел спектакль, в том числе пригласив с собой российского царевича и царицу. Коллинз стал драматургом дня, и директор театра «Олимпик» попытался купить у него права на «Новую Магдалину».

Однако светлый период в жизни Коллинза вскоре был прерван новыми трагическими собы-

тиями. В начале апреля его брат Чарльз Коллинз умер после продолжительной болезни. Судя по всему, в конце он страдал от рака желудка, но не исключено, что у него была чахотка. Для всех близких смерть Чарльза выглядела его освобождением от невыносимых мучений. Уилки Коллинз записал, что брат умер «без боли и без сознания», но один из друзей отметил, что Уилки Коллинз был «чудовищно сокрушен» этой потерей. Через несколько дней после похорон он отправился поездом в Рэмсгейт, чтобы собраться с силами.

Жизнь Чарльза Коллинза была не особенно удачливой и, вероятно, несчастной, он никогда и ни в чем не достигал успеха. Он всегда был окружен людьми более талантливыми и энергичными, чем он сам. Во вступлении к «Словарю национальных биографий» Коллинз написал о Чарльзе: «… свойственно скромной и чувствительной натуре недооценивать собственный успех. Его идеал был высоким, и он никогда не достиг удовлетворения своих собственных устремлений».

Коллинз сообщал Бентли: «У меня едва ли было мгновение для самого себя с прискорбного дня, когда умер мой брат». «Новая Магдалина» должна

была вот-вот выйти отдельным томом, и он был уже занят репетициями ее сценической версии, которую ставили в «Олимпике». Он хотел быть уверенным в том, что премьера состоится сразу после выхода книги, чтобы избежать театрального «пиратства». Один из актеров вспоминал, как на репетициях Коллинз сидел с рукописью за маленьким столиком возле ламп, делая вырезки и исправления в тексте по мере необходимости.

Роман вышел 17 мая 1873 года, а спектакль состоялся на два дня позже. «Новая Магдалина» — история исправившейся проститутки Мэрси Мэрик; она присваивает личность порядочной женщины Грэй Розбери, с которой встретилась прямо на поле боя во время Франкопрусской войны. Она полагает, что достойную даму убил немецкий снаряд, а потому забирает ее вещи и документы, чтобы начать новую жизнь, свободную от позора. Женщина возвращается в Англию и благодаря фальшивой личности становится платной компаньонкой богатой англичанки. Именно тут начинается настоящее действие романа. Хирург спас Грэй Розбери. И вот она появляется в доме, куда устроилась Мэрси, с намерением разоблачить мошенницу. Мэтью Ар-

нолд[31] утверждал, что «Новая Магдалина» была его любимым сенсационным романом, в котором есть дикая драматическая мощь, волнующая и захватывающая читателя, в книге есть необычайная интенсивность и эмоциональность.

Он встретил одного такого читателя в вагоне поезда. Священник с двумя дочерями оказались его попутчиками. Когда священник заснул, одна из молодых дам тихо достала книгу из сумки и случайно уронила ее, Коллинз подобрал том и увидел, что это «Новая Магдалина». Девушка покраснела, обнаружив, что он раскрыл ее секрет чтения. «Это так ужасно», — сказала она сестре. Но вскоре погрузилась в роман, совершенно им поглощенная. Заметив, что отец просыпается, она быстро вернула том в сумку. А когда поймала взгляд Коллинза, снова покраснела.

Сценическая версия имела огромный успех, и Коллинза вызывали на поклоны не только в финале, но и между актами, что было беспрецедентным случаем. Он сказал Джорджу Бентли: «Не думаю, что когда-либо видел в театре такой энтузиазм». В течение XIX века постановка неоднократно возобновлялась, а перед Первой мировой войной сняли немой фильм.

---

[31] Примечания: 31

Он надеялся, что успех пьесы гарантирует хорошие продажи романа и что ропот публики заставит Муди закупить достаточное количество тиража для своей передвижной библиотеки. Однако такого спроса не возникло, и на руках у Бентли осталось немало нераспроданных экземпляров. Коллинз был так обескуражен этим относительным провалом, что всерьез обдумывал, не стоит ли ему бросить рассказывание историй и сосредоточиться вместо этого на театре. Однако в это время поступило новое предложение. Весной к нему обратились с просьбой совершить тур по Соединенным Штатам с чтением своих книг. Другие английские романисты, прежде всего Чарлз Диккенс, доказали, что переезд из города в город с книгой в руке — весьма прибыльное предприятие. Коллинз полагал, что мог бы заработать значительную сумму, так что на предложение согласился. Прежде всего нужно было к этому подготовиться. Летом на благотворительном приеме в театре «Олимпик» он прочитал расширенный вариант рассказа «Ужасно странная кровать». Он отлично знал, что не сможет выбрать эпизоды из своих романов из-за сложных механизмов сюжета, а потому полагался на интонацию и атмосферу коротких историй.

Летнее чтение принесло смешанные отзывы. Журналист Перси Фитцджеральд сообщал, что все было «исключительно домашним… он умный человек, но впечатление, которое произвел, наводило на мысль, что из всего разнообразия мира он выбрал то занятие, которое ему подходит в наименьшей мере». Актер Фрэнк Арчер говорил: «Ему не хватает физических и прочих данных для роли публичного чтеца, но, полагаю, то, что он делал, было искренним и впечатляющим». Рецензия в *Pall Mall Gazette* предостерегала Коллинза от амплуа актера, советуя придерживаться роли лектора, «иначе он выставит себя в нелепом виде». Невысокий и преждевременно постаревший, он не обладал броской и притягательной внешностью прирожденного исполнителя. Он надеялся на успех, готовясь к атлантическому вояжу.

Он отправился в Америку 13 сентября, но, прежде чем покинуть Англию, уладил все дела. Написал новое завещание, в котором выделил щедрую долю Марте Радд и ее детям, а также Кэролайн Грейвз и ее дочери. Он также попросил адвоката Уильяма Тинделла заботиться в его отсутствие о двух этих семьях. Он сделал страховку на мебель в доме Марты Радд. Он поднялся на

борт «Алжира» в Ливерпуле и после двенадцати дней непримечательного путешествия прибыл в Нью-Йорк. Фештер ждал его на набережной и сопроводил Коллинза в отель «Вестминстер», где они вместе поужинали. «Вы здесь встретите друзей, куда бы ни направились», — сказал ему Фештер.

Вокруг и вправду было много друзей и много репортеров. Коллинз знал о своей популярности в Америке, уступавшей только славе Диккенса. Например, продажи «Новой Магдалины» были огромными по сравнению с Англией. Однако, поскольку не существовало договора с Америкой об авторском праве, доходы его были не слишком велики. Ему рассказали, что один американский издатель продал сто двадцать тысяч экземпляров «Женщины в белом», на что Коллинз ответил: «Никогда и шестипенсовика мне не прислал». Тем не менее его основные издатели в Америке, «Харпер энд Бразерс», выпустили новое «библиотечное издание» в честь прибытия автора. Газеты публиковали бесчисленные отчеты о его деятельности еще до начала первого чтения.

Так, 27 сентября он был почетным гостем клуба «Лотос», где собрались многие нью-йоркские знаменитости; он произнес речь, в которой интер-

претировал проявленное к нему гостеприимство как «признание английской литературы, свободной, спонтанной и искренней». В эту первую неделю на американской земле он жил в обстановке «общественного водоворота» — ужины и завтраки, встречи и речи стремительно сменяли друг друга. Завтрак на двадцать четыре персоны в «Юнион клубе» в Нью-Йорке включал крепкие напитки, речи и запеченную утку-нырка.

Как и другие знаменитые английские гости, он находил внимание прессы весьма неприятным. Репортеры поджидали его в коридорах и общественных помещениях, они даже следовали за ним в частные дома. Как-то днем у Коллинза была встреча со знакомой, и едва они обменялись приветствиями, в их разговор вмешалась дама «с маленькой черной собачкой в одной руке и визитной карточкой в другой». Она представилась как репортер какой-то газеты и просила уделить ей несколько минут для разговора. Коллинз обернулся к приятельнице, чтобы извиниться за это вторжение, но та не видела в этом ничего странного. Она рассмеялась и сказала, что все это «хлеб насущный» для журналистов. В этом ярко выразилась разная степень чувствительности к приватной жизни между Америкой и Англией.

На самом деле его так активно преследовали журналисты, что он предпочитал встречаться с ними группами, а не с каждым по отдельности. Как-то раз он столкнулся с целым отрядом из дюжины женщин-журналисток, ожидавших его в гостиной отеля. «Позвольте мне обнять вас от лица всей компании», — заявила одна из них, по словам Коллинза, «самая старшая и некрасивая… полагаю, вид у меня был довольно мрачный, по крайней мере, так я себя чувствовал».

И все же он был очарован американцами, с которыми ему довелось познакомиться. Они были открытыми, жизнерадостными и свободными, они не подчинялись условностям викторианской Англии, которые от всего сердца ненавидел сам Коллинз. В них не было лицемерия и холодных «хороших манер» английского среднего класса. Однако у них, как он заметил в шутку, были и мелкие недостатки: они не насвистывали под нос, не держали при себе собак и никогда не прогуливались.

Он согласился на десять чтений, и первое из них было намечено в Олбани. Там он прочитал расширенную версию «Женщины из сна», историю о жене-убийце. Он попросил аудиторию вообразить себя группой друзей, сидящих

в гостиной у старого приятеля, — именно такое настроение пытался создать на своих чтениях Диккенс. Коллинз напомнил собравшимся, что он не актер. Иначе говоря, не собирается имитировать красочную манеру Диккенса. Одному из английских друзей он потом рассказывал: «Мой способ чтения удивил их… потому что я не выхватывал нож для разрезания бумаги и не вонзал его в пол, не ударял по столу». Всё это детали диккенсовских выступлений на публичных чтениях. Коллинз был более сдержанным и застенчивым человеком. И все же его ждал успех. Первое чтение «так захватило аудиторию, что никто даже не пошевелился». Он обладал даром рассказчика, даже если и не был яркой персоной.

Он читал «Женщину из сна» и в Филадельфии в середине октября, но один газетный репортер заметил: «Было не слишком приятно слушать знаменитого англичанина, в присутствии нескольких сотен невинных девушек описывавшего, как испорченная, падшая женщина таинственным образом убила своего мужа, захватила в свои сети двух других мужчин, а затем заколола до смерти в пьяном безумии». Сенсационность Коллинза порой казалась чувствительным натурам слишком сильной.

Он провел два или три чтения в Бостоне в конце месяца, и мюзик-холл был «заполнен вплоть до последнего места». *Boston Evening Transcript* сообщала: «Он показал со всей очевидностью великую силу мимики и хорошее владение голосом». Одна дама из бостонского высшего света была не так впечатлена. Энни Филдз жаловалась, что «он говорил быстро и приятным голосом, но совсем не вдохновлял… Человек, которого чествовали и восхваляли в лондонском обществе, склонный к перееданию и выпивке, был явно болен, страдал подагрой, короче говоря, вовсе не был образчиком чудесного человеческого существа».

В начале ноября он вернулся в Нью-Йорк, чтобы участвовать в постановке «Новой Магдалины» на Бродвее. Спектакль пользовался почти таким же успехом, как лондонская постановка, публика в конце четвертого акта кричала: «Коллинз, Коллинз!» — он трижды выходил на поклоны перед занавесом. Однако нью-йоркские критики были значительнее, чем их лондонские коллеги, шокированы самой историей об исправившейся проститутке. Обозреватель *Daily Graphic* писал: «Пьеса столь порочная, столь бесстыдно пропагандирующая такие идеи, никогда еще не ставилась на нью-йоркской сцене». Тем не менее-

спектакль оставался фаворитом публики и после трех недель в городе отправился в расширенное турне по стране.

Вечером на следующий день после премьеры Коллинз читал «Женщину из сна», сидя за столом на сцене Зала собраний. Согласно *New York Times*, публика «замерла в молчании, затаив дыхание, слушая чтеца», а «большое число молодых дам смотрели на чтеца тем застывшим взглядом, которым только дамы умеют вцепляться в джентльмена, обладающего литературной известностью». Его слава повсюду опережала его. Когда он шел по улицам Нью-Йорка, по дороге на очередной публичный завтрак его остановил молодой человек, узнавший Коллинза по фотографиям. Молодой человек попросил автограф и немедленно извлек из карманов лист бумаги, ручку и чернильницу. «Как я смогу написать?» — спросил его Коллинз. «Вы можете положить лист мне на спину». Молодой человек развернулся и наклонился, словно они играли в «лягушку». Коллинз был поражен.

Несмотря на слабое здоровье, Коллинз перенес длинные переезды из города в город на поездах. Он даже смог выдержать пятнадцать часов в пути от Монреаля до Торонто, хотя в этом ему

помогли сухое шампанское и холодная индейка. В Торонто он испытывал приступы ревматизма и от перспективы посещения Ниагарского водопада был не в восторге. «Что такого особенного делает водопад? Помимо того что я вообще не люблю водопады, они ужасно шумят». Однако в итоге впечатление оказалось ярким.

В начале 1874 года он вернулся из Канады в Соединенные Штаты с намерением отправиться на запад. Изначально он надеялся посетить Солт-Лейк-Сити, центр проживания мормонов, но в итоге добрался не дальше Чикаго. Непрестанные железнодорожные поездки начали сказываться на его здоровье, и он обнаружил, что не может как следует отдохнуть в спальном вагоне. Он без сожалений покинул Чикаго, где его «переутомили скучные однообразные большие кварталы домов из железа и кирпича». Он решил вернуться в Бостон и следующие два месяца читал в различных городах Новой Англии. Сухой воздух этого региона приносил ему ощутимое облегчение. У него ни разу не было болевых приступов, и он почти забыл о подагре. «В *вашей* стране, — сказал он одному американскому знакомому, — я чувствую себя двадцатипяти летним. В *моей* я (нередко) ощущаю себя на девяносто пять».

В Бостоне в честь Коллинза устроили прием, на который пришли великие американские писатели Лонгфелло и Твен, чтобы засвидетельствовать ему свое почтение. Марк Твен произнес речь, а Оливер Уэйд ел Холмс прочел поэтическую хвалу гостю. Затем каждому джентльмену поднесли конфетную коробку, обтянутую турецким сафьяном, внутри находились фотография и автограф английского автора. Первоначально Коллинз планировал остаться в Америке до конца марта, но новости из Англии потребовали скорейшего отъезда. Домовладелец Марты Радд решил продать строение на Мэрилебоун-роуд, что вынуждало Марту с дочерьми съехать, если, конечно, «мистер Доусон» не пожелает выкупить участок. Коллинз этого делать не собирался, и, хотя у Марты было право на уведомление за три месяца до выселения, теперь Коллинз должен был поскорее подыскать семье новое жилье.

На продолжительном туре он заработал примерно две с половиной тысячи фунтов, десятую часть от сборов Диккенса, но и этого было достаточно, чтобы считать путешествие выгодным. Он заработал меньше, чем мог бы, потому что ради сохранения здоровья реже выступал с чтениями. Но в целом он был очень доволен, завел новых

друзей, наслаждался открытым восторгом публики. «Энтузиазм и доброта их были настоящими и превосходили мои самые радужные ожидания, — писал он. — Я был бы самым неблагодарным человеком на свете, если бы не сохранил наилучшее мнение об американском народе». 7 марта он поднялся на борт «Парфии» и отправился из Бостона в Ливерпуль.

17. Демонстративно

Он сошел на берег в Ливерпуле 18 марта и на следующий день был в Лондоне. Он сразу направился на Глостер-плейс, но явно должен был вскоре после этого посетить Марту Радд и дочерей на Мэрилебоун-роуд. В этом скорейшем воссоединении сомневаться не приходится и потому, что девять месяцев и семь дней спустя Марта родила третьего ребенка.

Самой насущной задачей по возвращении было найти для нее новый дом, но не то сама Марта, не то адвокат Коллинза опередили его. Уже через неделю после его прибытия Марта и дети переехали на Таунтон-плейс, в нескольких ярдах к северу от прежнего адреса; это был коттедж в ряду подобных, по соседству с Риджентс-парком; здесь Марта и ее растущая семья прожили следующие пятнадцать лет. Такой коттедж «на боковой улице, прямо рядом с парком» описан в следующем романе. Там было два этажа, по три комнаты на каждом, он был «просто, но симпатично обставлен и полностью окружен собственным крошечным садом». Дом стал основным местом

семейной жизни Коллинза. «Работа, прогулки, посещение моей морганатической семьи, такова моя жизнь», — сообщал он Фредерику Леманну. В этом круговороте были и свои преимущества, он считал, что все это помогает ему порой «убежать» от ревматизма. Однако по возвращении он сразу почувствовал влияние английского климата: глаза пожелтели, заболела голова.

Тот факт, что ему приходилось нести ответственность уже за троих детей, заставило Коллинза задуматься о финансах. Не было передышки от постоянного сочинительства, и вскоре после возвращения из Соединенных Штатов он приступил к работе над тринадцатым своим романом. Осенью того же года «Закон и женщина»[32] открыл новую серию выпусков, на этот раз в журнале *Graphic.* Параллельно он приступил к «новеллизации» пьесы «Застывшие глубины» для журнала *Temple Bar,* а также написал рассказ «Роковая судьба» для *AH the Year Round,* которым теперь управлял Чарлз Диккенс — младший.

Его также заботила ситуация с «проработкой» авторских прав. Он собирался подписать договор с Джорджем Бентли на переиздание всех прежних романов в виде недорого издания, он сказал

---

[32] Примечания: 32

Бентли, что ему предстоит сделать некие большие платежи «и на горизонте новые расходы»; нет сомнения, что он подразумевал очередного ребенка. Он уже готов был поставить подпись под договором, когда неопытный на тот момент издатель Эндрю Чатто выступил с лучшим предложением. Он согласился заплатить Коллинзу две тысячи фунтов за право публикации всех его ранее написанных сочинений, речь шла о семилетней лицензии с сохранением авторского права за Коллинзом. Это было очень выгодно, и со временем появились издания романов Коллинза по цене два шиллинга, что означало доступность его произведений для более широкого круга читателей, к которому он всегда стремился. Все последующие романы Коллинза также печатались компанией «Чатто энд Виндус».

Третий ребенок, первый сын Коллинза, родился в рождественский день 1874 года. Коллинз сообщил адвокату, что получил «рождественский подарок в виде крупненького мальчика». Ребенка назвали Уильям Чарльз Доусон в честь отца и брата Уилки Коллинза; по новому закону он был зарегистрирован Мартой Радд два месяца спустя. Мальчик вскоре стал известен как «малыш Чарли». Можно вспомнить еще одно рождественское

memento. Коллинз заказал маленькие рождественские карточки с поздравлением, под его фотографией упоминались некоторые из его романов. «Счастливого Рождества. “Игра в прятки” и веточка омелы, чтобы сегодня под ней поцеловались. Припомним “Без права на наследство», “Тайну” и прекрасную “Женщину в белом”».

Роман «Закон и женщина» был опубликован Чатто в феврале 1875 года сначала в уже знакомом трехтомном формате, столь удобном для передвижных библиотек. Сюжет романа в очередной раз выстроен вокруг юридического казуса, Коллинз вновь обращается к любимой теме нелепых законов, разрушающих жизнь нормальных людей. В центре внимания — загадочное убийство (или не убийство?), разгадка ждет читателя в самом финале. Валерия вышла замуж за человека, тщательно скрывавшего свое прошлое; выясняется, что Юстас Макаллан женился на ней под вымышленным именем. Он скрыл, что уже был женат, его супруга погибла от отравления мышьяком, и он был главным подозреваемым. Доказать его вину никто не смог, но не удалось и снять все сомнения в его виновности. В итоге шотландский суд вместо вердикта «не виновен» вынес компромиссный, но вполне легальный

вердикт «освобожден, так как вина не доказана». Это бросает тень на репутацию Юстаса и вынуждает его сменить имя и разорвать прежние связи. Молодая жена Валерия не верит в то, что ее возлюбленный супруг — убийца, и энергично берется за расследование, так что перед нами еще одна типично коллинзовская женщина-детектив, смелая и независимая.

Интрига занимательна и усложнена запутанными семейными отношениями Юстаса Макаллана. Герой намного старше Валерии, в его бороде проступает седина, он хромает. Это, конечно, не автопортрет, но сходство с писателем бросается в глаза. По мере того как отважная дама ведет расследование вопреки советам родных и близких, в истории появляется еще и настоящий инвалид, безногий и полубезумный гений Мизериус Декстер, один из свидетелей по делу об отравлении первой жены Юстаса, весьма подозрительный тип, этакая кошмарная трансформация образа Коллинза, достигающая стадии гротеска. Декстер — дивный рассказчик, оказывающий огромное влияние на свою сестру: «Она с огромным удовольствием слушает мои истории. Я озадачиваю ее так, что она впадает в состояние отрешенности, и чем больше я смущаю ее,

тем больше ей нравится моя история». Безногий гений погружен в мир мрачных и похотливых фантазий, и некоторые детали позволяют нам вообразить, что таким видел себя автор — в одной из ипостасей своей личности. Кстати, в одном эпизоде Декстер облачается в розовый шелк — известно, что Коллинз носил розовые рубашки.

Роман оказался не во вкусе критиков, по словам рецензента *Athenaeum,* это «возмутительный бурлеск по собственному поводу». Там и правда есть нечто театральное, даже балаганное. Обозреватель *Leader* отметил, что для Коллинза «жизнь в буквальном смысле представляет собой тайну и загадку. Причины человеческих поступков должны быть скрыты в потаенных углах, все бредут по кривым дорожкам… Он обитает в мире странных и зловещих фантазмов, и все они принадлежат самому автору». Однако, если роман «Закон и женщина» и заполнен гротескными мечтами, следует отметить, что он превосходно выстроен и мастерски исполнен в жанре таинственной истории с непредсказуемым финалом. В целом он красочно описывает важнейшие свойства зрелой викторианской цивилизации. Публика оказалась добрее критиков, Коллинз оставался на гребне внимания, книгу раскупали с энтузиазмом.

Он снова отправился в путь, как привык поступать по завершении больших проектов. Он неделю провел в Париже, а затем, чтобы поправить ухудшившееся здоровье, отправился на восточное побережье. Теперь ко всему прочему добавились проблемы с почками. В октябре он решил побывать в Брюсселе и Антверпене в компании Кэролайн Грейвз, чтобы подготовиться к испытаниям надвигающейся зимы. Но, едва вернулся, сразу сел за работу над новым романом «с налетом сверхъестественного». «Две судьбы» имеют несчастливую участь считаться наименее успешным романом Коллинза, хотя в этом случае на результат мог повлиять особенно болезненный период «подагры глаз», из-за которого автор чувствовал себя слишком слабым, он буквально заставлял себя диктовать отрывки романа Кэрри Грейвз, и ежемесячные выпуски были короче обычного. Он жил как отшельник, никуда не ходил, никого не принимал.

«Две судьбы» рассказывают о странной участи двух влюбленных, разделенных в самом начале их романтических отношений, встретились они снова довольно внезапно, но по причинам, которые отчасти остаются туманными, не смогли узнать друг друга. Следует ряд сверхъестествен-

ных явлений, в которых влюбленные взывают друг к другу во сне или видении, и после множества мелодраматических приключений, наконец, они соединяются, когда она узнает детский памятный сувенир, который он повсюду носит с собой. Это довольно простенькая история, сотканная из нежных чувств и сентиментальности, она может служить свидетельством того, как ослабевает талант под воздействием серьезной болезни.

Неудивительно, что и этот роман представляет собой коллекцию всех очевидных викторианских условностей, под властью которых герои становятся чрезмерно тревожными и излишне утонченными, малейший намек на сексуальность вызывает у них панику и способен лишить предмет любви всякого очарования, ведь даже мысль о сексуальности отвратительна и груба. В эпоху, когда некоторые женщины продавали себя прямо на улицах, тем важнее было для благородной дамы сохранять абсолютную чистоту и совершенную нетронутость. Если мужчина положил ладонь ей на руку, она звала на помощь. Это атмосфера «Двух судеб». Несмотря на прежнее вольномыслие, стареющий Коллинз вернулся к викторианским сентиментам, его ум туманился,

и нормы традиционной морали казались ему не поводом для дерзости, а чем-то возвышенным, юным и прекрасным.

И все же его театральная деятельность не прекратилась полностью. Инсценировка «Армадейла» под названием «Мисс Гвилт» появилась на сцене в Ливерпуле, прежде чем «прийти» в столицу. О премьере в театре «Александра» в Ливерпуле Коллинз сказал: «Нам очень повезло. Публика приняла пьесу с распростертыми объятиями». Он не был так жизнерадостно настроен по отношению к лондонской постановке в театре «Глобус» на Ньюкасл-стрит. Декорации не были доделаны, управление театром находилось в руках «бездарных идиотов и мерзавцев»; когда он как-то вечером, в восемь часов, посетил театр, плотники были совершенно пьяны. Огорчение его было так велико, что он боялся спрашивать знакомых про их впечатления от премьеры. Он предрекал катастрофу, но, к его облегчению, публика осталась довольна спектаклем.

На самом деле «Мисс Гвилт» была новым произведением, значительно переписанным ради уважения к чувствам английской публики, которая не могла принять появление на сцене сомнительной дамы — двоемужницы и убийцы.

В пьесе она стала более симпатичной личностью, больше жертвой греха, чем грешницей.

Восемью месяцами позже, в ноябре 1876 года, на сцене театра «Олимпик» на Уич-стрит состоялась премьера пьесы «Проход закрыт»; однако директор вызвал недовольство Коллинза тем, что подобрал исполнителей, не советуясь с автором. В итоге писатель отказался иметь дело с постановкой, помимо договора, что гарантированно состоится не менее тридцати спектаклей. Потом с явной неохотой Коллинз согласился посетить репетиции. Следующим летом в театре «Лицей» была поставлена «Тайна», а в начале осени в театре «Ройял Олимпик» состоялась премьера «Лунного камня». Последняя постановка успеха не снискала. Коллинз «адаптировал» ее почти до неузнаваемости, удалив несколько ключевых персонажей и полностью исключив даже упоминание опиума. Спектакль продержался лишь девять недель.

Он не оставил привычки устраивать каникулы после окончания работы, на этот раз поехал в Париж и Швейцарию в поисках «запасов крепкого здоровья», поскольку его мозг был «истощен» тяжелым трудом, а тело едва выживало от мучительной подагры, ревматических болей; он

жаждал перебраться в сухую атмосферу континента. Летом 1877 года ему было так плохо, что он с трудом смог забраться в экипаж. Пришло время покинуть сырой Лондон. Осенью того же года он предпринял более сложный тур по Тиролю и Северной Италии вместе с Кэролайн Грейвз. Кэрри Грейвз осталась в Лондоне, чтобы заниматься домом и вести корреспонденцию, в письмах она обращалась к Коллинзу «крестный» и «крестный папа». Без сомнения, к этому времени позиции Кэролайн Грейвз окончательно упрочились. Она стала официальной компаньонкой Коллинза.

Он решил следовать туда, где можно было рассчитывать на сухой воздух. Они с Кэролайн провели некоторое время в Брюсселе, затем неспешно перебрались в Мюнхен. Затем хаотично перемещались по Северной Италии и к концу ноября оказались в Венеции, результатом этого визита стало феерическое произведение в стиле гран-гиньоля — «Отель с привидениями», печатавшееся в виде отдельных выпусков в журнале *Belgravia.* Путешествие-лабиринт в поисках здоровья, кажется, было вполне успешным, Коллинз сообщал о существенном укреплении духа и возвращении сил перед лицом наступающей зимы. Друзья говорили ему, что он выглядит на

двадцать лет моложе. Однако это была его последняя поездка на Континент.

Домашняя ситуация изменилась, когда весной следующего года Кэрри Грейвз вышла замуж за молодого респектабельного юриста, в контору которого Коллинз перевел свои дела. В ее свидетельстве о браке зарегистрирован союз с мистером Генри Бартли, при этом Кэрри последовала примеру матери и снизила возраст на три года, она также указала, что ее отец «армейский капитан», в то время как он был лишь клерком в адвокатской конторе. Одна за другой у молодой пары появились три дочери. Коллинз стал крестным отцом первой из них, но все девочки влились в единую большую семью.

Кэрри продолжала исполнять роль секретаря Коллинза, когда появлялось время, но иногда приходилось привлекать в помощь ему других лиц. Однако его рабочие привычки отличались постоянством. Перед окном кабинета на втором этаже дома по Глостер-плейс стоял большой письменный стол, дополненный потертым ящиком для письма, этим переносным устройством Коллинз пользовался еще со школьных лет. Рядом находилась коробка с записками, необходимыми для составления истории и описания

персонажей. Также под рукой были две записные книжки с вырезками из газет, одна озаглавлена «Идеи для сцен и инцидентов», вторая — «Идеи для персонажей».

Он бесконечно вносил исправления, множество изменений, дополнений, вычеркиваний, превращая рукописи в настоящий хаос. Использовал гусиное перо. Его рукописи создают впечатление, что он был, говоря словами Уолтера де ла Мара, «скорчившийся, словно червь в коконе, сплетенном из собственных внутренностей, чернила — его нектар, одиночество — его рай, самый изнурительный земной труд одновременно и его радость, его отчаяние, его успокоительное и источник вдохновения». Первую версию он отсылал писцу, затем копия, сделанная писцом, становилась предметом двух слоев редактирования, и только потом окончательный вариант отправлялся к печатнику. Оттуда приходила корректура, и по набранному тексту Коллинз еще разпересматривал текст и отсылал для внесения поправок. Когда сочинение переходило из журнальной версии в книжную, оно подвергалось еще одной правке. У Коллинза был и свой «гектограф» — машина, позволявшая делать копии с оригинала. Он всегда был усердным тружеником,

хотя и жаловался на постоянную усталость.

И в последние годы количество усилий и степень сосредоточенности на работе определенно не уменьшились. В начале 1879 года начались выпуски нового романа в журнале *World.* «Опавшие листья» посвящены отверженным викторианского мира. Отчасти история была связана с идеями молодого социалиста с не совсем подходящим для такого дела именем Амелиус Голденхарт (золотое сердце) об исправлении проституток. Коллинз предупредил своего канадского издателя: «На этот раз я затрагиваю очень трудные и деликатные темы». Он создал образ молодого американца на основе книги Чарльза Нордхоффа «Коммунистические общества Соединенных Штатов» и, в частности, отчета о деятельности коммуны Онейда в штате Нью-Йорк и в Новой Англии; он противопоставил социализм молодого героя тиранническим силам современного мира. «На полу кухни лежали мужчины, женщины и дети, тесно прижавшись друг к другу, плотными рядами. Призрачные лица в тревоге обращались к нему из сумрака там, где падал на них свет фонаря. Вонь заставила Амелиуса отшатнуться, он почувствовал тошноту и содрогнулся». Когда Голденхарт женится на проститутке, это может

показаться актом доброты, однако выдержать благие решения в течение долгого времени оказывается непросто.

Роман не имел успеха ни у критиков, ни у публики. Его сочли «низким». Коллинз планировал продолжение, но плохие продажи заставили его отказаться от эксперимента, в своей следующей книге он сказал, что «Опавшие листья» достигли «лишь весьма ограниченного класса читателей в Англии». Он надеялся, что издания за шесть шиллингов будут продаваться лучше, но был разочарован. Вероятно, сам предмет повествования оказался слишком рискованным даже для наиболее просвещенных викторианских читателей.

На самом деле это один из его наиболее амбициозных и полемических романов, в котором он бросает вызов тому, что называет «демонстративной моралью» современников. Во многих сочинениях Коллинз ставил под сомнение то, что можно назвать маскулинными структурами общества: он дразнил чопорных викторианцев, прямо указывая на сексуальную двойственность персонажей, насмехался над нелепым культом мужественности, гневно осуждал чрезмерные имущественные права мужа, установленные в

ущерб правам жены. «Этот мир труден для женщин, — говорит один из персонажей “Опавших листьев”, - и права собственности — чертовски серьезная и скверная причина для этого». Викторианский уклад жизни оценивается в романе как «обман» и «маскарад», и возникает ощутимое, хотя и невысказанное подозрение, что другие аспекты жизни общества XIX века не менее иллюзорны и фальшивы. Как горько звучит фраза из романа: «Мужчины устроили это так». Коллинз был не одинок в своем походе в защиту женских прав. В середине века социальная зависимость женщин обсуждалась уже весьма активно, многие стали говорить об этом как о «системе», требующей осмысления и пересмотра.

Бросая вызов этому составленному мужчинами общественному соглашению, Коллинз делает своих героинь независимыми и самостоятельно мыслящими, способными восстать против традиционных ролей. Он продолжает осуждать мужчин, которые, как в романе «Муж и жена», «страстно увлечены конными скачками, атлетическим спортом, курением трубок, пивом, бильярдом и ставками. Они все глубоко невежественны во всем другом, что только есть в мире».

Религия XIX века в «Опавших листьях» тоже

становится предметом нападок. «Христианство, которому учил Христос, — заявляет один из персонажей, — давно перестало быть религией христианского мира. Эгоистичное и жестокое Притворство заняло его место». Голденхарт говорит, что палата лордов — «это ассамблея людей, которых никто не выбирал, и потому она не имеет права на существование в стране, по-настоящему свободной». Что касается палаты общин, «нынешние ее члены принадлежат к классам общества, которые совершенно не заинтересованы в обеспечении народных потребностей и облегчении народного бремени». Все они мошенники. Конечно, известная ошибка путать персонажей и автора, но трудно избежать ощущения, что автор испытывает симпатию к чувствам и взглядам Голденхарта. «Опавшие листья» — самая мощная и страстная критика викторианского общества, когда-либо созданная романистом. Он посвятил этот роман Кэролайн.

18. Боль в груди

Теперь его излюбленным курортом стал Рэмсгейт, спокойное место уединения и отдыха. Он ненавидел Брайтон, где по каким-то причинам не мог ни есть, ни спать, от этого города его бросало в «холодный пот». Он избегал Бродстэрса, с ним было связано слишком много воспоминаний о более счастливых днях, проведенных с Диккенсом и его семьей, теперь для Коллинза он стал «самым мрачным местом на свете». Так что оставался Рэмсгейт. Морской воздух помогал ему восстанавливать силы, и доктор рекомендовал почаще прибегать к его целительному воздействию. Коллинз говорил Эдварду Пиготту, что «Берд, кажется, думает, что моя судьба *жить* в Рэмсгейте». Это было совсем непрактично, учитывая необходимость содержать два дома в Лондоне. Тем не менее он старался проводить все больше времени на взморье.

Туда можно было добраться пароходом или поездом от станции Лондонский Мост. Он арендовал паровую яхту «Филлис», стоявшую на причале в гавани; он описывает ее как «славный

маленький пароходик… предмет восхищения морской части человечества. Механик выше дымовой трубы и с трудом может втиснуться в свои владения рядом с мотором». Он нередко говорил, что совершенную радость можно найти, лишь «когда ты в море, на роскошной паровой яхте, в ясный летний день».

С Кэролайн он останавливался в доме 14 по Нельсон-Крессент, а с Мартой по адресу Веллингтон-Крессент, 27, где его знали под именем Уильяма Доусона. Обе семьи — теперь включая дочерей Кэрри и детей Марты — счастливо и благополучно смешивались, однако Марта и Кэролайн никогда не встречались. По утрам он работал за своим переносным ящиком для письма, а затем рыбачил, гулял, ходил под парусом, проводил в море по два-три часа подряд.

Но работа никогда не покидала его мысли. Один из персонажей его следующего романа «Сердце и наука» замечает: «Можно, я закончу главу, прежде чем завтра выйду в море?» Всего через два месяца после публикации «Опавших листьев» пресса объявила о скором выходе его новой книги. «Дочери Иезавели» печатались по частям в *Boston Weekly Journal* и двенадцати других газетах Северной Англии — такое соглаше-

ние заключил с ним предприниматель Уильям Фредерик Тиллотсон, основавший «Бюро художественной литературы», чтобы выводить на рынок романы, достигая максимальной широты охвата читательскойаудитории. Коллинз всегда стремился открывать нового читателя, так что охотно отозвался на такую инициативу.

В начале 1880 года он сообщил Эндрю Чатто, что «готова новая история для книжной публикации». Он выражал некоторые сомнения, что, возможно, слишком торопится, и заверял, что понимает все сложности перепроизводства. Но в итоге «Дочери Иезавели» продавались хорошо.

По сути, этот роман был переработкой «Красного флакона», мелодрамы, поставленной на сцене более двадцати лет назад и осмеянной настолько, что пришлось быстро снять спектакль со сцены. Коллинз определенно надеялся, что время окажется великим целителем для истории про идиота, женщину-отравительницу и воскресение из мертвых в морге. И снова он воззвал к силе судьбы, определяющей жизнь его персонажей. «Никогда не мог несчастный человек оказаться более невинным инструментом обмана, игрушкой в руках Судьбы, чем я в этом роковом путешествии». И снова он полагается на

машинерию поразительных совпадений. И снова вводит в действие письма и другие документы, придающие повествованию достоверность. Но все это прелести подробностей, а не основа сюжета. Требуется исключительное искусство, чтобы привести события к разрешению — постепенно, шаг за шагом, обходя ожидания очевидного, добавляя изобретательные повороты и ключи. Все это требовало большого внимания и обдуманности. Вот почему к концу каждого романа Коллинз чувствовал себя совершенно измученным и обессилевшим.

Его внешний вид вызывал озабоченность. Джулиан Готорн, сын писателя[33], как раз в то время посетил Коллинза на Глостер-плейс. Он описал его как «мягкого, пухлого и бледного, страдающего от различных недугов, у него были неполадки с печенью, слабое сердце, легкие не справлялись с работой, желудок никуда не годился… он имел общий облик человека, испытывающего постоянный умеренный дискомфорт». Он также отметил «странную манеру держать ладонь, маленькую, пухлую и нечистую, словно она свисает на запястье, как лапка сидящего кролика… Сразу чувствовалось, что он несчастлив и нуждается

[33] Примечания: 33

в помощи». Молодой романист Холл Кейн вспоминал, что Коллинз имел «рассеянный и сонный вид, иногда казался слепым или человеком, находящимся под действием хлороформа».

Давний друг Эдмунд Йейтс описывал его как «совсем согбенного и скрюченного, словно гном, очень изменившегося по сравнению со щеголеватым маленьким человечком, которого я встретил тридцать лет тому назад». Сын Фрэнка Берда дополняет этот портрет: он «шел по улице, опираясь на толстую трость, согнувшись чуть ли не вдвое, так что казался стариком лет восьмидесяти, хотя ему было всего лишь шестьдесят пять».

Коллинз считал, что публикации Тиллотсоном «Дочерей Иезавели» в газетах были успешными, а потому осенью 1880 года в приложении к *Sheffield and Rotherham Independent Supplement и* в сети провинциальных газет появились выпуски его нового романа. «Черная ряса» рассказывала о священнике-иезуите, отце Бенвелле, который желал любой ценой получить имение английского джентльмена для своего ордена. Священник полагал, что эта земля была несправедливо отнята у его законных обладателей Генрихом VIII, а потому нынешний владелец должен завещать участок церкви. Занимательная и хитроумная

история была обращена к современной аудитории, чьи антикатолические предубеждения были отлично известны. Тем не менее Коллинз говорил знакомому, что книга «в римско-католическом мире, как и в протестантской Англии, признана лучшим романом, который я написал за последнее время».

Он не замечал никакого ухудшения качества или ценности его сочинений и как раз в это время заключил договор с представителем новой профессии — литературным агентом, который должен был защищать его интересы. Александр Полок Уотт основал такое агентство несколькими годами ранее и уже завоевал отличную репутацию. Поскольку у Коллинза на этот момент в печати находилось около двадцати романов и все они требовали внимания к заключению и соблюдению контрактов, получению платежей, естественно, что писателю потребовалась помощь специалиста. Эта помощь могла сберечь его время и способствовать повышению доходов. Он устал от личного общения, например, с администраторами провинциальных газет, которых называл «любопытными дикарями».

Итак, в начале декабря 1881 года он советовался с Уоттом по поводу планируемых газетных

публикаций нового романа. К тому времени, когда «Черная ряса» подходила к концу, он уже задумывал очередную пьесу, но тут ему в голову пришла идея другого романа, так что он продолжил работу без передышки. Книга «Сердце и наука» самым категорическим образом выражала его убеждение в дегуманизирующем влиянии науки в целом и практики вивисекции в частности. Его аудитория теперь включала и «неизвестную публику», о которой он некогда мечтал; новый роман печатался, среди прочих газет, в *South London Press.* К июню он выслал шесть глав Чатто для публикации в его журнале *Belgravia,* сопроводив рукопись письмом: «Моя собственная тщеславная идея состоит в том, что я никогда еще со времен “Женщины в белом” не писал такой первоклассной вещи». История так захватила его, что он писал ежедневно, без отдыха, как-то раз проработал двенадцать часов кряду. Так азартно он сочинял в течение шести месяцев, приходя в состояние «на одну часть здоров, на три части безумен», но ни разу за все это время не страдал от приступов подагры. Он завершил роман в крайнем возбуждении, которое привело его к полнейшемуистощению сил. Как только он закончил писать, все болезни вернулись.

«Сердце и наука» — один из наиболее несправедливо забытых романов Коллинза. В нем действуют необычайно живые, реалистичные персонажи, притом что часть из них была порождена отвращением автора. Миссис Галилей — дама с научными интересами. «Я всегда утверждала, что альбуминов в лягушачьей икре недостаточно (с точки зрения питания), чтобы обеспечить трансформацию головастика в лягушку — наконец, профессор признал, что я права. Простите, Кармина, в последние недели я работала урывками, с трудом находя время».

Доктор Бенджулия, вивисектор, — один из самых комичных персонажей. Ему нравилось щекотать маленькую девочку по имени Дзо шапкой, повешенной на конце трости. «Жаль, что я больше не могу ее пощекотать», — говорит он перед смертью. Любит он Дзо или воспринимает ее как потенциальный образец для экспериментов? В романе есть тонкость психологии, в которой обычно Коллинзу отказывают.

Сама эта девочка создана автором весьма убедительно. Вот как она описывает шотландца: «Он дует в трубы — в смысле, заставляет их визжать. Когда его слышишь в первый раз, живот начинает болеть. А когда привыкаешь, обнаруживаешь,

что он тебе нравится. Он носит кошель на поясе и юбку, никогда в жизни не надевает брюки, в нем нет ни малейшей гордости. Скажите, что вы мой друг, и он разрешит вам шлепнуть его по ногам». Про кузенов и кузин она замечает: «Милые девочки — они играют во все игры, какие только я предлагаю. Веселые мальчики — собьют девочку с ног, а потом помогут встать и очистить платье». Ее речь — вполне точное выражение оживленного и шутливого тона этой книги. Рецензенты заметили возвращение Коллинза в старую форму и приветствовали роман с большим энтузиазмом.

В *Academy* писали, что он «отлично читается и захватывает с первой до последней страницы». Один критик заметил, что, если «Женщина в белом» была «написана кровью и едким купоросом», «Сердце и наука» — «кровью и динамитом». Самой яростной атаке подвергалась вивисекция, практика, в то время служившая предметом дискуссий и эмоциональных споров; Коллинз любил животных и категорически осуждал вивисекцию. «Мои последние эксперименты на обезьяне меня самого ужаснули, — говорит доктор Бенджулия. — Она кричала от боли, в ее жестах читалась мольба, она напоминала ребенка». И все же он

продолжает эксперименты. Коллинз не столько описывает ужасы, сколько намекает на них. И это делает текст еще страшнее. По его словам, «литературные критики поздравляют меня с созданием шедевра».

За относительным успехом последовал относительный провал. Еще завершая роман «Черная ряса», Коллинз приступил к работе над новой пьесой. «Чин и богатство» поставили в театре «Адельфи» в начале лета 1883 года. Состав актеров был очень сильный, среди них Джордж Александр и Чарльз Хоутри, но даже знаменитости не смогли спасти спектакль. Сюжет довольно сложен, там есть «птичий доктор», чахоточный член коммунистического клуба, есть шокирующее откровение, что некоторые пэры королевства были незаконными детьми брака двоеженцев. По сути, еще один резкий выпад Коллинза в адрес условностей викторианской общественной жизни.

На прогонах театральные продюсеры предвещали автору триумф, и он появился на премьере с большой камелией в петлице. Вероятно, он даже готовил и репетировал речь, которую произнесет, когда его вызовут к публике. Но все пошло не по плану. Когда на сцену вышел «птичий доктор», рассыпающий семечки для птиц, ауди-

тория стала завывать. Сэр Артур Уинг Пинеро, в то время молодой английский актер и драматург, вспоминал происходившее в тот вечер: «Все шло неправильно. Публику веселили некоторые неловкие фразы, и она стала хихикать, затем по мере развития действия зал то и дело взрывался смехом, и, наконец, раздраженные протестом одного из оскорбленных такой реакцией актеров, зрители стали немилосердно улюлюкать и шикать». Протест выразил Джордж Энсон, который в перерыве вышел на авансцену и обозвал публику «толпой чертовых хамов», оскорбляющих «великого мастера». В ответ раздались крики «Бош!», «Чепуха!» и «Заканчивайте со спектаклем!». Актриса Эллис Лингард разрыдалась.

Теперь все называли пьесу «Чин и богатство» не иначе как «Чушь и бред», провал был очевиден. Критик *The Times* заметил: «Жажда драматизма в этом спектакле приводит к тому, что персонажи бесцельно бродят и тонут в действии, которое граничит с бурлеском, в пьесе много неудачных строк, гораздо больше, чем готова стерпеть публика».

Коллинз пожелал снять пьесу через неделю после первого показа. Он заявил, что зрители не поняли драму, не способны испытывать со-

чувствие к персонажам и к тому, кто привнес совершенно новые элементы в английский театр. Короче говоря, он был обижен, что вполне естественно. Он сам и его актеры претерпели «грубое обращение», даже женщин оскорбляли лично. «Издевательские выкрики и улюлюканье» во втором акте сменились «завываниями от смеха» в третьем. Он добавил, что только иностранцы проявили к нему сочувствие и выразили негодование таким поведением зрителей. Но все же он не готов был окончательно сдаться. Он допускал мысль о «новой попытке» где-нибудь в другом месте.

Несколько месяцев спустя его утешил и вдохновил успех «Новой Магдалины» в театре «Новелти» на Грейт-Грин-стрит. В этом случае он не посетил первую премьеру — неизвестно, из-за приступа невралгии, как он сам сказал, или из-за чрезмерного волнения. После провала в «Адельфи» он никогда больше не писал пьес для лондонских театров.

Однако его поддерживал успех «Сердца и науки», так что он почти сразу приступил к новой серии выпусков. Он хотел уберечься от американских пиратов, а потому пообещал издательству «Харпер энд Бразерс», что предоставит им полную

рукопись за три месяца до окончания публикации в прессе в Англии. В таком случае у пиратов не было возможности опередить его. Конечно, это означало, что огромное напряжение, от которого предостерегал его Фрэнк Берд, никуда не делось, и последние десять глав пришлось писать, не отрываясь ни на что, кроме еды и сна. Коллинз признавался: «Для меня все это так реально и по-настоящему, я верю, что персонажи — это живые люди». Неудивительно, что в итоге он остался совершенно обессиленным. Он чувствовал себя как «застиранная тряпка». Он принимал ртутный каломель, растительное средство безвременник и, как обычно, лауданум. Кроме прочего, у него началась ангина, и она спровоцировала мучительные боли в груди — то, что называли «грудной болью» или «грудной жабой». Помогали ему лишь ингаляции амилнитрита, после которого боль отступала, но он испытывал головокружение. И все равно продолжал писать.

«Мой ответ: нет» — еще одна тайна необъяснимой смерти. Молодая девушка-сирота отправляется на поиски правды о кончине своего отца. Она узнает, что все, у кого она пытается выведать факты, скрывают некие важные элементы роковой истории. Был ли ее отец убит? Его горло

перерезали бритвой? Решение загадки таится в заляпанной кровью записной книжке, где она находит слова «Мой ответ: нет». Так начинается удивительное и захватывающе повествование в типично коллинзовской манере. Это роман чистого саспенса, в котором люди встречаются — случайно или намеренно, оказываются связаны смертельной тайной, и никто, кроме них, не может ее раскрыть. Ни один писатель не умел создавать такие истории лучше Коллинза.

А затем умер его пес. Томми был постоянным его спутником на протяжении многих лет, и Коллинз был безутешен — сильнее, чем после смерти брата; он сказал, что ужасно страдал во время финальной болезни собаки. В «Опавших листьях» он писал: «В жизни мужчины бывают периоды, когда он находит желанное облегчение в обществе четвероногого спутника, а не в компании двуногих». Вечерами Томми приходил к нему, смотрел в глаза, вилял хвостом, ворчал, и это было сигналом, что пора идти в постель. Теперь, куда бы он ни пошел, чем бы ни занимался, ему не хватало маленького скотчтерьера.

Настроение немного улучшилось благодаря забавной переписке с одиннадцатилетней девочкой. Он встретил Нэнни Уинн и ее мать благодаря

Фрэнку Берду, который был и их доктором. Коллинзу всегда нравились дети и их пристрастия, многие чудесные моменты в его романах посвящены этому. У него был особый дар человека, наделенного богатым воображением: он умел разговаривать с детьми и всерьез воспринимал их идеи.

Переписка началась, судя по всему, летом 1885 года и завершилась весной 1888-го. Письма Коллинза поддразнивают девочку и одновременно передают огромное восхищение ребенком, он становится в них в шутку ее супругом, и она выступает в роли «миссис Уилки Коллинз» или «дорогой и восхитительной миссис Коллинз». «Этим утром у меня снова появились красные царапины, и я дышал моим “Амилом” (NB это *не* христианское имя *другой* жены. Это просто стеклянная капсула)». Все это совершенно невинно и показывает, как быстро Коллинз мог включиться в игру и вымышленную жизнь. Вероятно, это был единственный способ хотя бы в мыслях называть себя женатым человеком.

19. Так и я

Осенью 1885 года он одновременно писал пьесу и роман; по сути, это было одно произведение, но закон об авторском праве вынуждал Коллинза защищать свой сюжет, постаравшись, чтобы спектакль вышел раньше книги. Он считал, что новая история очень театральна по духу, а потому позволить пиратам украсть ее для инсценировки означало бы ослабить ее воздействие. Он приступил к работе в Рэмсгейте, но шум духовых оркестров и выкрики торговок рыбой мешали ему, так что он вернулся в «старую мастерскую» на Глостер-плейс. Он был полностью погружен в работу, исключив практически все остальное из своей жизни.

«Злого гения» начали публиковать через синдикат владельцев газет в декабре 1885 года, и Тиллотсон в «Бюро художественной литературы» заплатил ему больше, чем Коллинз когда-либо получал за прежние романы. В его жизни не чувствовалось упадка, по крайней мере, не в денежном плане. Новая книга была посвящена несчастной семье, состоявшей из мужа, жены и

их маленькой дочери. Когда в истории появляется привлекательная гувернантка, начинаются обычные в таких случаях осложнения. Гувернантка покидает дом, но ее зовут обратно, потому что девочка тоскует по ней, затем мать семейства бежит из дома вместе с дочерью, в Шотландии получает развод и ищет укрытия от бывшего супруга. Дополнительные трудности и путаница приносят новые несчастья, пока, наконец, муж и жена не решают вновь воссоединиться.

Как обычно, Коллинз соткал повествование из невротического смешения людей, испытывающих непрестанный страх, находящихся настороже, впадающих в нервную горячку, крадущих письма друг у друга, совершающих побеги, доходящих до нервного коллапса или паралича; две главные страсти романа — жадность и страх. Та же атмосфера царит и в повести, которую Коллинз писал после «Злого гения». «Река вины» создавалась невероятно быстро, работа сопровождалась нервным истощением и периодами прострации. Неясно, что за причина побуждала его к такой лихорадочной активности. Может быть, отчасти деньги — он хотел подстраховаться на будущее. Может быть, опасения, что праздность приведет к срыву — человек, усердно

трудившийся на протяжении всей жизни, мог с ужасом смотреть на перспективу совершенно свободного времени. Но, может быть, это была страсть рассказчика. Сам он сказал, что «Река вины» колотилась у него в голове и шептала: «Почему ты не выпустишь меня наружу?»

Он работал по двенадцать часов в день и закончил сочинение за месяц. Это история глухого жильца, известного как Бедолага, влюбившегося в дочь домовладельца и пытавшегося отравить счастливого соперника.

«Люди вашего возраста, — заключил он, — обычно судят по поверхности. Усвойте эту полезную привычку, сэр, и начинайте вглядываться в глубину Меня… Узнайте, — сказал он, — какие демоны выпускает на свет моя глухота, и не позволяйте чужим глазам увидеть это чудовищное зрелище. Вы найдете меня здесь завтра и к тому времени примете решение, стану ли я вашим врагом или нет».

Естественно, такое напряжение подрывало здоровье Коллинза, и без того слабое. Он сказал Нине Леманн, что, как почтовые лошади прежнего века, мчит галопом, не чувствуя поводьев. Но «помните, как дрожали передние ноги почтовых лошадей, как резко опускались их головы, когда

путешествие подходило к концу? Так и я, Падрона, так и я». Другому корреспонденту он писал, что «смертельно устал»; он чувствовал себя слабым и старым, подавленным. В голове царила такая путаница после чрезмерных усилий, что он не знал, где верх, где низ.

На протяжении того трудного года он редко «бывал дома» для случайных посетителей. Его душил лондонский туман. «Ты не жалеешь этим утром, что вообще родился на свет? — спрашивал он Уотта. — Я жалею». По ночам он не мог спать. Он предостерегал Эдварда Пиготта от сквозняков в железнодорожных вагонах. Он до смерти хотел увидеть море, почувствовать его запах, но, когда на самом деле летом 1886 года выбрался в Рэмсгейт, разразились подряд два суровых шторма, и в воздухе стоял такой нестерпимый жар, что невозможно казалось дышать. Возникла снова угроза «глазной подагры», и он впал в состояние, которое сам назвал «синим ужасом». Маячила скорая перспектива леденящего холода лондонской зимы. Вечерний воздух скверно влиял на легкие. Тем не менее он старался выходить из дома. Он взял Кэролайн и Кэрри в свою ложу на выступление Лили Лэнгтри в «Лионской красави-

це»[34], надеялся выбраться на следующей неделе в Хэймаркет на «Джима Пенмана»[35]. Театр был для него своего рода наркотиком. Он уносил его из повседневного мира.

Жара следующего лета в Лондоне спровоцировала у него нервное обострение и мрачные предчувствия. Он вздрагивал, даже когда внезапно открывалась дверь. Одному из друзей он сказал, когда в последний раз ужинал вне дома, что ему становится «дурно от страха» каждый раз, когда из-за угла появляется кеб. Берд советовал ему покинуть Лондон, но Коллинз с ужасом думал о необходимости ехать поездом, его отталкивала перспектива неизбежного шума. Единственным лекарством стала для него тихая вечерняя прогулка в мирном окружении. С приближением зимы воздух стал сырым, и он оказался узником дома.

Он цитировал Сэмюэла Джонсона: «Что *должно* быть сделано, будет сделано». В таком настроении он сел за новую работу, которая оказалась последним его завершенным романом. «Наследие Каина» Тиллотсон издавал в виде серии выпусков в различных провинциальных газетах, и Коллинз старался не нарушать еженедельный

---

[34] Примечания: 34

[35] Примечания: 35

ритм публикаций, однако именно в это время ему пришлось переезжать. Срок аренды дома на Глостер-плейс истек, домовладелец запросил за продление договора заоблачную сумму, и Коллинз стал искать вариант по соседству.

Он сам или, вероятнее, Кэролайн Грейвз сняли верхнюю часть здания 82 по Уимпол-стрит, и в последний раз он пережил тяготы переезда. Он цитировал разговоры. «С вашего позволения, сэр, не думаю, что зеркало в этом доме войдет над книжным шкафом». «Если приставной столик поместить в передней гостиной, не знаем, куда в таком случае ставить шкафы». «Сэр, тут пришел человек с образцами обоев». «Прошу прощения, сэр, я правильно понимаю, что вы хотели лампу в туалете?» Через два месяца в столовой так и не успели положить ковер. И все это время он должен был справляться с потоком того, что в газетах называли «экземпляром». Однако новый дом имел свои преимущества. Он располагался в более спокойном месте, чем Глостер-плейс, не доносилось голосов с задней стороны дома, где не было шумных соседей и стояли только склады торговцев с Уигмор-стрит.

Сочиняя «Наследие Каина», он не был уверен, не замахивается ли «выше головы» современной

публики, но не вполне ясно, что он имел в виду. Безусловно, это драма о наследстве и судьбе, в которой есть ключевые для Коллинза элементы: отравление и попытка убийства, безумие и подмена личности. Две молодые девушки выросли как сестры, хотя на самом деле одна из них была сиротой, которую приняли в доме. Сирота была дочерью убийцы, казненной за жестокое умервщ-ление собственного мужа, ее «сестра» была идеально воспитанным отпрыском благочестивой семьи. Кто из них обратится ко злу? Именно это «наследие» и оказывается в центре внимания. В то время существовало немало теорий о природе наследственности, но Коллинз не любил скучные умствования. В его романе, как и в прежних произведениях, главный предмет заботы автора — просто рассказать историю.

В это время на Уимпол-стрит бывал Холл Кейн[36]. Он описывал Коллинза как тихого и немного нервного. «Пока мы говорили, он сидел, наполовину склонив голову, и глаза его по большей части были обращены к столу, но время от времени он смотрел кому-то в лицо, и его взгляд был прямым и располагающим». Кажущаяся ро-

[36] Примечания: 36

Английский романист и драматург, популярный в своё время, но впоследствии забытый.

бость могла быть следствием усталости, которая в это время все чаще охватывала его.

Однако летом 1888 года на банкете Авторского общества он активно интересовался новыми знаменитостями литературного мира. Неизвестно, с кем его познакомили, но его мнение о «восходящих» писателях необязательно было восторженным. Он отметил, что, согласно утверждениям газет, каждую неделю восхваляют семь-восемь новых «великих гениев». По поводу литературных схваток в публичной печати он сказал только: «Эти несчастные существа, перенасыщенные самомнением». Один из персонажей «Злого гения» замечает про «новых писателей», что они «не дают ни истории, способной разбудить наши бедные нервы, ни неподобающих персонажей, способных обмануть нас в наших симпатиях, ни драматических ситуаций, способных нас напугать; искусное манипулирование деталями (как говорят рецензенты) и мастерская анатомия человеческих мотивов, которые — я знаю, о чем говорю, дорогая моя, но не могу объяснить».

Из всех молодых писателей ему больше всего понравился Райдер Хаггард, чьи «Копи царя Соломона» и «Она» полностью соответствовали

его модели энергично рассказанной истории. Он никогда не упоминал Генри Джеймса или Томаса Харди, но сказал, что наслаждался первой частью «Похищенного» Роберта Льюиса Стивенсона. У него были, как говорится, старомодные вкусы.

В начале 1889 года, покидая вечерний прием, он нанял кеб с четырьмя лошадьми. На самом выезде на Кингсбридж его кеб столкнулся с другим экипажем и перевернулся, на Коллинза посыпались осколки стекла. Он выпал через верхнюю часть дверцы и удачно приземлился на мостовую, обошлось без травм. Стекло тоже не ранило его, но в целом он пережил шок. Не лучшее предзнаменование наступающего года. После этого он страдал от невралгических приступов, которые удавалось унять только столовыми ложками лауданума.

Но все же он горел желанием начать новый роман. Он говорил, что идея «бурлит» новыми персонажами и историями. Отчасти «Слепая любовь» стала откликом на грандиозный скандал со страховкой, незадолго до того произошедший в Германии; человек оформил на себя страхование жизни, а затем нашел похожего внешне умирающего и убедил лечь в больницу под его именем. Смерть несчастного была ускорена ядом.

Коллинз соединил эту историю с рассказом про любовную одержимость добросердечной женщины мошенником. И на этот раз были собраны все традиционные ингредиенты его поздних сочинений.

Но 21 июня он сделал пометку на рукописи: «Итак, история написана для прессы до конца части 18». Девять дней спустя у него случился удар, парализовало левую сторону, опасались, что поврежден мозг. Прибыл Фрэнк Берд, он остался с больным на ночь. Временами Коллинз приходил в сознание, но у него начиналось «удушье» в области сердца. Кэрри Грейвз написала Уотту, что «у него временами легко в голове, и он не понимает, насколько болен». Он также испытывал перевозбуждение и начинал тревожиться о продвижении романа. Он не знал, но мог предполагать, что больше не сможет работать. Месяц спустя Кэрри Грейвз сообщила, что он окреп, но «паралич» все еще воздействует на его мозг. Она написала романистке Мэри Элизабет Брэддон: «Это ужасный шок — видеть столь чудесного гения сраженным в одно мгновение». Однако он уже мог лучше сосредотачиваться, много говорил о прошлом, Кэрри говорила Брэддон: «Сердце болит, когда видишь и слушаешь его».

4 августа случился рецидив, в течение двадцати шести часов он не мог ни есть, ни пить. Затем снова наступило облегчение, и Кэролайн смогла позавтракать вместе с ним. Он заметно оживился, Кэрри отвезла детей в Брайтон, в доме с Коллинзом оставались две платные сиделки. В конце месяца он продиктовал старшей дочери Мэриан письмо Уотту, в котором сообщал, что доктор доволен его прогрессом. Уотт успокоил его по поводу незавершенного текста «Слепой любви», убедив другого писателя, Уолтера Безанта, довести работу до финала. Задача была не настолько сложной, как может показаться, потому что Коллинз, следуя своей обычной практике, заранее сделал наброски с описанием каждого поворота сюжета, причем весьма детально, он также написал уже ряд диалогов к будущим частям. «Я был поражен, — писал Безант, — его пониманием огромной важности диалога в привлечении читательского внимания к эпизоду». Серию выпусков начали в *Illustrated London News* 6 июля и довели до конца без перерывов.

К началу сентября рука Коллинза достаточно окрепла, так что он смог сам написать письмо Фредерику Леманну, сообщая, что доктор «полон надежд» и сам он ожидает «более здоровых дней»

впереди. Он был слишком слаб, чтобы принимать всех посетителей, которые приходили на Уимпол-стрит, но сумел поговорить с Джорджем Редфордом, который играл на виолончели на музыкальных вечерах у Джордж Элиот. Позднее Редфорд вспоминал: «Он сказал, пожав мне руку с прежней теплотой, “видите, я в порядке — чувствуете мою руку”». Они с Редфордом выкурили по сигаре. Редфорд добавляет: «Мне было трудно прятать взгляд». Затем, через две недели, начался бронхит, его пересадили к камину, закутав в одеяла. 21 сентября он написал карандашом записку Фрэнку Берду: «Я *умираю,* дорогой друг. У. К.». Затем на отдельном листке бумаги оставил еще одно послание. «Они сводят меня с ума, запрещая мне ин… Приходите, бога ради. Я слишком несчастен, чтобы писать». «Ин…», может быть, начало слова «инъекция». Берд прибыл немедленно, но пациент был уже вне пределов помощи земными средствами. Он ушел медленно и без боли. В понедельник, 23 сентября, Кэролайн Грейвз записала в дневнике: «Уилки умер в 10 утра».

20. Постскриптум

Провожавшие его собрались на Уимпол-стрит утром в пятницу, 27 сентября 1889 года, чтобы сопровождать катафалк до кладбища Кенсал-Грин. В траурной процессии были Уильям Холман Хант и Эдвард Пиготт, знавшие его с юности, Чарлз Диккенс — младший и Фрэнк Берд, а также Артур Пинеро и Сквайр Бэнкрофт. К ним присоединились Эндрю Чатто и Александр Уотт. Кэролайн Грейвз и Кэрри Бартли с мужем представляли официальную семью. Марта Радд и ее дети не присутствовали на поминальной службе. Вместо этого они прислали крест из белых хризантем «от миссис Доусон и семьи». Коллинз до конца презирал викторианские условности, он распорядился, чтобы на похоронах не было черных лент на шляпах, перьев или погребальных шарфов.

В завещании он разделил свое состояние поровну между Кэролайн Грейвз с Кэрри Бартли и Мартой Радд с детьми. Несмотря на двадцать один роман и семнадцать пьес, он умер не слишком богатым человеком, оставив чуть меньше одиннадцати тысяч фунтов. Кэролайн Грейвз

заботилась о его могиле на Кенсал-Грин вплоть до своей смерти в 1895 году, и ее погребли на том же участке. После этого за могилой ухаживала Марта Радд, пока не скончалась в 1919 году.

Основные произведения Уилки Коллинза

Воспоминания о жизни Уильяма Коллинза (1848)
Бэзил (Тайный брак) (1852)
Игра в прятки (1854)
Тайна (1857)
Женщина в белом (1860)
Без права на наследство (1862)
Армадейл (1866)
Лунный камень (1868)
Муж и жена (1870)
Новая Магдалина (1873)
Закон и женщина (Закон и жена) (1875)
История плута (отдельный выпуск) (1879)
Опавшие листья (1879)
Сердце и наука (1883)
Мой ответ: нет (1884)

Библиография

Ashley, Robert: *Wilkie Collins* (London, 1952)

Bachman, Maria K. and Cox, Don Richard (eds): *Reality's Dark Light: The Sensational Wilkie Collins* (Knoxville, TN, 2003)

Baker, William: *Wilkie Collins's Library* (Westport, CT, 2002) Baker, William and Clarke, William M. (eds): *The Letters of Wilkie Collins*, in two volumes (London, 1999)

Baker, William, Gasson, Andrew, Law, Graham and Lewis, Paul (eds): *The Public Face of Wilkie Collins: The Collected Letters*, in four volumes (London, 2005)

Clarke, William M.: *The Secret Life of Wilkie Collins* (London, 1988)

Davis, Nuel Pharr: *The Life of Wilkie Collins* (Urbana, IL, 1956)

Drinkwater, John (ed.): *The Eighteen-Sixties* (Cambridge, 1932)

Ellis, S. M.: *Wilkie Collins, Le Fanu and Others* (London, 1951)

Gasson, Andrew: *Wilkie Collins: An Illustrated Guide* (Oxford, 1998)

Grinstein, Alexander: *Wilkie Collins* (Madison, CT,

2003)

Law, Graham and Maunder, Andrew: *Wilkie Collins: A Literary Life* (London, 2008)

Lonoff, Sue: *Wilkie Collins and his Victorian Readers* (New York, 1982)

Nayder, Lillian: *Wilkie Collins* (New York, 1997)

Nayder, Lillian: *Unequal Partners: Charles Dickens, Wilkie Collins and Victorian Authorship* (London, 2002)

O'Neill, Philip: Wilkie Collins (London, 1988)

Page, Norman (ed.): *Wilkie Collins: The Critical Heritage* (London, 1974)

Peters, Catherine: *The King of Inventors* (London, 1991) Pykett, Lyn: *Wilkie Collins* (Oxford, 2005)

Robinson, Kenneth: *Wilkie Collins* (London, 1974) Sayers, Dorothy L.: *Wilkie Collins* (Toledo, OH, 1977)

Smith, Nelson and Terry, R. C. (eds): *Wilkie Collins to the Forefront* (New York, 1995)

Taylor, Jenny Bourne: *In the Secret Theatre of Home* (London, 1988)

Taylor, Jenny Bourne (ed.): *The Cambridge Companion to Wilkie Collins* (Cambridge, 2006)

Thompson, Julian (ed.): *Wilkie Collins: The Complete Shorter Fiction* (London, 1995)